КУЛЬТУРА

КУЛЬТУРА

"Nizamînin davamçıları"

Архитектурные памятники на территории Азербайджанской Республики

AZƏRBAYCAN
KEÇMİŞ ƏSRLƏRDƏ VƏ BU GÜN
memarlıq abidələri
AZERBAIJAN
IN THE OLD AND PRESENT TIMES
architectural monuments
XƏZƏR DƏNİZİ
CASPIAN SEA
Khudad
Gusar
Khachmaz
Guba
Davachi
Gonaghband
Siyazan
Gabala
Khyzy
Gilezi
Ismayilly
Shamakhy
Haji Zeynalabdin
Goychay
SUMGAYIT
Ujar
Aghsu
Maraza
Khyrdalan
Lokbatan
Kyurdamir
BAKI
Zardab
Sahil
Sangachal
Gobustan
Kura
Sabirabad
Gazi-Mammad
Alat
Imishli
Saatly
Araz
ALI-BAYRAMLY
Bayramtepe
Salyan
PROTECTED NATURE RESERVES
1 Gusar
2 Garayaz-Agstafa
10 Ag-gyol
11 Gil
12 Bandovan
13 Lachin
16 Orduvad
17 Zuvand
Bilasuvar
Neftchala
Jalilabad
Goitapa
Masalli
Yardimy
Lankaran
Lerik
Astara
AZERBAIJAN,
Middle Ages, Silk Way
COPYRIGHT AGENCY
OF THE AZERBAIJAN
REPUBLIC
N 11-14/C-917-06
06.04.06
© Ismayil A. Mammadov 2006

ГУСЕЙН ДЖАВИД

Важнее острого меча для турков
Культура лишь, культура лишь, культура.

Перевод Ильхама Бадалбейли

Храни меня, сэмэни

Как и у людей, у времен года бывают свои дни рождения. Самый длинный день в году - 22 июня - день рождения лета. 22 сентября - последний день уходящего лета и первый день осени. А самой долгой ночью, 22 декабря, приходит зима… Вплотную прибившиеся к дверям сугробы на крыльце, белоснежные папахи на крышах троллейбусов и автомашин, прогнувшиеся под тяжестью снега ветви деревьев, скованные льдом тротуары… Обжигающее дыхание студеных ветров, лютая стужа побелевших от мороза ночей, сумерки, мгновенно густеющие в темноту, и поздние рассветы - все это как бы отдаляет от нас воспоминания о бескрайнем, насколько хватает глаз, летнем небе, мягкой печали одетой в золото осени… Этот холодный период года длится вовсе не три месяца, как полагают, а гораздо больше, протянувшись в бесконечность для нас; тянется и тянется, и кажется, нет ему конца и края…

Но как зеленый нежный росток, что пробивается сквозь пробуждающуюся с трудом от долгой спячки землю, так и медленно, но неуклонно приближается к нам особая календарная дата - 21 марта - день равноденствия, день последнего прощания с уходящей зимой, день рождения весны. Обрядами, рожденными в глубинах тысячелетий, наш народ всегда встречал этот день, как самый большой праздник. И в самые тяжелые и трагичные моменты нашей истории этот день жил в памяти народа, его сознании и быту как связанный с теплой радостью, большими надеждами, добрыми делами. И самые бедные из бедных в этот день, состряпав, как говорится, из ничего, старались накрыть праздничный стол. И самые упорные из поссорившихся, найдя предлог, мирились, а двери, закрытые пред ними до тех пор, распахивались и слышалось приветливое: “Добро пожаловать”, “Рады видеть вас”, “Да будет добрым ваш день”. И самые большие неумехи из женщин, и те в этот день прибирались, наводили чистоту, а самые ленивые среди мужчин, проявив небывалое усердие, белили и штукатурили стены домов, чинили ограды. В Новруз соседи старались послать друг другу что-нибудь из еды, из того, что было в доме. Знакомые улыбками приветствовали знакомых, а незнакомые - незнакомых. И даже те, у кого было горе, хоть на день, да забывали о своей беде.

В этот день все говорили друг другу: “Поздравляем с праздником, дай Бог, чтобы праздников было много…”

Сэмэни, храни меня,
А я буду каждый год выращивать тебя...

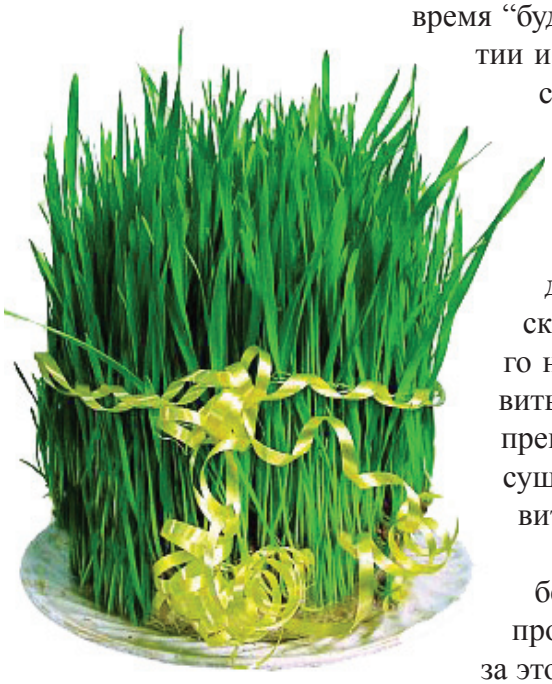
С детства запавшие в душу эти слова я вспоминаю, когда смотрю на украсившее наши столы, разместившееся в больших и малых тарелках, взметнувшееся кверху зеленое “пламя”- снопик свежей травы. И думаю о том, какой глубокий смысл спрятан в этом,

казалось бы, простеньком стишке, незамысловатой, незатейливой, на первый взгляд, рифме “тебя-меня”, и как своевременно, свежо и к месту звучит этот смысл применительно к нашим дням.

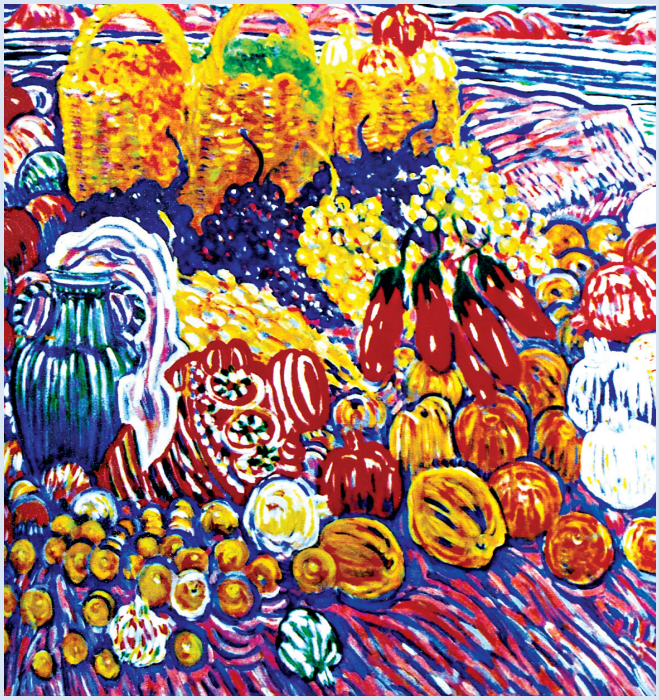
Человек силен, могуществен, отважен. Но само человечество с первых дней своего зарождения было беспомощным и бессильным перед пугающей бесконечностью мира, его загадками, таинствами жизни и смерти. У человека могут быть тысячи друзей, сотни сторонников, дорогих ему людей, но перед лицом смерти он одинок, растерян, и жалок. Во времена нежданных, посланных ему судьбой испытаний, глаза и сердце его невольно всегда искали помощи со стороны. Наверное, вот в такие моменты собственного бессилия человек и придумал Бога, стал искать у него защиты. Но прежде, еще раньше, до всех богов, идолов и жрецов, человек искал помощи у природы, прося у нее пристанища, в период первого пробуждения мирового разума человек поклонялся не богам, которых никогда не видел, а виденным им каждый день солнцу, земле, дереву, траве.

Наблюдая рождение весны после зимнего сна в опустошенных листопадом садах, он надеялся, что и его смерть временна, верил в собственное воскрешение, в то, что, не сгнив под землей, прорастет новыми всходами, вновь вернувшись к свету. И поэтому наш народ считал сэмэни подтверждением и символом бессмертия. Символом земли, ее пробуждения, оживления застывшего и оцепеневшего, зеленым символом вернувшейся вновь вечной жизни… Потому и говорили с трепетной и грустной мольбой: “Сэмэни, храни меня… “

Однако народ понимал и то, что не только земля для поддержания человека, но и человек обязан дорожить ею, оберегать ее, ухаживать за ней. Должен холить землю… Дать обет с нежной лаской и влюбленностью: “Каждый год буду выращивать… “. Не на день, не на час, не на мгновение, а обет вечной верности матери-земле верных ее детей. Как нерушимая клятва человека земле, перед грядущими поколениями: каждый год, в любое время “буду выращивать…”. Несмотря на любые перипетии и житейские бури, тот, кто готов всегда отдавать свой долг земле, никогда не согласится безжалостно ее эксплуатировать, не будет докучать ей, не пресытится ею, не будет требовать от нее больше положенного. Никогда земле, оберегаемой им, родной и любимой, он не нанесет вреда какими бы то ни было псевдонаучными “изысками”, не сделает того, что может вдруг, ни с того ни с сего взбрести в голову, а постарается оставить реки - реками, леса - лесами, моря - морями. Не превратит рыб в “изгнанниц”, перелетных птиц - в существ без крова и гнезда, а джейранов - не оставит без родины.



Велико терпение природы, как и земли, но не беспредельно. Она не оставит безнаказанными произвол и самоуправство дедов и отцов, накажет за это их внуков и правнуков.



Праздник Новруз байрам в рисунках художников А.Азимзаде, С.Бахлулхзаде, А.Рзакулиева, Т.Нариманбекова, Р.Бабаева

Сэмэни всегда готово поддерживать и хранить нас - поддерживать вечно, украшая нашу Жизнь, не прерывая ее изобилия, но с одним лишь условием, что и мы каждый год будем трудиться на земле, не покладая рук, со всей ответственностью и самоотверженностью, не нанося ей никакого вреда. В наивных, казалось бы, строчках старинного стишка, выстроенных с детской непосредственностью и простотой, заложена суть большой современной экологической проблемы.

* * *

Что определяет особенности нации, лицо народа? Его историческая судьба, географическое положение, язык, привычка к труду, избранные и освоенные им профессии, запах его родной земли, тепло его солнца, сила его рек, плодородие его земель, подземные и наземные богатства, понятие о красоте, приправы и пряности, полюбившиеся краски, танцы и музыка, стихи, колыбельные, притчи, загадки, выстроенные им дома в горах и на равнинах, и еще, и еще… Как говорил Деде Горгуд, у счета нет конца… Так же и праздники. Новруз байрамы - праздник, связанный с самыми древними представлениями о мире нашего народа, с земледельческими календар-ными воззрениями тружеников, с готовностью вспаханной земли принять закваску жизни, это как открытые настежь двери и окна навстречу людям, солнцу, воздуху, это праздник, зародившийся в самых глубинах жизни земледельцев, в их быту. В течение веков религиозные деятели, представители разнообразных сект и политических течений старались, отделив этот праздник от подлинных его корней, облечь его в одежды религиозности, фанатизма и суеверия, укутать, как красавиц прошлого, в темную чадру. Но никто и никогда так и не сумел вытравить его из людских сердец, отнять его у тех, кому он дорог, изъять его из их языка. Потому что, Новруз отражает неистребимые качества народа - потребность жить, надеясь на лучшее, жажду верности и открытости в любви, изобилия и счастливого будущего, гостеприимства и общительности, радушия и чувства дружбы между людьми. Конечно, все эти качества присущи и другим народам. И поэтому Новруз байрамы, будучи нашим праздником, еще и интернационален. Это, можно сказать, всеобщий праздник всех тех, кто любит весну, ждет ее прихода.

Помню, как в годы своей учебы в Москве мои друзья, однокурсники - представители разных народов; русские украинцы, белорусы, грузины - в первый день весны, 21 марта, именно нас, азербайджанцев, поздравляли с этим праздником, собирались именно за нашим празднично накрытым студенческим столом. А мы гордились, что в этот первый день весны именно мы для наших друзей накрывали этот праздничный стол, “на котором чего только не было из присланных из дому, из Баку, гостинцев - и свежая зелень сэмэни, и крашеные яйца, и пестрые свечи. Зеленое сэмэни как бы приносило к нам с полей дыхание весны, свечи были отблеском горящих вдалеке, на родине, костров, разноцветные яйца - опоясывающий после весеннего ливня горизонт радугой всех оттенков… Все мы говорили о своих домах, родных городах, о ставшей для всех нас второй родиной Москве, говорили об обычаях, праздниках, традициях, обрядах каждого народа, о литературе, искусстве, стихах. Вспоминали строки Есенина, посвященные волнам Хазара, весне в Баку, маю в Балаханы. Рассказывали друзьям о том, что на расстоянии двух тысяч километров отсюда - у нас в Азербайджане, - в сосновых лесах, бесконечных степях, на затерявшихся в пелене облаков вершинах гор, на исходящей паром от весеннего тепла земле подняли сегодня свои головки первые фиалки, робко изогнувшиеся вслед за солнцем.

Живший за четыре века до этой нашей встречи мечтатель поэт Ашыг Курбан написал про эти фиалки бессмертные слова:

Не разлука ли кривит их стройный стан?
Нигде я не видел прямых фиалок…

Где они теперь, эти встречи во время Новруза? Сколько лет прошло? Куда умчались те весенние дни? Весенние дни нашей жизни, нашей юности. Если осень - время печальных воспоминаний, то весна - время неисчерпаемых надежд, безудержных мечтаний, удивительных и прекрасных устремлений…

* * *

Поверим же в зеленый символ жизни, всей планеты - сэмэни. Поверим в то, что сэмэни убережет нас от любой беды, оградит от несчастий и катастроф, от всех напастей. Поверим, что сэмэни будет всегда вместе с нами, а значит, поддержит нас, людей, во всех трудных моментах, что случаются на нашей планете. И мы в свою очередь скажем свое решительное мужское слово:

Сэмэни, храни меня,
А я буду каждый год выращивать тебя…

Перевод С.Касумовой

Религия - это культура

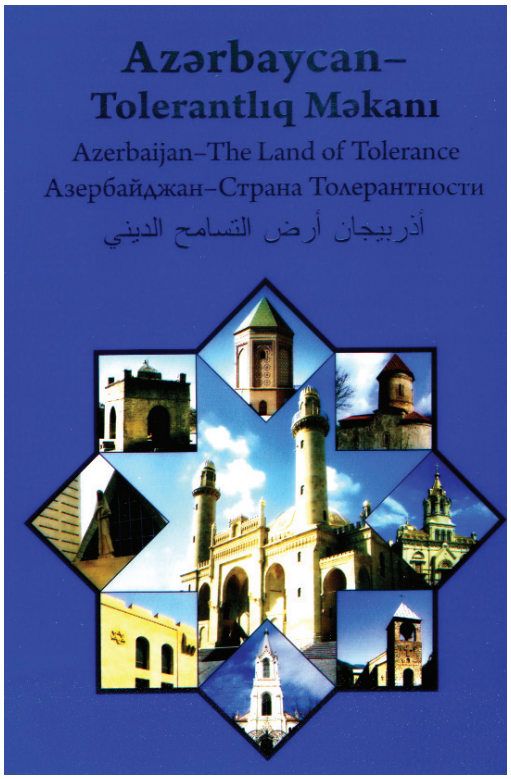
17-го июня 2005-го года в Москве, в Колонном зале состоялась международная конференция под девизом: “От террора к планетарной этике. Религия и мир”. В работе конференции приняли участие политические, общественные деятели, писатели и ученые, представители разных религий из 38 стран. Выступил и я. Текст моего выступления был опубликован в августовском номере журнала “ДА. Диалог Аврасия”, выходящего в Стамбуле на турецком и русском языках:

“Провести подобное мероприятие в Москве, собрать вместе столько представителей различных религий, выслушать каждого из них в атмосфере терпимости и понимания - большое событие. На мой взгляд, это событие мирового уровня. Такие программы должны повторяться. Налаживание взаимопонимания между людьми разных вероисповеданий, имеет такое же колоссальное значение, как и развитие культурных отношений.

Сегодня, к огромному сожалению, Ислам порой ассоциируется с терроризмом. Это очень большая ошибка и крайняя несправедливость. Мировое СМИ оказывают давление на Ислам, и это тоже один из видов морального терроризма. Я считаю, что нужно провести еще одно мероприятие, темой которого станет: “Ислам против террора. Террор против Ислама”. Это не секрет, что в западной печати, на телевидении и в обществе существует исламофобия, переходящее в откровенный моральный террор по отношению к этой религии. Всем известен международный террорист Карлос, которого долго считали террористом №1. Но никто не называл его “христианским террористом”, а Бен Ладена, как правило, представляют как “исламского террориста”. Карлос был Карлосом сам по себе, без всякой религиозной окраски. Бен Ладен тоже должен оставаться только Бен Ладеном. Зачем нужно обязательно привязывать его к Исламу?

Сейчас в мире мы все чаще наблюдаем политику двойных стандартов. На Примере Палестины видно, что стремление людей защитить свою землю называют терроризмом. Но когда одно государство оккупирует 20 процентов территории соседней страны, это не называют терроризмом, хотя, несомненно - это самый настоящий государственной терроризм.

Этику можно понимать очень широко, ее трудно свести к общей для всех народов практике. Есть вечные нормы морали, не меняющиеся с течением времени: не убий, не укради и т. д. Но кроме этих универсальных понятий, в разные времена у разных народов существовали и существуют и свои собственные представления о морали и нравственности. Так, например, в Азербайджане, Турции и в других странах исламского Востока гомосексуализм считается безнравственным явлением. Но во многих странах Европы он признан вполне приемлемым, узаконен и даже разрешены однополые браки. Чтобы не говорилось о Правах человека, мы, тюрки, не можем принять за норму женитьбу мужчины на мужчине. Но и европеец не может понять, как это по шариатскому законодательству разрешается иметь мужчине четырех жен.



Азербайджан - страна религиозной толерантности где мечети соседствуют с церквями, костелами, синагогами и храмом огня

Необходимо осознать, что этические нормы имеют еще одну особенность, связанную со Временем. В определенные эпохи бывают как всеобщие измерения, так и локальные. Понимание демократии было дано миру Древней Грецией. Но древние греки не считали рабов за людей. Они считали демократию привилегией только свободных людей.

Спустя тысячелетия в Америке не считали за людей негров. Ведь они были первоначально невольниками. И это в стране, провозгласившей принципы демократии и равноправия людей основой своей жизни. США считается оплотом демократии, но всего 50 лет назад дети белых американцев не могли садиться вместе с детьми негров в один автобус, ходить в одну школу. В ряде исламских стран женщинам воспрещается водить машину.

Предрассудки прошлого живут в наших умах. И порой эти предрассудки освящаются законом. И потому так различаются критерии морали в разные эпохи и у разных народов.

Я думаю, что культура, и в первую очередь литература и искусство - могут играть самую большую,

Президент Гейдар Алиев принимает глав религиозных направлений Азербайджана

На приеме у Папы Римского. Слева Анар, Г.Гасанов, С.Алиева, Г.Алиев, Папа Иоан Павел II, А.Пашазаде, Р.Аллахвердиев

решающую роль в сближении народов, в их взаимопонимании в преодолении всяких религиозных и национальных предрассудков. Конечно, каждый народ может считать свою, скажем музыку или литературу, лучшими в мире, превосходящими все остальные, но ни одна война не возникла из-за этого спора. Войны всегда имели религиозные, политические, экономические, идеологические, национальные или территориальные причины, но никогда культурные. Так будем же бережны к культурным ценностям каждой нации. В конце концов, в широком понимании и религия является частью культуры".

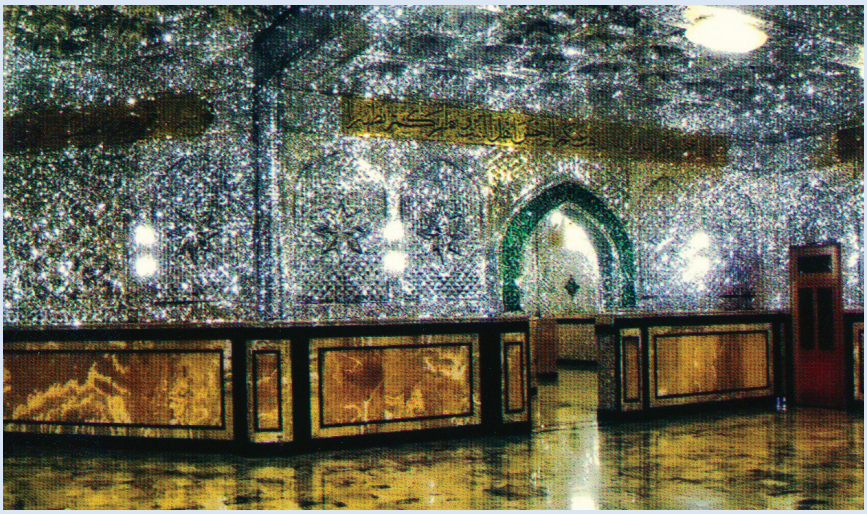
Папа Римский Иоан Павел II вручает медаль с собственным изображением в Ватикане. Сентябрь 1997 г.

На Всесоюзной Конференции Солидарности в Тбилиси с Шейх-уль-Исламом Аллахшукуром Пашазаде

С Патриархом Всея Руси Алексеем II

Папа Римский Иоан Павел II вручает медаль с собственным изображением уже в Баку

Мир Мовсум Ага



Гробница Мир Мовсум Ага в Шувелянах

В Иерусалиме у еврейской святыни - Стены Плача, Фикрет Годжа и Анар

ПРИВЕТСТВИЕ ПЕРВОМУ НОМЕРУ ГАЗЕТЫ “ДЖЕМИЙЙЕТ ВЕ ДИН”

(“Общество и религия”)

От души приветствую и поздравляю выход первого номера газеты, посвященной вопросам религии и желаю ей успехов. Религия - очень значительная духовная сфера общества и важный фактор в жизни каждого человека. Для меня религия - это прежде всего нравственность и культура. Если религиозные конфессии отличаются друг от друга, то произведения искусства, созданные под их влиянием, входят в общую сокровищницу всего человечества. Когда мы с восхищением любуемся Собором Парижской Богоматери, “Сикстинской Мадонной” Рафаэля или “Пьетой” Микеланджело, когда с упоением слушаем Хоралы Баха, мы получаем огромное эстетическое наслаждение, не задумываясь о религиозном предназначении этих произведений искусства. Точно также жемчужины созданные в лоне исламской религии - поэзия Джелалэддина Руми, Физули, мугамы, Тадж-Махал в Агре, архитектурные памятники Самарканда и Нахчевани, мечети Стамбула и Кордовы - достояние всего мира.

Среди монотеистических религий Ислам обладает наибольшей толерантностью. Ислам признает всех пророков двух других предшествующих ему религий - иудаизма и христианства, относится к ним с почтением. Среди христиан вы не встретите имен Мухаммед, Али, Гасан, Гусейн, но в мусульманском мире весьма популярны такие имена как Ибрагим (Авраам), Сулейман (Соломон), Давуд (Давид), Муса (Моисей), Иса (Иисус).

Отделение религии от государства - светскость, секулярность власти - основополагающие принципы каждой демократической страны. Атеистические режимы, приверженные безбожью - открывают путь к диктатуре. Диктаторы, отрицающие Бога, пытаются внедрить в сознание масс собственный культ всесильного вершителя судеб. С другой стороны и теократические режимы рано или поздно превращаются в тоталитарные системы, становятся гонителями разномыслия, свободы выражения.

Сегодня - когда и в медиа, и в литературе, искусстве, во взаимоотношениях людей, в их поведении в обществе, все больше чувствуется деградация нравственных принципов, низвержение и опошление моральных и эстетических ценностей, есть особая необходимость в возрождении основ религии - это и здоровые семейные отношения, уважение между старшими и младшими, эта чистота помыслов, недопущение всякого рода мздоимства, зависти, несправедливости, помощь всем, кто в такой помощи нуждается - все это гораздо важнее чисто формальных ритуалов религии.

Самым яростным врагом религии является фанатизм. Наши великие деятели М.Ф.Ахундзаде, М.Дж.Мамедкулизаде, М.А.Сабир боролись не против исламской религии, к которой все они принадлежали, а против религиозного фанатизма, мракобесия, обскурантизма и их порождения - невежества.

Я с детства верю в Бога и буду верить до конца жизни. Свое отношение выражаю следующей формулировкой: В Бога верю. Религию уважаю. Фанатизм и мракобесие презираю.

11 апреля 2009 г.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ГАЗЕТЫ “ДЖЕМИЙЙЕТ ВЕ ДИН”

Вопрос: *Когда говорят “религия”, о чем вы сразу думаете? В какой ситуации вашей жизни вы испытали благодарность нашей религии?*

Ответ: *Когда думаешь о религии, прежде всего задумываешься о праведности. Это я чувствую во всех ситуациях жизни. Религия призвана предостерегать нас от дурных помыслов и дурных поступков. Должна направлять нас на правильный путь, не давать возможности потакать злу.*

Вопрос: *В эпоху универсализации многих духовных ценностей есть ли необходимость в универсальной религии? Каким может быть такая универсальная религия?*

Ответ: *В Истории не раз был попытки создания единой универсальной религии. Отчасти приверженцами этой идеи были Баб и бабиды, бехаи. В наши дни такие попытки делал корейский проповедник Мун. Мне эти попытки кажутся бесплодными. Каждая конфессия должна сохранить свою особенность, непохожесть, при всем, что их объединяет.*

Вопрос: *Каждый ищет своего Бога, что это, по-вашему, признак мудрости, духовная потребность или слабость?*

Ответ: *Во всяком случае, не слабость. Скорее духовная потребность. Человек всегда хочет опираться на более могучую силу, а это Бог.*

Вопрос: *Вы когда искали Бога в себе и нашли ли его?*

Ответ: *Я нашел Бога в раннем детстве, и он всегда со мной.*

Вопрос: *Когда религия является - культурой, когда она - мракобесие и когда фанатизм? Как определить это? Что бы в связи с этими определениями посоветовали бы Вы нашим читателям, особенно сейчас, когда активизировались различные религиозные течения?*

Ответ: *По-моему, различие между этими понятиями весьма определенное - мракобесие и фанатизм определения со знаком минус. Мракобесие тянет общество в мрачное прошлое, фанатизм наносит огромный вред человечеству. Подлинная же религия - эта культура, нравственность, она очищает людей, подвигает их к благородным делам. Есть течения, которые выступают под именем Ислама, но на самом деле действуют вопреки его моральным и этическим принципам. Ислам призывает людей к согласию, к дружбе, к миру.*

Вопрос: *В экономически развитых странах религия, как правило, ослабевает. Что это, победа материального над духовным, слабость духовности перед материальным?*

Ответ: *Я не уверен, что религия в развитых странах ослабевает. В таких экономически развитых странах как Италия или Испания позиции католицизма весьма сильны. Или в такой развитой стране как Япония образ жизни во многом определяет синтоизм.*

Вопрос: *По статистическим данным наиболее высокий процент самоубийств приходит на долю благополучных по жизненному уровню населения стран. Это связывают с отсутствием веры в этих странах.*

Ответ: *Это совершенно другой вопрос. Суицид может происходить и по совершенно другим причинам.*

Вопрос: *В нашей жизни происходят как радостные события, так и печальные. Они не обходятся без мулл. Каким вы представляете современных мулл и какими бы хотели видеть будущих?*

Ответ: *И современных и будущих мулл я хотел бы видеть грамотными, широко образованными в вопросах религии, понимающими ее фундаментальные принципы, хорошо осведомленными в Священном Коране и хадисах и умеющими извлекать из них и доносить до слушателей правильные выводы.*

Вопрос: *Какие предложения в связи с этим внесли бы вы в наши свадебные ритуалы и поминки? Есть ли необходимость в изменениях?*

Ответ: *Прежде всего, я не хотел бы, чтобы на наши свадьбы и поминки тратились такие излишние средства. Порой я думаю, что вся жизнь части нашего населения направлена на то, чтобы скопить деньги на свадьбы и похороны. Конечно, нужно проводить эти мероприятия, но по возможности скромно, без излишеств, показухи.*

Вопрос: *Как вы считаете, бракосочетания несовершеннолетних девушек это их личное дело или это должно привлечь внимание общества?*

Ответ: *Если это даже личное дело, общество не может оставаться безучастным к этому, на мой взгляд негативному явлению. Юные люди, кстати, и парни, и девушки, не должны вступать в брак в столь раннем возрасте. Сначала они должны освоить какую-нибудь профессию, расширить и сформировать свои представления о жизни вообще и о семейной жизни в частности, встать так сказать, твердо на ноги, а уж потом, достигнув совершеннолетия, решаться на брак.*

Вопрос: *Ваша любимая пословица…*

Ответ: *“Инсаф динин ярысыдыр”. (Совесть - половина веры). Впрочем, у тех, у кого нет веры, естественно, отсутствует и ее половина, то есть совесть.*

Вопрос: *Почему вы считаете, что религия - это прежде всего культура и нравственность?*

Ответ: *Во-первых, потому что все религии - и Ислам, и христианство, иудаизм, да и другие религии создали нетленные образцы искусства, религиозные темы нашли отражение в шедеврах зодчества, музыки, литературы, изобразительных искусств. Религия является также основой нравственности, она отвращает людей от преступлений, лжи, предательства, корысти. Это - законы всех религий.*

Вопрос: *В одной из бесед вы сказали, что если бы была возможность, то отредактировали бы какие-то поступки в своей жизни. Много ли в вашей жизни событий требующих редактирования?*

Ответ: *В жизни каждого человека есть поступки, нуждающиеся в редактировании. И в моей в том числе. Может быть, у меня их меньше, чем у многих других. Но в любом случае это абстрактный разговор. Никто не возвращается в мир заново, чтобы исправить допущенные ошибки. Но можно в течении самой жизни извлечь опыт из ошибок, чтобы не повторять их.*

Вопрос: *Что в вашей жизни вы считаете требующей редактирования?*

Ответ: *Не должен был отвечать каждому встречному-поперечному. Не должен был реагировать на всякую клевету и ложь в свой адрес.*

Вопрос: *Есть ли моменты, когда перо молчит?*

Ответ: *Естественно. Нельзя постоянно говорить и даже все время писать. В творческой жизни необходимы паузы. Нужны дни, месяцы и даже годы молчания, когда что-то накапливается внутри, чтобы в определенное время выплеснуться. Хотя есть*

и другая точка зрения: ни дня без строчки, но мне кажется, что беспрерывная работа может превратить человека в робота.

Вопрос: *Шестой этаж пятиэтажного дома - это место, где надежды терпят крах? Зная, что надежды обречены, стоило ли подниматься на несуществующий шестой этаж? Есть ли вера на этом самом этаже?*

Ответ: *Ваш вопрос связан с моим романом. Там шестой этаж символизирует некое место, находящееся выше и вне пределах обыденности, привычных отношений. Если это символ, то естественно в этом есть и вера.*

Вопрос: *Вы всегда с глубоким уважением относитесь к творчеству Джалила Мамедкулизаде. В одном из фельетонов он со свойственным ему юмором, писал, для того, чтобы наступил на земле вечный мир, все должны принять мусульманскую религию.*

Ответ: *Сейчас я не помню в каком из фельетонов и в каком контексте высказал такую мысль Мирза Джалил. Как вы уже заметили, это, очевидно, сказано с юмором, с иронией. Было бы неправильно, если бы все человечество приняло одну какую-нибудь определенную религию, скажем Ислам (да это и невозможно). Мир прекрасен разнообразием убеждений. Каждая религия имеет свои ценности, и вместе они составляют многокрасочность земли.*

Вопрос: *“Белый овен, черный овен”- это утопические мечтания или то, что вы ожидаете в реальности?*

Ответ: *Как знаете, эта повесть состоит из двух частей, двух сказок по определению. В утопической сказке я пытался воплотить свои мечтания и ожидания насчет счастливого будущего Азербайджана. Во второй части, в антиутопической сказке я пытался предупредить о тех опасностях, которые могут подстерегать нас. Это предупреждение, предназначенное для предотвращения опасностей.*

Вопрос: *В лекции, прочитанном в Американской Университете в Баку - в “Раздумьях об азербайджанстве” вы утверждаете что История - это терпение Бога. Что это идеализм или опыт долгих лет? Разве допустимо терпение к злу?*

Ответ: *Речь, как вы заметили, идет о терпении Бога, а не людей. Люди могут быть нетерпимы и к злу, и к добру. Терпение же Бога в том, что он видит дальше, больше и шире людей. Он, конечно, прекрасно знает и о зле на Земле и рано или поздно наказывает его. Рано или поздно - вот в чем суть. То, что людям кажется слишком поздним, по каким-то недоступным нам причинам совершается как раз таки в надлежащее время. В этом и проявляется терпение Бога в Истории. И еще, если обратиться к современному выражению, отношение Бога к событиям ассиметрично, неадекватно, но в конечном счете справедливо.*

Вопрос: *“Нельзя вмешиваться в дела Бога”, “нельзя высказывать пророчества”- как говорят, это противостоит исламскому мировоззрению. Отказ от собственной воли и нежелание прогнозировать будущее - не являются ли помехой для нашего развития?*

Ответ: *Не претендуя на роль пророка, не пророчествуя, задумываться о будущем - суверенное право каждой личности, как и свобода воли в поступках. Это отнюдь не противоречит принципам религии. Человек может предаваться и фантазиям. В литературе существует этот жанр, и религия отнюдь не запрещает кому-то фантазировать.*

Опубликовано в газете “Джемийет ве дин”
12-18 августа 2010 г.

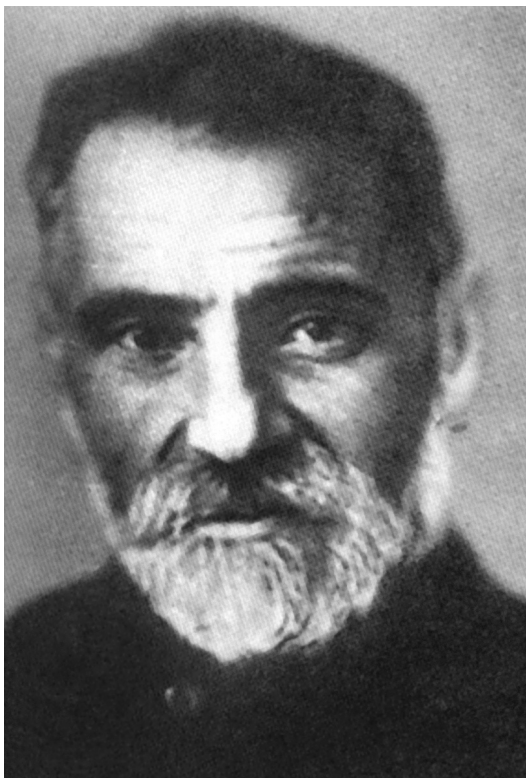
Радость, надежды, трагедия

Размышления о первом съезде тюркологов

80 лет тому назад в Баку произошло знаменательное событие. В здании “Исмаиллийе”, где сейчас располагается Национальная Академия Наук, с 26 февраля по 5 марта проходил первый и, к сожалению, пока что последний Тюркологический съезд.

Когда знакомишься со стенограммой съезда, практически сразу же переведенной на русский язык, и когда перед глазами встают все последующие события, на ум приходят всего три слова, заключающие в себе отношение к произошедшему: Радость, Надежда, Трагедия,

Даже сухой стенографический отчет позволяет почувствовать радость участников съезда. Они спорили, не соглашались друг с другом, однако во всех выступлениях звучала надежда на невероятное духовное и культурное возрождение тюркских народов. Когда же вспоминаешь о несчастьях, обрушившихся на голову участников съезда и вообще всего тюркского мира, на память приходит слово трагедия.



Самедага Агамалыоглу

Несмотря на последовавшие за этим съездом печальные события, это было для тюркского мира, невиданным и уникальным явлением. Правда еще в царской России собиралось несколько съездов российских мусульман, из которых в основном состоит российско-тюркский мир. Этими съездами руководили выдающиеся представители крымских татар и азербайджанцев - Исмаилбей Гаспринский и Алимардан бек Топчубашев. В 1921 году в Баку был созван Съезд восточных народов. Тем не менее, Первый тюркологический съезд в значительной степени отличался от этих мероприятий. Если в царское время съезд мусульман собирался нелегально и порой даже на палубе корабля, то съезд тюркологов проходил при поддержке и под покровительством государства, его открыл председатель азербайджанского парламента Самедага Агамалыоглу, один из председателей ЦИК Закфедерации Газанфар Мусабеков произнес приветственное слово, в работе съезда принимали участие высокопоставленные деятели партии и государства. Наряду с предста-

вителями всех тюркских народов - учеными, педагогами, писателями, работниками печати, в работе съезда принимали участие делегации тюркологов из Ирана, России, европейских стран, Грузии, Армении, в их числе были Бартольд, Ольденбург, Крымский, Малов, Миллер Щерба, Самойлович, Томашевский, Яковлев, Жариков, немец Менцель, венгр Месерош, которые выступали на съезде с докладами. В работе съезда принимал участие прибывший из турецкой эмиграции в Азербайджан наш знаменитый ученый, писатель Алибек Гусейнзаде.

В отличие от первого съезда народов Востока, где звучала в основном революционная риторика, на съезде тюркологов самые знаменитые ученые мира читали доклады, сообщения, говорили о судьбе восточных народов, то есть этот съезд отличался конкретикой и реализацией поставленных перед собой задач. Наконец, от прочих упомянутых собраний тюркологический съезд отличался тем, что был связан с судьбой именно тюркских народов, на нем обсуждались вопросы судьбы тюрков, их истории, языка, литературы, экономики. Таким образом, этот съезд можно было назвать не только первым съездом тюркологов, но и вообще первым съездом тюрков.

Знаменитый турецкий ученый М.Ф.Кёпрулу прочитал на этом форуме доклад “Развитие литературного языка тюркских народов”, выдающийся ученый Б.Чобанзаде сделал доклад “Близость диалектов тюркских народов”. Кроме этого, были прочитаны доклады на темы истории, литературы, языкознания, этнографии, говорилось о прошлом и будущем тюркологии, об основных принципах орфографии.

Из напечатанных стенограмм видно, что обсуждалось множество проблем, однако самой главной проблемой была тема письменности. На какой алфавит переходить - латиницу или арабский? Точнее, пользоваться ли существующим арабским алфавитом или переходить на новый, латинский?

Поднимаемые проблемы, высказанные мнения, споры и столкновение различных точек зрения

В.Бартольд

Газанфар Мусабеков

Алибек Гусейнзаде (в центре) и Фуад Кепрулу (слева от Алибека) в Баку. 1926 г.

Фуад Кепрулу, Алибек Гусейнзаде, Салман Мумтаз
участники Первого тюркологического съезда в Баку в 1926 г.

Бекир Чобанзаде

важны не только для тех лет, но и для нашего времени, поэтому хочется эти обсуждения продолжить.

Люди, знакомые с трудностями арабского алфавита, знают, что он соответствует всем требованиям арабского языка, и, по мнению арабистов, прекрасно передает все своеобразие этого языка. Он прекрасно соответствует всем требованиям и сегодняшнего арабского языка.

Великая заслуга этого алфавита перед всем арабским миром заключается в том, что диалекты, подчас в значительной степени отличные друг от друга, на которых говорили арабы, он смог перевести в единое пространство литературного языка Корана.

Однако заимствованный тюркскими народами, арабский алфавит демонстрирует несоответствие закономерностям тюркских языков от жалоб Физули в XVI веке на плохой почерк, из-за которого он “слепнет”, до шутливых жалоб Мирзы Фатали Ахундова в XIX веке на уйму умляутов, которые ему приходится ставить. Все это свидетельствует о том, что этот алфавит не полностью соответствует требованиям нашего языка. (Интересно, что сказал бы Мирза Фатали, если бы узнал, что в современном азербайджанском языке приходится ставить шесть умляутов, скажем, в слове “ölümcül”.) Свое недовольство Мирза Фатали пытался исправить практически, так как, по мнению ряда восточных просветителей (М.Ф.Ахундова в Азербайджане, Мирзы Мелкум-хана в Иране, Садига Рамеева в Татарстане) арабский алфавит к тому же очень тормозит прогресс тюркских народов. Примечательно, что в этом отношении интеллигенция многих тюркских стран - Азербайджана, Турции, многих других народов была единодушна. И сторонники национальной идеи, и просветители, тянущиеся к Европе, и мусаватисты XX века, и гумметисты, и пантюркисты, и коммунисты в один голос заявляли - надо отказаться от арабского алфавита и переходить па латинский. Эмигрировавший в Турцию последовательный пантюркист Ахмед Агаоглу доказывал эту идею Мустафе Кямал-паше, коммунист Агамалы оглу старался внушить эту мысль Ленину, Вождь пролетариата назвал эту идею “революцией на Востоке”, Ататюрк также согласился с этим предложением, и Нариман Нариманов, и Мамед Эмин Расулзаде…

Рассказывали, что вначале Исмет Инону был противником перехода на латиницу, но, увидев, что Ататюрк готов принять закон о новом алфавите, сказал ему:

- Паша, если будет принят этот закон, я завтра же начну писать на латинской графике, но ты до конца жизни будешь писать на арабской графике.

По слухам, именно так и произошло. Не знаю точно, правда ли это?

Среди сторонников латинской графики был и Мирза Джалил Мамедкулизаде, и мне кажется, что одного этого достаточно для того, чтобы поверить в искренность этих

стремлений. Для пропаганды латиницы Мирза Джалил выезжал даже в составе делегации, возглавляемой Агамалыоглу в другие советские республики СССР. И я слышал, что когда афганский король Эманулла-хан приезжал в Баку, Агамалыоглу рекомендовал и ему перевести алфавит своей страны на латиницу, и, судя по всему, смог уговорить, потому что, когда король уезжал, Агамалыоглу с перрона кричал ему вслед:

- Эманулла, Эманулла, не забывай о латинской графике!

Так что вопрос алфавита был наиболее обсуждаемым, вызвавшим наибольшие споры на съезде. Из 17 заседаний съезда семь были полностью посвящены этой проблеме.

Споры велись в основном с двух позиций. Их условно называли “латинистами”и “реформаторами”. За предложение “латиниста” из Дагестана Дж.Коркмазова (Горхмазова) высказался 101 человек, а за предложение делегата Татарстана “реформатора” Галимджана Шарафа - 7, и таким образом итоговый документ был принят в следующем виде:

“1. Учитывая большую легкость нового тюркского латинского алфавита по сравнению с арабским и реформированным арабским алфавитом, его техническую легкость, а также тот факт, что новый алфавит имеет относительно большую историю, культуру, прогрессивность, съезд рекомендует всем тюрко-татарским республикам и областям перейти на эту графику, хотя переход этот является прерогативой каждой республики.

2. Вместе с тем, отмечая и приветствуя большое положительное влияние, которое имеет введение нового алфавита в Азербайджане и других республиках и областях СССР, съезд рекомендует всем тюрко-татарским и другим *(? - А.)* народам изучить опыт и методы Азербайджана, для внедрения их на местах”.

Как видите, эта хоть и несколько нелогичная резолюция (с одной стороны, *прерогатива каждой республики,* а с другой - *рекомендует*) была достаточно мягкой, и не носила обязательного характера. Собственно, съезд и не имел таких полномочий.

Через тринадцать лет переход Азербайджана и других тюркских народов с латиницы на кириллицу произошел уже безо всякого съезда, без долгих дискуссий и обсуждений - приказом Сталина в административном порядке.

Небольшое отступление. Три года назад я был в Киргизии, в Бишкеке, где участвовал в работе Евроазиатской Платформы. Представители Татарстана с болью в сердце жаловались, что Государственная Дума запретила им переход с кириллицы на латиницу. Участвовавшие в Форуме московские ученые поддерживали решение Думы и решительно возражали против мнения татарских представителей. Я тоже выступил и, обращаясь к представителям России, сказал:

- Что, по вашему мнению, лучше, чтобы татары перешли на латинскую графику, как они того хотят, сохраняя при этом хорошее отношение к русским, или же остались бы на кириллице, испортив отношения с русскими?

Представители татар выразили мне благодарность за эту поддержку, но что странно - и русские были согласны со мной. (Согласны-то они были, но не они решали этот вопрос.) Представитель Украины, тюрколог Холимоненко даже в шутку сказал русским:

- Рано или поздно, но и вы сами перейдете на латиницу.

Накануне нашего возвращения к латинице иранская интеллигенция также выступала решительно против этого. Лишь недавно скончавшийся Фарзане открыто приветствовал

нашу акцию. Большинство же говорили нам - чем переходить на латиницу, лучше оставьте кириллицу.

- Но для чего? - удивлялся я. - Кириллицы вы не знаете, латинская графика знакома вам больше, значит, и читать наши тексты вам будет легче.

На самом деле я прекрасно понимал, отчего они так лукавят. Однако это совсем иной разговор. Я что-то отвлекся от темы…

На тюркологическом съезде 1926 года "реформаторы" предлагали сохранить арабскую графику, несколько реформировав ее, преобразовав в соответствии с тюркским языком. Основными сторонниками арабской письменности были представители казанских татар Галимджан Шараф и Ибад Алпаров, из казахов Ахмед Байтурсун, Билал Сулеев. (Все они впоследствии пали жертвами сталинских репрессий.) С точки зрения убедительности аргументов, жесткости позиций, логичности доказательств наиболее запомнились частые выступления преподавателя вуза Г.Шарафа и научного работника А.Байтурсуна. Двойственной была позиция знаменитого татарского писателя, автора романа "Голод", ученого, политического деятеля, коммуниста Галимджана Ибрагимова (тоже пал в период сталинских репрессий). В свое время под влиянием Н.Нариманова он тоже выступал за латинскую графику. А на съезде его позиция была не столь четкой. То он говорил о преимуществах латинского алфавита, то опасался последствий перехода на эту графику. "В результате этого тюркские народы могут расколоться на мелкие группы", - утверждал он.

Во вторую группу - "латинистов" входили все выступавшие представители Азербайджана, а также тюрки, представляющие Северный Кавказ, Дагестан, крымские татары. Дело было в том, что среди всех представителей групп начался процесс раздвоения позиций. Начиная с 1922 года в Азербайджане, чуть позже на Северном Кавказе, в Крыму некоторые газеты печатались уже на латинице. (Например, в Азербайджане газета "Ени йол") Казанские татары и казахи провели некоторую реформу арабского алфавита, пользовались обновленным алфавитом. Любопытно, что каждая из сторон обвиняла другую в охранительстве. Татар и казахов за то, что они не хотят отказаться от арабского алфавита, азербайджанцев, жителей Северного Кавказа и крымских тюрков в том, что они отказались от каких-либо попыток реформировать арабскую графику.

Ахмед Байтурсун говорил:

- Возьмем азербайджанцев и османов - они до сих пор пользуются в своей письменности традициями, историческим принципом, отказываются от каких-либо перемен. Это неверное отношение. В то же время они обвиняют других в охранительстве. Я должен сказать это здесь, потому что многие считают, что если мы не отказываемся от арабской графики, значит мы - охранители.

С теми же обвинениями, но в более резкой форме против представителей Азербайджана выступил Галимджан Шараф. "Из всех тюркских народов азербайджанцы единственные, кто остался равнодушен к реформам" арабской орфографии, занял позицию охранительства, и это вовсе не означает, что в этом виноват арабский алфавит, если азербайджанцы не хотят проводить реформ, алфавит тут ни при чем".

Главным же ответом "латинистов" было то, что арабский алфавит препятствует культурному развитию наших народов, их научному прогрессу, замедляет обучение, повы-

шению грамотности и не соответствует требованиям тюркского языка. С этих позиций выступил и карачаевский ученый Умар Алиев. (Кстати, хочу отметить, что ставший впоследствии жертвой сталинских репрессий Умар Алиев был отцом московского литературоведа Светланы Алиевой, написавшей интересную книгу об азербайджанской прозе. Светлана вместе со своей семьей прожила в ссылке и позже написала трехтомную книгу о страданиях народов, изгнанных с мест исконного проживания.)

“На арабском алфавите слово “газанфар”- “лев” состоит из пяти согласных, - говорил Умар Алиев. - Как же может прочитать это слово не араб?”

Иногда научные споры опирались на забавные доказательства. “Реформаторы заявляли, что все, кроме тех, кто является левшой, на письме используют правую руку, пишут ею, так как правая рука более удобна для писания. “Латинисты” возражали, что при арабском алфавите для того, чтобы расставить умляуты, приходится пользоваться левой рукой.

“Латинисты” утверждали, что в нотной системе знаки пишут слева направо, поэтому невозможно было бы писать тексты оперных арий, слова песен под нотами. Какой процент населения среди тюркских народов, - с насмешкой возражали “реформаторы”, - поет арии и романсы?

- А через десять лет, - отвечали им “латинисты”. - Надо же думать о будущем.

“Реформаторы” заявляли, что глаза больше устают при чтении слева направо.

- Если вам придется написать число 16474, - возражали “латинисты”, - как вы напишете его арабским алфавитом?

А.Байтурсун заявлял:

- Никто не смог доказать преимуществ латиницы. Сейчас у нас, казахов, самая идеальная орфография *(Смех в зале)*. Сказки “латинистов” мы слышали уже тринадцать лет назад. В то время у нас ничего не было, а сейчас у нас есть собственная орфография. И больше я ничего говорить не буду. Мы из-за вас не станем менять своей письменности. *(Аплодисменты и смех в зале.)*

Будущая жертва репрессий, представитель Дагестана кумык по национальности Джалаладдин Коркмазов в своем выступлении говорил:

- Татарские и казахские братья охвачены мелкобуржуазным страхом. Татары, выступая против латиницы, опираются на свою пятисотлетнюю культуру. Однако они забывают, что эта культура имела религиозно-феодальный, буржуазный характер. А товарищ Байтурсун простодушно хвастает своей идеальной орфографией, которой всего тринадцать лет. Занимать в этом вопросе такую позицию значит идти против истории.

“Реформаторы” вполне справедливо указывали, что при всем своем техническом прогрессе японцы не отказываются от своих сложных иероглифов, “Латинисты” возражали им, что именно поэтому японцы испортили свое зрение, что они нация, которая в процентном отношении носит больше всего очков.

- Наша письменная культура, - говорили татары, - насчитывает более шестисот лет, наша литература написана на арабском алфавите, мы не можем отказаться от такого богатства.

Им возражали азербайджанцы:

- Наша литература не менее древняя. Однако, как доказал Султан Меджид Эфендиев, - для того, чтобы перевести всю литературу Ближнего Востока, включая иранскую, аф-

ганскую на новый алфавит потребуется средств столько же, как и на строительство одного броненосца.

- Переход на “латиницу” вовсе не означает полного запрета арабского алфавита, - подчеркивал С.М.Эфендиев.

Откуда же бедному Султан Меджиду было знать, что пройдет всего тринадцать лет и любого человека, в доме которого найдут книгу на арабском алфавите, пусть это будут даже работы Маркса, назовут врагом народа, и его самого, старого большевика, издевательски называя “президентом”, будут избивать резиновыми дубинками.

Из приведенных цитат можно заметить, что научные, общественные споры в 1926 году еще не имели политического оттенка, за редким исключением никто не собирался возводить на своих оппонентов политических обвинений. Более всего этого боялись русские ученые, опасающиеся, что их обвинят в шовинизме и русификаторстве. И это было весьма примечательным для атмосферы того времени

Я хочу привести в пример один эпизод съезда, потому что он любопытен и с точки зрения передачи атмосферы тех лет и с точки зрения дальнейшего развития событий.

Не сдававший своих позиций Галимджан Шараф говорит:

- Здесь профессора Жариков и Яковлев отстаивают принятие латиницы. Но обратимся к их статьям, опубликованным в сборниках “Новый Восток” или “За новый тюркский алфавит”. Там мы читаем: “Преимуществ русского алфавита, которых нет в латинском, гораздо больше”. Выходит, что эти товарищи думают одно, а нам временно стараются втолковать совершенно другое с той лишь целью, чтобы уничтожить арабский алфавит. В таком случае позвольте мне выразить недоверие искренности утверждений профессора Яковлева. Здесь-то и проявляется истинное лицо профессоров Яковлева, Жарикова и всех, кто их поддерживает. Это общественный суд над арабским алфавитом. А мы знаем, кто является судьями, выносящими подобные решения”.

Профессор Жариков тут же взял слово и стал клясться, что у него нет намерения заставить тюркские народы перейти временно на латиницу, а затем на русскую орфографию. “Последнее обвинение в мой адрес (обвинение Шарифа) ужасно. Выходит, что человек с трибуны говорит одно, а в печати высказывает совершенно иное мнение. Давайте же здесь сделаем вывод, как и товарищ Шараф. Какой вывод? Давайте спросим у товарищей тюрков; готовы ли вы принять русский алфавит? В ответ будет либо молчание, либо отказ. Этого никто не хочет. В таком случае, зачем вы используете цитаты, высказанные в качестве полемики? Я бы сказал, что это против правил, если бы товарищ Шараф взял другую цитату из моей статьи, то увидел бы, что я говорю о преимуществах латинской графики над русской. Надо выбрать одну из двух дилемм. Я - реалист и между мифом и реализмом выбираю последний”.

Как видите, в 1926 году московский профессор считал мифической возможность принятия тюркскими народами кириллицы. И его искренности можно верить. Однако прошло тринадцать лет, и этот миф превратился в беспощадную реальность.

Оправдывается и профессор Яковлев:

- Товарищ Шараф прибегнул к таким способом доказательства, к которым прибегают, когда других способов уже не осталось. (Смех.) Он стал цепляться к личностям докладчиков, посмотрите, мол, что это за докладчики. Он обвинил меня и профессора Жарико-

ва в том, что мы - русификаторы. Но достаточно просмотреть опубликованные мной труды, пусть и товарищ Шараф просмотрит их, и станет ясно, что с тех пор, как мы работаем на Северном Кавказе, мы отказались от русской графики. Потому что она не подходит народам Кавказа и не будет принята ими в силу их национальных особенностей. Так как в свое время она была насильно навязана им". (Учитывая происходящее ныне в Чечне, остается только удивляться тому, как ревностно относились в то время к национальным чувствам.) В завершение профессор сказал: "С тех пор мы последовательно защищаем латиницу".

Вот так… Дальнейшая судьба профессоров Яковлева и Жарикова мне неизвестна. Весьма возможно, что независимо от их национальной принадлежности и они, как и большинство участников этого съезда стали жертвами сталинских репрессий.

Прежде чем перейти к трагическому исходу Первого съезда тюркологов, я хотел бы высказаться еще по одному поводу.

Известно, что согласно решению съезда тюркские народы перешли на латиницу. Турция сделала это даже на год раньше, чем Азербайджан. Быть может, именно поэтому в дьявольском мозгу Сталина возникла идея навсегда отделить тюркские народы СССР от Турции, насильно заставив их перейти на кириллицу, что и было сделано в кратчайшие сроки.

Сейчас, рассматривая из глубины лет исторические перспективы перехода сначала на латиницу, а затем на кириллицу, мне кажется, что если переход в 1939 году на русский алфавит, явился для азербайджанской культуры насилием, истинным преступлением, то переход на латиницу в 1926 году был добровольным и искренним. Не зря говорят; это не преступление, это страшнее преступления - ошибка. Действительно, есть ошибки, неверные действия, которые своими результатами оказываются страшней преступления. Я еще раз подчеркиваю, это решение было принято по желанию самих тюркских народов, без всякого давления на них. И лучшим свидетельством этому является переход в 1928 году Турции с арабского алфавита на латиницу (ведь на Ататюрка никак не могла повлиять Москва).

Пусть это прозвучит самонадеянно, однако, я должен сказать: все виднейшие деятели тюркского мира - от Мирзы Фатали до Мустафы Кемаля - допустили огромную стратегическую ошибку, задумав и осуществив переход на латиницу.

Дело в том, что я по возрасту старше их, естественно, что моя жизнь протекала в иных условиях, в другое время, и я лучше них знаю, к чему привело изменение орфографии.

Предположим на миг, что я являюсь участником съезда 1926 года. Естественно, что я был бы на стороне "латинистов", то есть был бы на стороне прогрессивных сил и приветствовал бы их решение. Однако если мы сможем предположить, что я бы участвовал в работе съезда с моими сегодняшними знаниями истории, то, естественно, был на стороне "реформаторов".

Это всего лишь фантастические предположения. В истории нет категории "если бы", а есть понятие - "так было". Но в то же время нельзя отнять у человека права анализа происходящего с точки зрения последующих знаний.

Речь не о том, какая письменность лучше - арабская, латинская или кириллица. И даже не в том дело, какая из них более подходит к особенностям нашего языка. В таком

случае, по мнению специалистов, нашему языку более всего подходит орхоно-енисейская письменность.

То есть речь не о том, насколько арабская письменность подходит нашему языку. Я говорю о том, что, исторически так сложилось, что этим алфавитом мы и другие тюркские народы пользовались более тысячи лет. Наше письменное наследие создано на этом алфавите, и отказаться от него значило создать огромную пропасть между днем сегодняшним и нашим прошлым. И лишь единицы специалистов могут перекинуть через эту пропасть мостик, заглянуть в прошлое. Но ведь культура, литература создана не только для специалистов.

Выходит, оставшееся население отделено от наследия прошлого непроходимой пропастью. Правда, часть этого наследия была опубликована на новом алфавите, но это лишь капля в море. Я уж не говорю о том, что при переводе на новую письменность пропала часть образов, пропала особенность шрифтов, пропали значение и смысл произведений хуруфизма и других философских течений. В 90-е годы один из ярых приверженцев латиницы наш известный общественный деятель, ныне покойный Тофик Байрамов в статье “Не теряем, обретаем”, опубликованной на страницах газеты “Эдебиййат газети” от 7 декабря 1990 года, отмечал, что главной целью перехода на латиницу является отделение нас от Корана, нашей веры, религии, желание подвергнуть нас ассимиляции. К этим верным словам можно добавить лишь одно - в то время мы согласились на это добровольно. Отказ от старой графики привел, по-моему, к еще одной трагедии - тюркские народы утратили единство письменности. В этом отношении полное тревоги выступление на I съезде тюркологов Галимджана Ибрагимова полностью оправдалось. Весь тюркский мир читал выходящую в Крыму газету Исмаил бека Гаспринского “Терджуман” и лозунг этой газеты “Единство в делах, мыслях, языке” звучало не как невозможная мечта. Когда Мирза

Халид Сеид Ходжаев

Айна Султанова

Панах Касумов

Фархад Агазаде

Джалил в своем журнале “Молла Насреддин” восклицал: “О, мои братья-мусульмане”, к нему прислушивались все тюркские читатели. Али бек Гусейнзаде издавал свой журнал “Фьюзат” на языке османских тюрков, однако понимать его могли и азербайджанские интеллигенты.

Парадокс заключается в том, что алфавит, созданный совершенно другим народом - арабами, соединил тюркские народы, ибо, скажем, слово “мян”- “я”, которые читали на арабском азербайджанцы, у других народов звучало как “мин” или “минг”. Несколько отличающиеся нормы выговора или граммера, соединяли тюркские языки, слегка отличающиеся по словарному составу. Переход на латиницу приостановил этот процесс, а переход на кириллицу, продуманно и последовательно подрубил его в корне. То есть если раньше можно было хоть как-то сблизить далекие друг от друга тюркские народы, то переход на кириллицу сделал явственней, отчетливей их языковые различия. Теперь азербайджанцы вынуждены были читать Навои не в оригинале, как раньше, а в переводе. В то время как еще Фирудин бек Кочарли в своем знаменитом двухтомнике называл Навои в числе азербайджанских поэтов, считая его язык - чагатайским - одним их диалектов тюркского (ведь известно, что на этом диалекте писали и некоторые азербайджанские поэты). Узбекская поэтесса Зульфия ханым рассказывала моей маме, что после смерти ее мужа, поэта Гамида Алимджана, она находила утешение лишь в книге Физули, изданной в Тебризе на арабском алфавите. Казахский поэт Абай читал Физули в оригинале, точно также в оригинале, на тюркско-азербайджанском читал Сабира татарский поэт Габдулла Тугай. С переходом на латиницу все это исчезло, а кириллица стала лишь более жестким продолжением этого. С принятием латиницы тюркский мир, с точки зрения возможности читать и писать, развалился на части. Далее следовало разделить тюркские народы, живущие в СССР, а в первую очередь - азербайджанцев и турков, что с успехом сделала кириллица.

Как хорошо, что у истории свой почерк, который не подчиняется воле диктаторов. Время сделало так, что мы вновь вернулись к латинице. Я был активным сторонником этого и надеюсь, что это последняя остановка в метаморфозах нашей несчастной письменности.

Если все, сказанное выше, кто-то примет за попытку вернуться к арабскому алфавиту, он очень ошибется. Поезд, увы, давно ушел, да и нет никакой необходимости и возможности вновь возвращаться к арабской графике. Речь лишь идет о попытках с точки зрения исторической перспективы взглянуть на ошибку, допущенную в 20-е годы, В истории встречаются ошибки, исправить которые невозможно, и поэтому волей-неволей человек вынужден примириться с ними.

Примерно лет двадцать назад я говорил об этом с этих же позиций на страницах журнала “Улдуз” с нашим выдающимся языковедом Айдыном Мамедовым.

А теперь вновь возвращаясь к Первому съезду тюркологов, я только хочу сказать, что минуло 80 лет со дня этого знаменательного события, внесшего большой вклад в нашу культуру, науку, литературу, в историю нашей нравственности, и принесшего страдания многим выдающимся людям, многим видным ученым, что мы можем рассматривать как огромную трагедию всех тюркских народов. Достаточно лишь сказать, что приславшие своих представителей на съезд карачаевцы, балкарцы, крымские татары, в период власти Сталина оказались изгнаны со своих мест и сосланы. Если же касаться конкретных личностей, то большинство из них, кроме тех, кому повезло до этого умереть своей смертью, пали жертвами репрессий. Возьмем хотя бы делегацию Азербайджана. В стенограмме указаны имена семнадцати азербайджанцев. Кроме во время скончавшегося Самедага Агамалыоглу, все (! - А.) члены азербайджанской делегации, повторяю - все без исключения - стали жертвами сталинских репрессий. Кого расстреляли, кого сослали, но как бы там ни было - ни один не вернулся. Я привожу здесь имена, указанные в стенограмме: Агазаде Фархад, Ахундов Рухулла, Губайдуллин Газиз, (татарский ученый, работавший в Баку), Джабиев Габиб, Зейналлы Ганафи, Зифельт Симумяги (эстонский ученый, работавший в Баку), Касумов Панах, Гулиев Мустафа, Мамедзаде Джаббар, Мамедзаде Джамиль, Мусабеков Газанфар, Пепинов Ахмед Джовдет, Султанова Айна, Султанов Гамид, Ходжаев Халид Сеид, Чобанзаде Бекир, Эфендиев Султан Меджид.

Да упокоит Аллах их души.

Когда в 1939 году Сталин принимал решение о переводе сначала азербайджанцев, а потом всех тюркских народов с латиницы на кириллицу, он обошелся безо всяких обсуждений, дискуссий и съездов.

Обсуждения начались в Баку, 1926 году в здании “Исмаиллийе”, а закончились в 1937 году в подвалах НКВД. И “реформаторов” и “латинистов” ждал один конец.

Февраль-март 2006 г.
Перевод М.Гусейнзаде

Об одной лекции М.Э.Расулзаде и не только оней

Мой друг Рамиз Абуталыбов, дипломат и культуртрегер, как истинный подвижник, собравший за годы работы в Париже, в ЮНЕСКО, бесценные документы из архивов азербайджанской эмиграции, ознакомил меня с докладом М.Э.Расулзаде “Современная литература Азербайджана”, прочитанном им 17-го января 1936-го года в столице Франции на русском языке. Доклад этот был обнаружен и подготовлен к печати российским ученым, доктором исторических наук Салаватом Мидхатовичем Исхаковым. Ему же принадлежат и примечания к докладу, в которых уточняются некоторые имена и факты, упоминаемые в тексте. Я предложил опубликовать полностью этот доклад в нашем журнале “Литературный Азербайджан”, сохранив весь текст как есть, даже с некоторыми его стилистическими шероховатостями. Рамиз одобрил эту мысль и попросил меня написать несколько слов к публикации, что я с удовольствием и делаю. На мой взгляд, доклад интересен, прежде всего тем, что его автор - виднейший политический деятель первой Азербайджанской Демократической Республики, человек широкого, не только политического, но и литературного кругозора. Ценность доклада и в том, что он знакомит парижскую аудиторию, судя по всему, русскоязычную, эмигрантскую, с богатейшей историей нашей национальной литературы.

Мамед Эмин Расулзаде

Специфической особенностью доклада является то, что это - взгляд на историю литературы, особенно ее новейший период, то есть за первую половину XX века, скорее политика, чем литературоведа. И хотя у Мамеда Эмина Расулзаде есть стихи и беллетристические произведения в разных жанрах, он, прежде всего политик, крупнейший идеолог независимости Азербайджана начала прошлого века. Он был в числе создателей независимого Азербайджана, провозгласившего свою независимость 28-го мая 1918-го года. Мы по праву гордимся тем, что наша родина объявила свой государственный строй республикой и стала таким

образом первой республикой во всем тюркском и исламском мире, если не ошибаюсь, даже во всей Азии. Но почему-то не всегда подчеркиваем, что, если опять-таки не ошибаюсь, также впервые в названии страны имелось определение “Народная” (или Демократическая).

Лишь спустя почти тридцать лет определение Народная или Народно-демократическая Республика нашло свое место в названиях стран Восточной Европы, вошедших в социалистический лагерь. Но в отличие от этих стран-сателлитов, не имеющих, особенно в сталинские годы, ничего общего ни с демократией, ни со своим собственным народом, первая азербайджанская республика в то трудное время старалась из всех сил построить именно народно-демократическое государство. И в этом огромная заслуга М.Э.Расулзаде - идеолога национального демократического светского государства.

Не только наше поколение, но и несколько предшествующих узнали правду о поистине грандиозной деятельности М.Э.Расулзаде лишь в последние двадцать с лишним лет, когда стали доступны документы той эпохи, появились серьезные исследования по ранее замалчиваемым и запрещенным темам. Одна из первых книг в Азербайджане, освещающих деятельность М.Э.Расулзаде, принадлежит перу талантливого исследователя Насимана Якублу. Патриарх нашей журналистики Ширмамед Гусейнов периодически публикует статьи и выступления самого Мамеда Эмина Расулзаде. Часть из них собрана в двухтомнике. Есть насущная необходимость в издании следующих томов наследия Расулзаде.

Выдающийся азербайджанский исследователь профессор Джамиль Гасанлы только за последние несколько лет издал ряд монументальных книг, освещающих, по существу, всю нашу историю XX века Историю не только Азербайджана, но и сопредельных стран - Турции, Ирана, по крайней мере, во взаимоотношениях этих стран с Советским Союзом. В последней изданной книге Дж.Гасанлы раскрывается дипломатическая деятельность Азербайджанской Республики в годы ее недолгого существования. И здесь четко вырисовывается яркая роль М.Э.Расулзаде в установлении отношений с Турцией, в борьбе за дипломатическое отстаивание независимости Азербайджана, в неустанных усилиях добиться его признания со стороны ведущих стран мира. И, наконец, очень ценным исследованием, посвященным М.Э.Расулзаде, является книга Айдына Балаева, изданная в Москве. Все эти источники убедительно раскрывают заслуги этого великого деятеля в утверждении, укреплении, защите азербайджанской государственности, в разработке идеологических и теоретических основ нашей независимости.

Фигура М.Э.Расулзаде симпатична мне и по личным причинам, он был знаком с моим дедом Худадат беком Рафибейли, послал ему телеграмму с соболезнованием в связи с кончиной его отца, глубоко уважаемого в Гяндже аксакала Алекпера Рафибейли. А после трагической гибели самого Худадат бека, его расстрела, М.Э.Расулзаде выразил свою глубокую печаль по этому поводу. У этого выдающегося деятеля столько подлинных заслуг, что ни к чему приписывать ему заслуги мнимые. Так, М.Э.Расулзаде, как известно, был председателем недолго просуществовавшего Национального совета, но это не означает Президентского статуса, который приписывают ему не в меру ретивые поклонники. Нельзя считать М.Э.Расулзаде и единоличным создателем независимого азербайджанского Государства, игнорируя заслуги его соратников по борьбе - А.Топчубаше-

Члены партии Мусават. Слева М.Э.Расулзаде, Аббаскули Казымзаде, Ахмед Джафароглы, Мустафа Векилов

ва, Ф.Хойского, Н.Усуббекова, Г.Агаева и других, сыгравших важную роль в создании и становлении страны. В отличие от вышеназванных деятелей М.Э.Расулзаде в период независимости не занимал какой-либо государственной или правительственной должности, оставаясь лишь лидером партии “Мусават”, руководителем самой большой и самой влиятельной мусаватской секции в парламенте.

Фатали хан Хойский и Насиб бек Усуббеков были больше практиками, оба они в разное время возглавляли правительство страны, и оба входили в качестве министров в кабинеты друг друга.

Будучи заместителем председателя Милли меджлиса А.Топчубашева, Гасан бек Агаев в его отсутствие, - а это был весь период существования высшего законодательного органа страны, - исполнял многотрудные обязанности руководителя Парламента. Сам же Алимардан бек Топчубашев, сделавший так много для обретения Азербайджаном независимости, не вкусил радости этого события у себя на родине. Вскоре после провозглашения независимости Алимардан бек во главе дипломатической миссии отбыл в Турцию, а затем направился во Францию, сосредоточив все свои усилия на том, чтобы ведущие страны мира признали независимость Азербайджана. Ему, как и Мамеду Эмину Расулзаде, так и не было суждено больше увидеть родной Азербайджан.

Алимардан бек - старший по возрасту, естественно, и свою общественно-политическую деятельность начал раньше М.Э.Расулзаде, был заместителем Исмаил бека Гаспринского на первом съезде мусульман России и стал Председателем на втором, избирался не только депутатом Государственной думы России, но и стал руководителем мусульманской фракции в ней. Ареалом деятельности А.Топчубашева, во всяком случае, до 1917-1918-гг., было мусульманство в России, ареалом же деятельности М.Э.Расулзаде был, в основном, Ближний и Средний Восток - Иран, Турция, Туркестан, Кавказ. Но в канун провозглашения независимости и в годы независимости вся деятельность как Расулзаде, так и Топчубашева всецело сосредоточилась на проблемах Азербайджана.

Еще одна общая черта в судьбах этих выдающихся людей - оба они избежали трагической участи других лидеров АДР. От рук наемных убийц погибли Фатали хан Хойский, Гасан бек Агаев, Насиб бек Усуббеков, Бехбуд бек Джаваншир, в застенках ЧК ГПУ были уничтожены Исмаил хан Зиятханов, Мамед Багир Шейхзаманов, Мамедгасан Гаджинский и многие другие. На одном из каспийских островов был расстрелян Худадат бек Рафибейли.

Но горькая чаша не миновала и семью Расулзаде, - был расстрелян его молодой сын, а вся семья, включая престарелую мать, была сослана. Существуют разные версии спасения самого Мамед Эмина из баиловской тюрьмы Сталиным, который и увез его в своем вагоне в Москву. Наиболее расхожая версия заключается в том, что Сталин якобы помнил былую дружбу с Мамед Эмином и то, как тот спас его от неминуемой смерти. В это мало верится. Сталин был не тот человек, который ценил бы верность в дружбе, - если бы было иначе, он не уничтожил бы почти всех своих соратников по борьбе, друзей и даже своих ближайших родственников. Порыв благодарности за свое спасение также мало сочетается с характером Сталина. В народе бытует много анекдотов о Сталине, которые порой лучше выражают суть его натуры, чем реальные документальные свидетельства. Так, в одной байке говорится, что надзиратель, который стерег Сталина то ли в тюрьме, то ли в ссылке, после большевистского переворота был арестован, и ему удалось, якобы, послать письмо Сталину. В нем он напоминал вождю, что он, надзиратель Иванов (назовем его так условно), по-доброму, по-хорошему относился к политзаключенным, и к Сталину в том числе. И согласно легенде Сталин наложил такую резолюцию на это письмо: “Надзирателя Иванова помню. К своим обязанностям относился халатно”. Независимо от того, байка это или быль, в этом - весь Сталин. И если у Сталина была бы хоть капля благодарности, он не допустил бы трагической участи семьи Расулзаде, сжалился хотя бы над его старой матерью, которая в свое время угощала, кормила его в своем доме.

Конечно, это мое сугубо личное предположение, но мне кажется, что Сталин рассчитывал использовать Расулзаде как альтернативу Нариманову, которого он недолюбливал. Есть даже версия, что Расулзаде хотели предложить пост руководителя компартии Азербайджана, учитывая, видимо, его “гумметовское” прошлое. Но Сталин сильно ошибся в Расулзаде, полагая, что тот во имя любой карьеры может изменить своим убеждениям. Как бы то ни было, Расулзаде удалось вырваться из когтей сталинской системы и продолжить свою общественно-политическую деятельность в Турции, Польше.

В его творческое наследие в эмиграции входят не только политические тексты, но и исследования по вопросам литературы, в частности, капитальная монография, посвященная Низами.

Доклад, который М.Э.Расулзаде прочел в 1936-ом году в Париже, носит, в основном, обзорный характер, но в нем точно расставлены акценты в истории азербайджанской литературы, верно указаны две знаковые фигуры на разных этапах развития этой литературы - М.Физули в средние века и М.Ф.Ахундов в новое время. Странно, что в обзоре не упоминаются такие грандиозные явления нашей литературы, как "Китаби Деде Горгуд" или творчество Насими, не говоря уже о Низами, о котором, именно как об азербайджанском поэте, Расулзаде написал позже очень ценную фундаментальную книгу-исследование. Но интересно, что если нашу литературу досоветского периода Расулзаде оценивает и с эстетической позиции, то литературу советской эпохи он рассматривает только как политик, с чисто идеологических позиций. То есть истинными образцами литературы этого периода он считает только те произведения, в которых выражены националистические, антисоветские и даже антирусские настроения, вне зависимости от их эстетической значимости. Правда, нельзя было требовать от автора более объемного рассмотрения советского периода, ибо он, в силу понятных причин, не мог пристально следить за литературным процессом у себя на родине. О том, что в то время у него под рукой не было соответствующей литературы, говорит и тот факт, что докладчик трактует знаменитую пьесу Дж.Мамедкулизаде "Книга моей матери", как "Книгу моего отца", так и называя, вернее, переиначивая заглавие пьесы. Спорным представляется мысль Расулзаде о том, что произведения, посвященные Димитрову или Тельману, трогают азербайджанского читателя не больше, чем судьба луизианского диктатора Лонга. Не знаю, как насчет Лонга, но и Димитров, и Тельман в те годы были символами борьбы с фашизмом. И как бы мы не относились к советскому строю, на совести которого чудовищные преступления против целых слоев населения, против целых народов, против многих выдающихся людей, это никак не оправдывает его антипода - нацизм. И иллюзией являлось наивное представление о том, что, сокрушив сталинскую империю, Гитлер даст свободу порабощенным народам Советского Союза. На самом деле, случись такое, эти народы, особенно славянские и мусульманские, подпали бы под еще более жестокое рабство. И потому в те годы поэты, воспевающие узников фашистских тюрем - Тельмана и Димитрова, были искренни в своем пафосе.

И еще одно - последнее - соображение в связи с докладом М.Э.Расулзаде. Он прочитан в 1936-м году и, несомненно, стал известен советским службам безопасности. Почти все из положительно названных в докладе азербайджанских писателей стали жертвами репрессий 1937-го года. Есть о чем задуматься, не так ли?

Шелковый путь

Время, как историческая категория, имеет разные темпы отсчета. Бывают эпохи, когда время - ползет. Бывают годы, когда оно равномерно шагает. И бывают, наконец, месяцы, дни часы, когда время мчится галопом, меняясь в калейдоскопическом вихре и меняя все и вся - привычные политико-философские ориентиры, судьбы целых народов, стран, системы ценностей и ценности системы; в конечном счете мировоззрение каждого человека - расклад его мыслей, гамм чувств, логику поступков, образы его снов.

Мог бы я предположить, когда два с лишним десятка лет тому назад выпускал первый номер альманаха (топлу) искусств “Гобустан”, обвиненный в самых высоких инстанциях тогдашней власти в пантюркизме за совершенно безобидное стремление вводить в наш язык определенные искусствоведческие термины, не наличествующие в азербайджанском и созвучные турецкими, за желание шире знакомить читателей с современной и классической культурой Турции, Южного Азербайджана, так вот, мог ли я предположить, что настанет день, и жупел пантюркизма перестанет быть преградой на пути взаимного духовного тяготения родственных народов, желающих больше знать друг о друге, о своих общих исторических и генеалогических корнях. Сегодня преграды, барьеры и стены (китайские ли, берлинские ли) смяты, повержены, и поток так долго сдерживаемого обоюдного интереса необходимо ввести в русло разумного и взаимоважного обмена идеями, истинными достижениями культуры, науки, литературы, искусства. Надо исключить элементы стихийности и спонтанности в этом естественном порыве.

Пантюркизм - как течение мысли, как определенная идеологическая и философская концепция - достоин того, чтобы его изучали, исследовали, анализировали подобно, скажем, славянофильству. Попытки свести пантюркизм к химерической в наши дни цели объединению всех тюркских народов в одной державе, - это сужение, а порой и сознательная подмена гораздо более широкой, продуктивной, исторически обоснованной и, главное, вполне реальной мечты - мечты о культурном единении тюркских народов, или, выражаясь модными в наши дни словами, - мечты о создании Единого Духовного Пространства тюрков.

Новые независимые тюркские государства бывшего СССР не для того выпутались из оков одной империи, чтобы растворить свою самобытность в другой. Кстати, два великих лидера М.К.Ататюрк и М.Э.Расулзаде также мыслили Турцию и Азербайджан как два дружественных, но самостоятельных и независимых государств.

Разве объединяются два с лишним десятка арабских стран, или, к примеру, испаноязычные родственные латиноамериканские республики в одну сверхдержаву? Нет, но зато при всем отличии даже политических режимов и государственных устройств арабских стран (республики, монархии, конституционная и теократическая демократия, то-

талитаризм) они имеют общее духовно-культурное пространство: доступную для всех этих стран прессу, охватывающую их жизнь и проблемы, координирующий разные свои части литературный процесс, широкий обмен аудиовизуальной информацией, фильмами, общую общественно-политическую ауру, со всеми ее противоречиями и разномыслием, общее культурно-историческое наследие, нравственные и этические ценности, мировоззренческие основы. Словом, все то, что позволяет говорить об арабском мире, как о некой цельности.

Идеальным взаимоотношением представляется мне культурно-духовная интеграция англоязычных стран - США и Канады (с учетом в последней франкоязычной провинции Квебек), не говоря уже о мощных интеллектуальных контактах между этими странами и их исторической праматерью - старушкой Англией.

Расчлененные историей, идеологией, религиозными отличиями, навязанной им алфавитной графикой, тюркские народы должны закладывать институты и механизмы интеллектуальной культурной интеграции и координации, которые превратят ныне в достаточной степени аморфное тюркское пространство в единый тюркский мир.

Это исторически неизбежный процесс. (Хотя я не исключаю и обусловленные внешними и внутренними факторами зигзаги общественно-политической судьбы тюркских народов. Эти зигзаги способны затормозить, отстрочить процесс, но бессильны предотвратить его конечную детерминированность).

И в этом исторически естественном процессе Азербайджан, на мой взгляд, призван сыграть ключевую роль - роль (Керпю) моста между в значительной мере евроориентированной частью тюркского мира (собственно Турция, турецкая часть Кипра, балканские тюркские анклавы) с бескрайними просторами исторических тюркских территорий от Уйгурии до Казахстана и Средней Азии. В центре этого пространства - Азербайджан. И по своему геополитическому расположению, и по исторической традиции духовного первопроходца - Первый драматург Востока, Первые ласточки драматического и оперного театрального искусства, Первая в Российской империи мусульманская газета. Первый республиканский государственный строй (в этом последнем наш приоритет распространяется на весь мусульманский Восток), Первый съезд народов Востока в 1920-м году в Баку, и в Баку же Первый тюркологический съезд (1926 г.) - все это - вехи духовной истории и Азербайджана, и всей тюркской общности.

И как обидно, что эта судьбоносная роль в жизни тюркских народов была нами утеряна за мрачные годы сталинщины. Да и позже. Точно так же как не сберегли тюркскую латиницу, инициаторами и пионерами которой были мы.

Сегодня восстановление письменности на основе латинской графики - важнейший шаг к духовному единству. Причем эта акция должна быть осуществлена с учетом особенностей каждого из тюркских языков. Точно так же должны быть скоординированы усилия в терминологической сфере, процессы введения в наши языки неологизмов. Все это вызывает острую необходимость во Втором Тюркологическом Съезде и, отдавая должное традициям, справедливо было бы созвать его в Баку - в сердце Тюркского мира. Возможно, результатом Съезда было бы решение не только вышеупомянутых вопросов, но и создание какого-то постоянного органа. Я вижу этот орган как “Тюркское ЮНЕСКО” - организация, занимающаяся гуманитарными проблемами тюркских

народов, их историей, искусством, памятниками культуры, архитектурой. Она могла бы субсидироваться всеми независимыми странам в твердой и даже не очень твердой валюте.[1]

Ассоциация “Огуз Эли”, учрежденная творческими союзами Азербайджана и уже выпустившая несколько номеров своей одноименной газеты, и задумывалась, по существу, как прообраз такой общетюркской гуманитарно-культурной организации. Но скудные материальные возможности, отсутствие помещения (хотя оно и обещается городскими властями), отсутствие технической базы (не говоря уже о своей типографии, ассоциация не располагает компьютерами, ксерокопирующими машинами, современными средствами связи - телексом, факсом) не дают этой весьма перспективной ассоциации широко развернуть свою деятельность. А ведь такой культурно-гуманитарный Тюркский Центр в масштабе исторических горизонтов мог бы преобразовать весь духовный облик огромного пространства. Облагораживаемый культурой, гуманизмом, основанный на цивилизованности, толерантности, светскости и демократических идеалах, он самим своим существованием преграждал бы поползновения любого тоталитаризма - коммунистического ли, национал-фашистского ли, теократически-фундаменталистского ли...

Уже к концу этого столетия и в начале будущего тысячелетия тюркские страны станут существенным фактором в геополитической структуре мира, и от того, каким будет менталитет этого сверхрегиона, в значительной степени зависит и проблематика, с которой столкнется огромное Евразийское пространство.

Но прежде всего тюркские народы сами должны узнать друг друга лучше.

“Тюркское ЮНЕСКО” могло бы регулировать процесс образования - при наличии высшего тюркологического обучения, ни в одной тюркской стране, включая, и Турцию, нет таких специальных дисциплин, как скажем азербайджановедение, казаховедение, узбековедение и т. д.

Необходимо готовить специалистов широкого профиля (не только научных работников) - страноведов, профессионально осведомленных в истории, языке, литературе, искусстве, географии и экономике отдельных тюркских стран. Бывая в Турции, я неоднократно - на страницах прессы и в беседах - ставил вопрос об организации азербайджанского отделения на тюркологических факультетах в университетах Стамбула, Анкары, Измира и других городов, с привлечением преподавательского контингента из Баку. Наряду со специальными дисциплинами, посвященными изучению Азербайджана, целесообразно проходить там и курсы по освоению кириллицы. Независимо от того, нравится нам тот алфавит или нет, без его знания невозможно изучить общественно-политическую жизнь Азербайджана за последние 50 с лишним лет.

В этой связи насущно необходим культурный центр Азербайджана в Турции, пункт, который имеется в соглашениях, подписанных в январе этого года Президентами Турции и Азербайджана… Если официальное посольство Азербайджана, как и положено, будет располагаться в Анкаре, то Культурный Центр разумнее открывать в Стамбуле, в городе, в котором сосредоточен в основном, интеллектуальный потенциал страны, где находятся редакции ее наиболее влиятельных газет, большинство издательств, театров,

[1] Позже эта идея воплотилась с созданием организации “Тюркcой”.

Во время выступления на открытии собрания "Диалог Евразия"

музеев. И, думается, это должен быть не только культурный, но информационный центр, ибо в условиях информационной блокады, турецкий канал, один из главных шансов донести правду об Азербайджане, в частности, и о Карабахском конфликте до мировой общественности.

Возвращаясь к организации типа "Тюркского ЮНЕСКО", хочется отметить, что она могла бы вплотную заниматься не только проблемами образования, студенческого и преподавательского обмена, но и вопросами медицины, спорта, туристических связей, гастрольных поездок театров, музыкальных коллективов и отдельных солистов, презентаций художественных выставок, посредничеством в постановках тюркских фильмов - игровых, концертных, документально-ознакомительных.

Можно было бы составлять культурологические, просветительские программы - и не только в эфире, на телеэкране, но и, так сказать, в живом варианте - дни поэзии, чтения, посвященные классикам, тематические концерты и выставки, научные симпозиумы, конгрессы, совместные экспедиции, к примеру, в Монголию, к Орхонским памятникам - общему достоянию, наследию всех тюркских народов. И, конечно, издание книг-сериалов: фольклор, классическая и современная литература, тематические серии - "Сокровища тюркских литератур", "Тюркское литературное наследие", "Исторический роман тюрков", "Современный тюркский рассказ", "Произведения молодых авторов", "Избранные тексты из тюркской публицистики", "Тюркская поэзия. 1500 лет", "Сказки, пословицы тюркский народов" и т.д., и т.п.

Кстати, Союз писателей Азербайджана выдвинул идею издания пятитомной Антологии азербайджанский литературы (фольклор, поэзия, проза, драматургия, критика, публицистика) на турецком языке и соответствующей пятитомной антологии турецкой литературы на азербайджанском языке.[2] При активном участии Госкомпечати республики, с привлечением сил Центра по переводам и литературным связям Союза писателей Азербайджана и в кооперации с турецкой стороной, мы могли бы в кратчайшие сроки осуществить это уникальное издание на высшем полиграфическом уровне. (Что касается полиграфического уровня, то участие турецкой стороны необходимое условие, ибо у

[2] Эти идеи я воплотил в жизнь единолично - составил и издал в Турции антологию азербайджанской, а в Азербайджане тюркской поэзии

нас, к сожалению, нет соответствующей производственной базы и технической квалификации для издания такого богато и красочно иллюстрированного многотомника).

В типографские трудности упираются и два других наших заветных желания. При Союзе писателей Азербайджана создана редакция "Энциклопедия Деда Горгуда".[3] Эта энциклопедия, задуманная как первый и единственный в своем роде свод знаний не только о великом эпосе, но и о целом пласте нашей истории, культуры, географии, быта, ментальности, также неосуществима без технико-полиграфической помощи Турции. И, конечно, без такой помощи нельзя осуществить и вторую заветную мечту: издавать в Баку журнал типа "Курьер ЮНЕСКО".

Может быть, эта идея осуществима на базе полиграфических возможностей газеты "Кёрпю"? Хотелось бы надеяться.

Мы даже нашли хорошее, на мой взгляд, название для этого журнала: "Шелковый путь". Надо ли объяснять, что Великий Шелковый Путь, тянувшийся от Китая до Европы, проходил, в основном, по тюркским землям. Конечно, та торговая магистраль, сыгравшая неоценимую роль в истории взаимоотношений Азии и Европы, вбирало в свою орбиту не только тюркские народы. Исторически соседствуя с другими этносами - Китаем и Монголией, Россией и Кавказом, Индией и Ираном, арабскими и балканскими странами, тюркские народы обогащались культурными достижениями разных стран и сами обогащали эти страны своими духовными ценностями.

Шелковый путь в широком культурно-историческом осмыслении этого образа - не только Дорога, соединяющая Восток и Запад. Это и некая прокладка между Севером и Югом, вернее - Мост-Кёрпю, перекинутый между этими двумя частями света.

Веротерпимость тюркских народов, в подавляющем своем большинстве исповедующих ислам, стимулировало их тесные контакты с христианами, иудеями, буддистами. Уместно напомнить и то, что некоторые из тюркских народов в прошлом, и даже в настоящем, принадлежали (и принадлежат) к разным религиям - христианской (гагаузы), иудейской (караимы), буддистской, манихейской (древние уйгуры), некоторые сохранили даже свои исконные верования - шаманизм и тенгрианство.

"Шелковый путь" видится мне журналом, лишенным каких-либо изоляционистских тенденции. Журналом, раскрывающим тюркские духовные сокровища, богатство тюркской ДУШИ всему остальному человечеству, а высшие культурные, философские, эстетические и нравственные достижения всех других цивилизаций - тюркским народам. Помимо исторических аллюзий в названии "Шелковый путь" мне слышится и некая мягкость, блеск и красочность, отрицающие всякую жесткость, тем более жестокость, исключающие нетерпимость, угрюмую ксенофобию, черно-белое разделение мира на своих и чужих, кичливое самодовольство.

В международный обиход вошли выражения "революция гвоздик", "бархатная революция". Путь духовной эволюции тюркских народов, путь их культурного возрождения и взаимного сближения представляется мне шелковым путем.

Это путь мира и добра, гуманизма и демократии, свободы и достоинства.

23 февраля 1992 г.

[3] Воплотилась в жизнь и эта идея. В Баку издана двухтомная энциклопедия "Деде Горгуда"

Культура в опасности

(Заявление деятелей науки, литературы и культуры Азербайджана)

Наш народ переживает важнейший и труднейший период своей истории. Первые шаги на пути свободы, национального суверенитета и демократии, первые успехи, большие или малые, каждая добрая весть с фронта переполняют наши сердца гордостью. В то же время политическое противостояние, экономический кризис, всевозможные проблемы, множащиеся изо дня в день, вызывают у нас тревожные чувства. Самое тяжелое испытание, выпавшее на нашу долю, - бедствия и горести, жертвы и утраты в кровопролитной войне с посягнувшим на наши земли оголтелым врагом. В этой битве за правду и справедливость, за национальное достоинство и самостоятельность во имя территориальной целостности, чести и достоинства нашего Отечества, которую ведет наш народ, своя роль принадлежит интеллигенции, и ее голос, ее призывное слово, несомненно, должны звучать еще громче.

Древнее изречение гласит: “Когда говорят пушки, музы молчат”. Но сегодня речь идет не о молчании или немолчании “муз”, а об их жизни или смерти. Сегодня судьба наших духовных ценностей - научных, художественных, культурных, составляющих историческую славу нации - под угрозой. Посягательство на культуру, духовный мир столь же опасно и пагубно, как посягательство на нашу землю.

Многовековая азербайджанская культура ныне оказалась в противостоянии, в противоборстве с рыночными критериями, рыночными понятиями и вкусами, с рыночным уровнем и моралью. Сегодня подвергается повальной ревизии все культурное наследие нашего народа. Горе-литераторы, понимающие свободу как разнузданность, улучив момент, дискредитирует личности, веками составляющие гордость азербайджанского народа.

Кого только не поносят! Любая известная личность, уже занявшая свое место в истории народа, подвергается “разборке”! Самозваные инспекторы истории экзаменуют, как нерадивых школьников, привлекают к следствию с обвинительным уклоном - Бабека и Хатаи, Кероглу и Мирзу Фатали Ахундова, Сабира и Джалила Мамедкулизаде, Н. Нариманова…

Чего добиваются люди, которым позволили быть храбрыми, не совершившие и тысячной доли того, что совершили славные предки во имя азербайджанского народа, нации, культуры, сегодня они состязаются в том, как ославить тех, кого вчера прославляли.

Могут сказать: мол, такое пишут отдельные авторы, к тому же стоящие зачастую на противоположных позициях. У того, кто корит Бабека за антиисламскую борьбу, нет претензий к Шаху Исмаилу Хатаи, а вменяющий последнему в вину противоборство с Османским султаном, не трогает Кёроглу, и тот, кто не одобряет бунт Кёроглу против власть имущих, в свою очередь, не прохаживается по адресу Мирзы Фатали… Развенчивающие Мирзу Фатали как царского службиста не задевают Сабира, Мирзу Джалила: недовольные антиклерикальными произведениями последних не поминают лихом На-

Деятели Азербайджанской культуры в Москве. Слева Ниязи, Ш.Мамедова, А.Якушов, М.Мамедов, М.Давудова, А.Искендеров, Ф.Амиров, Л.Векилова, Г.Алмасзаде, К.Караев

риманова а “антинаримановцы” пока оставили в покое Узеира Гаджибекова (впрочем, найдутся и такие, которые занесут его в “черный список” за образ Асли). Стрельба по историческим личностям ведется выборочно, но эти нападки в совокупности создают весьма удручающую картину. То есть, все наше наследие ставится под сомнение, в сознание и души подрастающих поколений вносятся семена нигилизма, неприятия, неверия ко всему достоянию прошлого. Мы еще не говорим о том, что вся наша литература, созданная после 28 апреля 1920 года, клеймится оскорбительными эпитетами, наподобие “бесчестная”, “двурушническая” и проч… Когда подобные ультрареволюционные демарши совершают зеленые юнцы, - это еще можно понять и простить, как “детскую болезнь”, вроде кори и коклюша. Но когда авторитетный, вполне зрелый автор обрушивается на тени (вернее, души) всех поголовно интеллигентов, выживших после 37-го года, то это не что иное, как убогая мстительность, неблагодарная беспамятность.

Иные выступают против семидесяти лет тоталитарного режима с подобных же тоталитарных позиций. То есть, все культурные ценности, творческие удачи, литературные достижения, научные обретения этих лет и, разумеется, их творцы очерняются с позиций тотального бесплодного и огульного отрицания. Между тем, лучшие явления искусства, литературы и науки Северного Азербайджана XX века, в том числе и последних семидесяти лет, могут служить образцом для многих стран Востока и Запада. Во всяком случае, у нас нет никаких оснований прибедняться и краснеть за нашу поэзию, прозу, музыку, изобразительное искусство, кинематографию, зодчество последних десятиле-

тий. Азербайджанский народ вправе гордиться этими достижениями. Те же слова, с той же откровенностью можно отнести и к гуманитарным, и к точным наукам.

Хватит куражиться недоумкам, хватит ловкачам всех мастей попирать наши святыни, хватит сбывать с молотка историческую память народа, творения и творцов его культуры и науки, составляющих нашу гордость!

Низложение признанных - единственный способ самоутверждения тех, кто не способен снискать себе признание иначе. Сегодняшние разнузданные нападки на известных представителей интеллигенции, клевета, ложь, инсинуации - суть продолжения этих попыток, Те, кто молчал, помалкивал в труднейшие времена, нынче обернулись обвинителями тех, кто прежде не молчал. Беда в том, что есть свои потребители, свои покупатели у этих пошлых пересудов, этой клеветы и инсинуаций; сбывающие свой "жаренный товар" подороже, тем самым повышают тиражи, оклады и гонорары собственных изделий. Но эти дешевые игры могут дорого обойтись нашему народу. Мы можем потерять не только прошлое нашей культуры, но и ее будущность Это - реальная опасность, грозящая нашему народу.

Деятели Азербайджанской культуры в Москве.
Слева РГаджиев, О.Гурбанова, Л.Бадирбейли, ККараев, Р.Рза, М.Ибрагимов,

Если начало XX века ознаменовало подъем азербайджанской культуры, и за последующий период это восхождение, несмотря на все трудности, давления, гонения, цензуру и ссылки, продолжалось шаг за шагом, ступень за ступенью, то конец столетия может завершиться упадком всей нашей культуры. Революция и культура, как ни пытаются сегодня увязать эти понятия, уживаются с трудом. Революция связана с надеждами сокрушить мир до основания и построить его заново совершенно иным, - надеждами, оставшимися надеждами и иллюзиями. А главный принцип культуры - последовательность, преемственность, эволюционность, восхождение на фундаменте былого. Пословица "Трава восходит на своих корнях" - относится не к революции, а к культуре: любая ре-

волюция начинается с крушения основ, и в первую очередь рушится культура. Выкручивание рук начинается с интеллигенции, и всякий выдвинувшийся столоначальник мнит, что он смыслит в поэзии лучше поэта, в музыке - лучше композитора, что ему сам Бог велел поучать актеров, живописцев, ученых.

Конечно, в литературе, в искусстве происходят свои революции, свои эстетические прорывы. Здесь - свои законы художественно-стилистического обновления, обновления форм, средств выразительности, но, когда эти эстетические эволюции привязываются к политическим переменам - начинается крах искусства!

Если сегодня наша наука и культура вязнут в трясине кризисе, то завтра будет впору готовить поминальную халву (если к тому времени не переведутся сахар и мука).

Для жизни литературы нужны книгоиздание, литературные журналы и газеты. Если наши издательства, оказавшись перед необходимостью экономического выживания, начнут плодить развлекательное и бульварное чтиво, то о каких истинных и серьезных литературных критериях можно говорить? Если наши толстые и тонкие литературные журналы и альманахи из-за материальной несостоятельности прекратят существование, - кто будет писать крупные объемные произведения: романы, поэмы, исследования? Кто примется за солидную переводческую работу? Если и найдутся отдельные подвижники, то никто ведь не будет читать их работы, написанные в “стол”, и новые поколения читателей, привычные к литературным “жвачкам” вместо материнского молока, и впредь не проявят интереса к подлинной литературе. Сейчас, в последнее десятилетие уходящего века, есть основание опасаться, что азербайджанская письменная литература уступит свое место устно-поэтическому творчеству. Прозаикам видно надо научиться сказки сказывать, а поэтам - распевать свои стихи под аккомпанемент саза (если к тому времени не разучатся изготовлять саз).

Поколения, взращенные без литературы, окажутся и без национального киноискусства, театра, ибо эти виды искусства тесно взаимосвязаны.

Мы можем потерять не только будущее, но и прошлое нашего кинематографа. Наша киноистория может просто исчезнуть в буквальном смысле слова. Все, что создано нашей кинематографией, лучшее, худшее, оригиналы всех наших кинолент, а в большинстве случаев, единственные экземпляры, находятся в Москве, в кино - и телехранилищах. Кто может поручиться за их сохранность?

Вот уже сколько лет в Азербайджане угасает тяга к созданию опер и балетов, крупных симфонических произведений. Нас не может не тревожить вопрос: кто же будет исполнять уже созданные и будущие оперы и балеты после вынужденной эмиграции наших исполнителей, сказавшихся под материальным и моральным прессом?

В области скульптуры, правда, ощущается определенное “обновление” - мы сокрушили сегодня многие монументы, это хорошо, но, кто знает, сможем ли мы восполнить места сокрушенных кумиров столь же масштабными и профессиональными творениями?

Наш национальный театр влачит существование, сродни старым бродячим труппам. Наши талантливые дирижеры, музыканты, видя полную невостребованность своей профессии, уезжают за рубеж. Но горше внешней эмиграции - эмиграция внутренняя. Остаешься там, где жил, не покидаешь Родину, но расстаешься с творчеством, которому посвятил всю жизнь, и наступает апатия, потеря профессиональных навыков, мастерст-

Представители Москвы приветствуют деятелей литературы и искусства Азербайджана. Слева: Министр культуры, композитор Рауф Гаджиев, актрисы Окюма Гурбанова и Лейла Бадирбейли, композитор Кара Караев, поэт Расул Рза, писатель Мирза Ибрагимов, художник Таир Салахов, писатель Имран Касумов, художник Микаил Абдуллаев, композитор Фикрет Амиров

ва, и те произведения, которые не созданы тобою, оборачиваются потерей для всей национальной культуры.

Музей ковроткачества, которым наш народ по праву гордился, оказался выброшенным на улицу; театральный музей, за 60 лет со дня своего создания не имевший подобающего помещения, поныне, после затеплившейся было надежды, остается ни с чем.

Государство не только не проявляет должного радения о культуре, а лишает культурные очаги того, что они имели. Помимо названных, еще четыре музея (в Баку и районах республики) на грани экспроприации. Отняты помещения у Союза композиторов, объединения ашугов, библиотеки имени М.Арифа.

Забота государства о культуре, обязанность защитить ее от материального краха трактуется иными ретивыми авторами превратно. Они истолковывают заботу государства о литературе и искусстве, как мнимую попытку создать “придворную” литературу и искусство. Это в корне неверно. Во-первых, напомним, что и на Востоке, и на Западе многие шедевры поэзии, зодчества, живописи, музыки, ковроткачества были созданы при покровительстве дворцов. Во-вторых, и дворцов-то таких ныне нет: сходство нынешних документированных субсидий плановых и финансовых ведомств, считающих копейки, также похожи на щедрые дворцовые ассигнования, как похожи иные новоявленные беки на былых беков. В-третьих, разве поддержка государством, допустим, здравоохранения, просвещения, спорта означает подпитку придворных врачей, педагогов или придворных спортсменов?!

Культура в опасности! Литература и искусство, оторванные от народа, немыслимы. Это верно. Но трудно представить и народ, лишенный литературы, искусства, науки.

Необходимо ускорить принятие Закона о культуре Милли Меджлисом.

Азербайджанская литература и искусство в тяжелейшие времена были проникнуты духом сопротивления и протеста против существующего строя, общества, среды (естественно, речь идет о подлинной литературе; конъюнктурщики были и прежде, находятся и теперь)

Сегодняшние идеи свободы, независимости, демократии не упали с неба, они произросли в глубинных пластах этой почвы, из семян, посеянных нашими самыми честными творцами.

Важнейшая задача, стоящая сейчас перед нами, - достойно представить наш Азербайджан всему миру, утвердить на всей планете подлинный и полнокровный образ нашего народа.

Во имя осуществления этих целей, сохранения и выживания нашей культуры, во имя того, чтобы не дать погаснуть светочу духовности, унаследованному от предтеч и предназначенному потомкам, необходимы:

- забота о подлинных ценностях нашей литературы, искусства, науки, истории, о добром имени и памяти выдающихся деятелей азербайджанской культуры;

- ограждение нашего художественного слова, литературы, театра, киноискусства, музыки, исполнительства, изобразительного искусства, науки от диктата рыночных критериев;

- спасение наших музеев, исторических памятников, внимание к деятелям искусства и науки, оказание им материальной и моральной поддержки, своевременной их защиты от несправедливых нападок.

Мы создаем независимое движение творческой и научно-технической интеллигенции “Айдынлар Оджагы”-”Очаг интеллигенции”.

Наш “Очаг” - не политическая организация, не ставит перед собой политических целей и не имеет никаких политических амбиций. Однако, в случае необходимости, во имя защиты нашего духовного достояния и развития азербайджанской культуры, мы не отказываемся от участия в политической жизни республики.

В наших рядах есть интеллигенты различной политической ориентации, но они вступают в это движение не как представители своих партий, а лишь как индивидуумы для защиты культурных ценностей.

В наше движение может вступить любое лицо, независимо от нынешней или прежней партийной принадлежности, солидарное с нашими целями.

После обнародования настоящего обращения мы намерены провести широкий форум (учредительную конференцию) участников движения, создать на нем компактное административное ядро, составить и утвердить устав, пройти официальную регистрацию в соответствии с нашей Конституцией.

Мы ждем солидарности и поддержки от каждого из наших сограждан, кому небезразлична судьба азербайджанской культуры, литературы, науки, искусства.

В дальнейшем, по мере расширении наших возможностей, мы намереваемся выпускать свою газету, журнал, создать свое издательство, наладить культурные связи с зарубежными странами. Мы поднимаем вопрос о предоставлении нам часов на телеэкране и радио для подготавливаемых нашим движением самостоятельных программ, освещающих его деятельность.

Забот и тревог у нас немало, но еще больше у нас добрых намерений. Мы убеждены в том, что широкая общественность встретит наше беспокойство с пониманием, а история даст справедливую оценку нашему тревожному призыву.

Это письмо, написанное Анаром, подписали 35 других деятелей культуры. Русский вариант опубликован в газете “Вышка”.

5 ноября 1992 г.

Имя языка нашего

Милли Меджлису Азербайджанской Республики

Уважаемые депутаты, члены Милли Меджлиса!

Идущие в последнее время разговоры, связанные с самоназванием родного языка и выдвигаемые предложения побуждают и меня высказать свое отношение к этому вопросу. Оговорюсь, что сейчас не время поднимать этот вопрос - есть более актуальные и наболевшие проблемы, требующие решения. Но поскольку этот вопрос стал объектом дебатов, то прошу учесть и мое мнение.

Речь идет о том, как называться нашему государственному языку.

В некоторых случаях название страны и языка однородны: Франция - французский, Италия - итальянский[1] и т. д. В иных же случаях такого соответствия нет. Например, государственный язык США и Австралии - английский, Мексики, Аргентины - испанский, Бразилии - португальский, Австрии - немецкий, Египта, Ирака, Судана - арабский и т. д. и т. п.

Как же должен именоваться государственный язык Азербайджана? На этот счет существуют различные суждения и мнения. Некоторые предлагают называть наш язык, по многовековой традиции “TÜRK DİLİ” (в оригинале это определение звучит идентично с понятием “турецкий язык”- Ред.), другие - как он называется с 1936 года, “AZƏRBAYCAN DİLİ” (“азербайджанский язык”- Ред.). Приверженцы обоих предложений резко выступают друг против друга, не останавливаясь даже перед политическими обвинениями. Думается, поддаваться эмоциям, клеймить друг друга, ставить под сомнение намерение оппонента - неверный путь. Самый верный путь - научная, историческая корректность и соблюдение полной объективности, если мы будем опираться на научные, исторические аргументы и учитывать сегодняшнюю реальность, то самое точное название, по-моему, таково: “AZƏRBAYCAN TÜRK DİLİ”. В этом словосочетании оба определения, по моему мнению, чрезвычайно важны.

Сперва несколько слов об определении (TÜRK) - составной части этого словосочетания. Нет нужды особо доказывать, что наш родной язык на протяжении веков именовался “TÜRK DİLİ”. Это вопрос настолько очевидный и опирается на столько исторических документов и текстов, что здесь я ограничусь лишь несколькими фактами: все наши классики, начиная от Низами, Хагани, Насими и далее, понимали наш язык именно как “TÜRK DİLİ”, и такое искусственное название, как “azərbaycan dili” им и в голову не приходило. Современники Шаха Исмаила Хатаи отмечают, что он писал стихи на

[1] В оригинале обращения автор называет в этом ряду немецкий и русский языки, по-азербайджански идентичные с названиями стран. (Ред.)

“TÜRK DİLİ”. Физули говорил о трудности стихотворства на “TÜRK DİLİ”, брал на себе миссию творческого разрешения этой задачи и успешно решал ее.

Мирза Фатали, Гасанбек Зардаби, Сеид Азим Ширвани, Сабир, Джалил Мамедкулизаде, Абдуррагимбек Ахвердиев, Фиридунбек Кочарли, Гусейн Джавид, Ю.В.Чеменземенли именовали язык, на котором создавали превосходные творения - “TÜRK DİLİ”. Парламент первой независимой Азербайджанской Республики, созданный в мае 1918 года, принял наш государственный язык как “türk dili”. Эта позиция не менялась, и на первых порах советского режима. Первый глава правительства советского Азербайджана, писатель и публицист Нариман Нариманов писал: “ТЮРКСКИЙ ЯЗЫК” (“türk dili” - Ред.) является государственным языком Азербайджана, и он должен полностью воспользоваться правами и преимуществами этого языка. Азербайджан не может поступиться родной речью. И никому не позволит принижать этот язык. Пусть это хорошо знают все, кто под разными предлогами выступают против тюркского языка”.

Вплоть до конца тридцатых годов - когда по одной сталинской реплике понятие “TÜRK DİLİ” было заменено на “AZƏRBAYCAN DİLİ” - наш родной язык именовался “TÜRK DİLİ” Театр наш назывался “ТЮРКСКИМ ТЕАТРОМ”, говорилось и писалось: ТЮРКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, ТЮРКСКАЯ ПЕЧАТЬ, ТЮРКСКАЯ ШКОЛА, издавались ТЮРКСКО-РУССКИЕ и РУССКО-ТЮРКСКИЕ словари.

А после 1936 года при употреблении “TÜRK” в любом историческом тексте, документе нам приходилось в скобках давать пояснение “АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ”.

Что ж, нам и теперь, когда и сталинские мощи истлели, и независимость мы обрели, став хозяевами не вымышленной, а истинной истории своей, - всякий раз встречая слово “TÜRK”, сопровождать его заскобленным “АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ”?

Если уж мы отрицаем, что наш язык - это “TÜRK DİLİ”, тогда нам придется принять, что Физули, М.П.Вагиф, Мирза Фатали, Зардаби, Сабир, Мирза Джалил писали не на нашем языке. Или - мы должны сказать, мол, эти гении не знали верного названия родного языка, и ошибочно называли его “TÜRK DİLİ”. Абсурд? Конечно же!

Таким образом, сохранение определения “türk” в названии нашего языка правомерно, важно и необходимо с научной, исторической точки зрения. Но это лишь один аспект вопроса. Есть и другая сторона, и при невнимании к ней, наше заключение вновь будет половинчатым и поспешным. Дело в том, что вопрос о названии нашего языка подымался и три года тому назад. В ту пору, когда было принято поспешное постановление о категоричном именовании нашего языка, как “türk dili”, мы выразили свой протест. В ответ на вопрос корреспондента “Адабият газети” Бахтияр Вагабзаде сказал: “Милли Меджлис допустил поспешность. Решил этот серьезный вопрос без подготовки. Что касается моего мнения, то нашу нацию надо бы именовать “AZƏRBAYCAN TÜRKLƏRİ” (“азербайджанские тюрки”- Ред.), а язык - “AZƏRBAYCAN TÜRKCƏSİ” (“азербайджано-тюркский”- Ред.). В том же номере газеты на соответствующий вопрос отвечал и я. “До тридцатых годов наш язык именовали “TÜRK DİLİ”, а литературу - “TÜRK ƏDƏBİYYATI”, нашу нацию “ТЮРКАМИ”. Потому восстановление этого слова исторически справедливо. Но это - одна сторона вопроса. Вторая - та, что сегодня, говоря о “TÜRK ƏDƏBİYYATI”, мы подразумеваем литературу Турции на турец-

ком языке. Потому было бы вернее называть наш язык “AZƏRBAYCAN TÜRKCƏSİ” или “AZƏRİ TÜRKCƏSİ”. Пусть в Конституции напишется так; государственный ЯЗЫК АЗЕРБАЙДЖАНА - АЗЕРБАЙДЖАНО-ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК. Или “АЗЕРИЙСКО-ТУРЕЦКИЙ”.

“Адабият газети”, 8 января 1993 г.

Так как этот вопрос поднят теперь вновь, по прошествии трех лет, я вынужден повторить и несколько шире раскрыть свои суждения. Неоспоримая истина - то, что собственно ТУРЕЦКИЙ и АЗЕРИЙСКО-ТУРЕЦКИЙ - возникшие из одних и тех же истоков, на протяжении веков расходившиеся лишь мизерными различиями, и поныне очень близкие языки. Близкие, но не тождественные. И различия между ними, порой приводящие к комическим недоразумениям, блестяще и образно отражены в таких неувядаемых произведениях нашего искусства, как “Книга матери моей”, “Не та, так эта”, “Севиль”. В отличие от азербайджано-турецкого, литературный язык собственно в Турции был известен как “османский”.

Пять лет спустя после объявления государственным языком Азербайджана “TÜRK DİLİ” (“турецкого языка”) в 1918 году, государственный язык Турции также был поименован “ТУРЕЦКИМ ЯЗЫКОМ”, а определение “ОСМАНСКИЙ” отошло в историю. Впоследствии, по милости сталинской политики, нам и туркестанским республикам пришлось отказаться от определения - этноним “ТЮРК”, и во всем мире современный “ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК” стал пониматься как именно самоприсущий язык Турции. Сами турки в Турции, учитывая наши языковые различия, стали употреблять определение “AZƏRİ TÜRKCƏSİ” (“азерийский турецкий”). Наш язык даже был прозван “наречием”.

Я решительно возражал против этого, и здесь, и в Турции.

Ведь что значит наречие? На наречии можно говорить в определенных регионах, либо же в домах, на улицах, на базарах. Литературный язык негоже считать наречием. “Диалектом” какого же литературного языка является наша родная речь? Турецкого, на котором говорят в Турции? По этой причине выходит, что нормативный литературный язык - ТУРЕЦКИЙ в Турции, а наша азерийская литература - лишь провинциальный вариант, созданный на диалекте. Литературный язык, на котором творили Вагиф, Мирза Фатали, Сабир, Мирза Джалил не может принять сей “диалектный” статус.

Приводят и другой аргумент - дескать, все турецкие языки суть наречия (диалекты). Спрашивается, что же, тогда и ТУРЕЦКИЙ (в Турции) - наречие? Конечно, нет. Почему же в таком случае АЗЕРИЙСКИЙ, ТУРКМЕНСКИЙ или УЗБЕКСКИЙ, ТАТАРСКИЙ, УЙГУРСКИЙ, КАЗАХСКИЙ ЯЗЫКИ должны низводиться в наречия?

Есть общая славянская группа языков, но в составе ее ПОЛЬСКИЙ фигурирует не как наречие, а как самостоятельный язык. Точно так же - и русский, и чешский, и болгарский, и украинский. Поэтому и азербайджано-турецкий никак не может именоваться наречием. Это - автономный язык. Верно, что ближайшие друг другу среди тюркских языков - турецкий в Азербайджане и турецкий в Турции. В средние века наши языковые различия были незначительны. Нет существенных различий между языком Юнуса

Имре и Хатаи, Пир Султана Абдала и Гурбани, Вагифа и Гараджаоглана. И поныне в селениях Восточной Анатолии говорят на языке, мало чем отличающимся от азерийско-турецкого.

Речь идет о значительном расхождении наших языков в последние два столетия и, в особенности, после тридцатых годов двадцатого столетия. Исследование причин этого процесса - тема отдельного разговора.

Речь идет о том, что, сколь ни близки азерийско-турецкий и собственно турецкий, языки официальных документов, терминов, книг, прессы, телевидения и радиовещания, не идентичны. В таком случае два данных языка не могут именоваться единым названием. Именно исходя из этой логики, мы в свое время возражали против именования нашего, однозначно, без учета сегодняшней реальности государственного языка “ТУРЕЦКИМ”, писал я в “Адабият газети”:

Не надо создавать путаницы. Например, если мы сейчас станем употреблять только лишь определение “türk”, сообразно решению Меджлиса, то завтра, при выходе книги с названием “türk dili”возникает вопрос: “Это какой же турецкий - тот, который относится к Турции, или тот, который употребляется в Азербайджане?” Завтрашним университетским студентам, идущим на занятия по турецкому языку, придется уточнять, какой же язык они изучают - турецкий в Турции или турецкий в Азербайджане. Я уже не говорю о том, что азербайджанско-турецкий словарь придется окрестить таким абсурдным названием, как “турецко-турецкий” (“Адабият газети”, 8 января 1993 г.).

К сожалению, тогда наш голос не был услышан. А сегодня мы наблюдаем полярно противоположное, и вновь опасаемся не быть услышанными. Как тогда я возражал против изъятия определения “АЗЕРБАЙДЖАН” из формулировки “Азербайджан турк дили”, так и сейчас протестую против изъятия определения “TÜRK” из той же формулировки. Когда при советской системе тюркские народы были вынуждены отказаться от слова определения “TÜRK”, то за Турцией была монополия на понятие “ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК”. Ныне в этой стране, дабы отличать ее государственный язык от других тюркских языков, все чаще употребляется понятие “TÜRKİYƏ TÜRKCƏSİ” (“турецкий (в) Турции”). И если возможно “Türkiya tərkcəsi”, то почему бы не быть “Azərbaycan türkcəsi”или “Azəri türkcəsi”?

Иногда выдвигают такой довод, что не может быть названия языка, состоящего из двух определительных слов, дескать, и аналогов в мире нет. Во-первых, заметим, что аналогия - еще не доказательство. Во-вторых, и аналоги есть. Разве БЕЛОРУССКИЙ не является таким двусоставным определением? Есть РЕТРО-РОМАНСКИЙ ЯЗЫК, и КАРАКАЛПАКСКИЙ и КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ. А самый сходный пример - КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ язык. Известно, что обоюдно принадлежа к тюркской системе, язык многострадальных крымских татар отличен от языка татар казанских. Потому как государственный язык Татарстана именуется собственно “ТАТАРСКИМ”, в случае с крымскими татарами к названию их языка добавляется эпитет, обозначающий их родину.

Учитывая все это, - и принцип историзма, и научную корректность, и сегодняшнюю реальность, мы считаем необходимым сформулировать название нашего языка двухсоставным определением, настаиваем на сохранении понятий “Азербайджан” и “türk”в

этом названии. То есть, НАШ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК - “AZƏRBAYCAN TÜRK DİLİ” (азербайджано-тюркский язык).

Соответственно, изучаемая дисциплина и учебники - AZƏRBAYCAN TÜRK DİLİ dərsi, AZƏRBAYCAN TÜRK DİLİ dərsliyi.

Конечно, за исключением официальных документов, в прессе, на телевидении и радио могут употребляться и понятия “AZƏRBAYCAN TÜRKCƏSİ”, “AZƏRİ TÜRKCƏSİ” “AZƏRİ TÜRK DİLİ”. Быть может, до официального утверждения, узаконения этого названия (как мы оговорились выше, не стоит пороть горячку, может, и вовсе не время заниматься этим вопросом), надо допустить в обиход эти формулировки. Какая из них окажется более приемлемой в произношении и на слух, какая более заслужит “права гражданства”, ту можно будет в дальнейшем узаконить. Во всяком случае, не будем спешить с окончательным вердиктом, чтобы через несколько лет не пришлось его менять.

Уважаемые депутаты, члены Милли Меджлиса!

Мне хотелось привлечь ваше внимание к этому вопросу. Если даже вы не учтете высказанное мнение, утешусь хотя бы тем, что исполнил долг интеллигента перед историей нашего народа, высказав и обосновав свою позицию в связи с этим вопросом.

С глубоким уважением,

АНАР

Газета “Гюнай” 10 июня 1995 г.
Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Из выступления на совещании в Министерстве Образования

Думаю, нет необходимости говорить о важности обсуждаемой здесь темы. Не вызывает сомнений и то, что выделяемые на образование деньги никогда не остаются безрезультатными. В этом смысле самым наглядным примером может послужить Япония после окончания II Мировой войны. Только благодаря массивным инвестициям в образование до основания разрушенная войной страна смогла вступить на путь ускоренного развития. Конечно, зарплату нужно повышать всем слоям населения, но в первую очередь это необходимо сделать для врачей и учителей, потому что здоровье и будущее нации зависит от людей именно этих профессий.

В нашем образовании есть проблемы. Прежде всего, меня не удовлетворяет уровень преподавания русского языка в азербайджанских школах и азербайджанского в русских. Еще в советские времена я неоднократно повторял, что если мы хотим вырастить образованную интеллигенцию, то должны обучать людей как минимум двум языкам. К сожалению, тогда моим словам не уделили должного внимания. Помню в 50-х годах, во времена моей учебы в университете к преподаванию азербайджанского языка в русском секторе относились формально. Теперь же мы видим результаты подобного отношения, когда некоторые русскоязычные официальные лица с трудом, запинаясь на каждом слове, говорят на азербайджанском языке. Пусть берут пример с нашего уважаемого президента Ильхама Алиева, получившего и среднее, и высшее образование на русском языке. Посмотрите, как плавна его речь на азербайджанском языке, насколько богат словарный запас, как грамотно строятся его выступления.

Свободное владение родным языком очень важно для каждого из нас. С другой стороны, не зная русского языка, не используя возможности, представленные благодаря его знанию, воспитать по-настоящему образованного человека, мы не сможем. Однако справедливости ради надо отметить, что существует и другое мнение. Некоторые предпочитают английский язык русскому, хотя, по моему мнению, здесь не должно быть противопоставлений. Одно не мешает другому, конечно, хорошо было бы знать и английский язык. Лично для меня, незнание этого языка проблема, затрудняющая общение с людьми в моих зарубежных поездках. Но давайте сравним объемы и качество получаемой нами информации на русском языке с английским. Имеющаяся в нашем распоряжении печатная продукция на русском языке для нас намного доступнее, чем англоязычная. Я уже не говорю о том, что большинство из овладевших английским языком сделали это не для того, чтобы прочесть Шекспира, Байрона или Диккенса в оригиналах, а с целью трудоустройства в иностранных компаниях.

Я с большим уважением отношусь ко всем учебным предметам и не намереваюсь принижать ценности ни одного из них. Но убежден, что самые важные из них - это азербайджанский язык, литература и история. Безусловно, каждый молодой человек волен в выборе своей будущей профессии. Он может решить, что будет математиком, физиком, химиком и т. д. и соответственно уделять этим предметам особое внимание. Но именно изучение языка, литературы и истории в средней школе способствует формированию национального сознания. Поэтому считаю, что нельзя ни экономить, ни урезать учебные часы, выделяемые для изучения этих предметов.

Хотелось бы сказать еще несколько слов и об учебниках. Меня радуют высокие требования, предъявляемые к полиграфическому качеству выпускаемых учебников. Правильно составлена программа изучения материала в учебниках по литературе, от простого к сложному. То есть составители учебников которые придерживаются верного принципа - от фольклора, от доступных детскому сознанию текстов к изучению в старших классах более сложных литературных произведений.

Вместе с тем, обстоятельства вынуждают меня коснуться еще одного вопроса. Мне трудно говорить на эту тему, но если я об этом не скажу, кто это сделает? Я не могу понять, почему в учебниках по литературе с первого по девятый классы нет ни одного упоминания о Расуле Рзе и Нигяр Рафибейли? И это притом, что и у Расула Рзы, и у Нигяр Рафибейли есть достаточно произведений для детей и о них. Ни одного из них нет в учебниках. Видимо, некоторые авторы учебников считают более важными ознакомление детей со своими собственными стихами. Но если для творчества Расул Рзы все же отведено место в учебниках 9-11 классов, то заканчивающий школу ученик не найдет в них ни одной строки о Нигяр Рафибейли. В этих учебниках ни разу не упоминаются две азербайджанские народные поэтессы - Мирварид Дильбази и Нигяр Рафибейли. Правда, некоторые стихи Мирварид Дильбази все же вошли в учебники для младших классов. Но, что касается Нигяр Рафибейли, складывается ощущение, что такого имени в нашей литературе вообще не было. Очень жаль.

Не нашлось места в учебниках и для наших видных писателей Абульгасана и Сабита Рахмана. Незаслуженно забыты имена таких известных представителей современной литературы периода оттепели 60-х годов прошлого века как Али Керим, Юсиф Самедоглу. Иса Меликзаде и Фарман Керимзаде. Обо мне дана биографическая справка и сокращенный вариант пьесы: “Последняя ночь уходящего года”. Спасибо за это, но искренне прошу, пусть укоротиться справка обо мне, пусть еще на одну часть сократиться моя пьеса, но вместо этого расскажите о Юсифе Самедоглу, чтобы наши учащиеся смогли ознакомиться с его гениальным романом “День казни”.

Не нашлось в наших учебниках места и для таких людей, определяющих и представляющих лицо нашей сегодняшней литературы, как народные поэты Фикрет Годжа и Вагиф Самедоглу; писатели Рустам Ибрагимбеков, Мовлуд Сулейманлы, Рамиз Ровшан, Кямал Абдулла, Афаг Масуд и Чингиз Абдуллаев. Без этих имен представление о нашей современной литературе будет лишь половинчатым. Половинчатость же, по моему глубокому убеждению - большое бедствие.

Думаю, что именно подобное отношение к образованию способствует проникновению в печать людей, строящих свою сомнительную “литературную” карьеру путем по-

прания имен и творчества поколения “шестидесятников”. Один из таких, с позволения сказать, “литературных деятелей” пишет: “С писателями надо быть пожестче. Особенно по отношению к “Шестидесятникам”. Самое эффективное средство - оклеветать их. Тогда они сначала злятся, а потом начинают терять авторитет и уважение. Стоит их оклеветать, оговорить, обвинить их за слова ими не написанные, и они приходят в полное расстройство и нервничают. У одного в крови поднимается сахар, у другого понижается давление… Радует то, что причиняешь им определенное беспокойство”.

Трудно подыскать более откровенное, искреннее признание “литературного киллера”, подонка чистой пробы. Желание оклеветать кого-либо, оболгать, довести до полного отчаяния, чтобы человек заболел и ощутить после этого себя вполне счастливым, присуще клиническим шизофреникам или Иблису. Если перевести приведенное мною выше признание на язык стихов, то получится монолог Иблиса, вышедший из-под пера Гусейна Джавида. Все это месть Иблиса, или вернее сказать, маленького, жалкого и убогого бесенка-чертика. К сожалению, наша пресса принимает этих душевнобольных с распростертыми объятьями.

Говоря об образовании в целом, необходимо также отметить, что приобретается оно не только в школе. В первую очередь оно, конечно, связано с воспитанием в семье. Многое зависит и от прессы, и от телевидения. Но в наше время настоящим бедствием для общества стал интернет. Хотя если подумать, никакой вины интернета в этом нет. Нож в руках хирурга спасает человеческую жизнь, а в руках убийцы он ее лишает.

Интернет - одно из самых выдающихся мировых достижений в руках злонамеренных моральных террористов превратился в оружие, направленное против нашего менталитета, нашей нации, ее литературных и духовных ценностей. Шайка бессовестных негодяев, владеющая и пользующаяся этим оружием, распространяющая дашнакскую пропаганду, представляет из себя настоящее бедствие. Союз писателей Азербайджана всеми силами противоборствует насаждению в нашем обществе невежества, мракобесия, пошлости, духовной коррозии. Но нам одним не справиться с этим. Мы все должны объединить свои усилия, если думаем о будущем нашей нации, о правильном воспитании будущих поколений, о самом народе.

“Ədəbiyyat qəzeti” 5 сентября 2008 г.

Выступление на XII съезде учителей

Уважаемые участники и гости съезда!

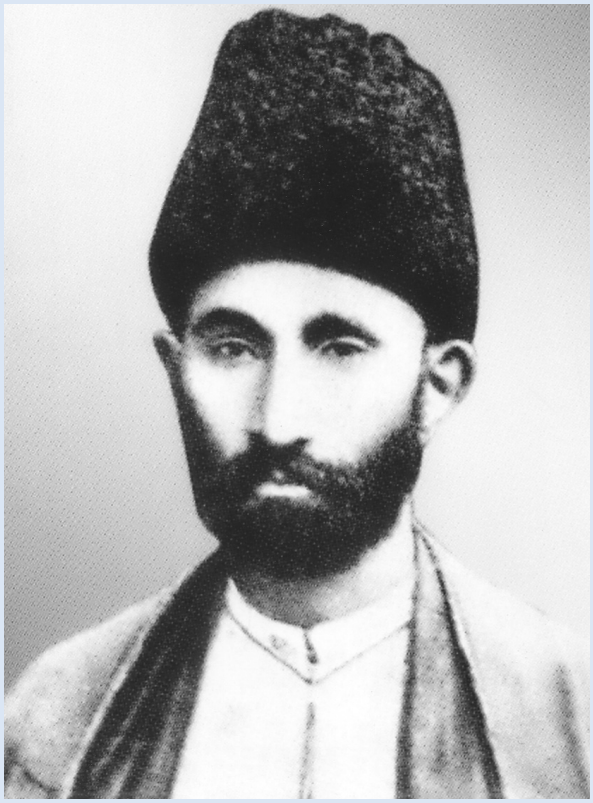
Сегодня 22 сентября, в последний день лета и первый день осени, в день, когда дневное время приходит в равновесие с вечерним, я приветствую и поздравляю вас от имени азербайджанских писателей. Каждому времени года присуще свое очарование, но осень это особая пора. Каждой осенью перед учащимися широко открываются школьные двери. Особенно символичен этот день для первоклассников. Им предстоит впервые открыть азбуку и понять, что из букв составляются слова, из слов предложения, рождаются мысли, описываются события и в конечном счете создается история. В букваре корни всех значимых в мире литературных, научных, политических произведений, и подобно тому, как в основе всех величайших научных открытий лежат цифры, в основе учебной программы средней школы лежит таблица умножения. Именно отсюда начинается путь, ведущий к образованию, знаниям, духовному богатству и в роли проводника на этом пути выступает Учитель, учащий и воспитывающий учеников. И подобно тому, как Учитель в будущем будет гордиться успехами своего высоко поднявшегося ученика, так и достигший самых вершин ученик с чувством глубокой признательности, с теплотой будет вспоминать своего учителя. Самым наглядным и замечательным примером тому может служить то почтение, внимание и забота, которые проявлял наш незабвенный всенародный лидер Гейдар Алиев по отношению к своему учителю, ныне покойному Лятифу Гусейнзаде.

Бек, Мирза, Эфенди - все эти почтительные обращения к уважаемому, либо старшему по возрасту человеку существовали еще до советских времен. Алимардан бек, Абдуррагим бек, Узеир бек, либо Джавид эфенди, Шаиг эфенди… В советские времена эти обращения постепенно вышли из нашего лексикона, позабылись и перестали употребляться. На моей памяти в Азербайджане так продолжали обращаться только к двум людям - Мустафа беку Топчубашеву и Узеир бею Гаджибекову. Кстати, пользуясь случаем, хочу поблагодарить нашего уважаемого Президента за присвоение нашей музыкальной Академии имени Узеира Гаджибекова. Общество с большим одобрением и воодушевлением приветствовало этот шаг.

Несмотря на то, что такие обращения, как бек, хан, эфенди и мирза остались в далеком прошлом, нашему народу не удалось навязать русифицированное “вич”, и он нашел выход из положения: к уважаемым, старшим по возрасту людям стали обращаться, прибавляя к их именам слово “муаллим”: Самед муаллим, Мирза муаллим, Гара муаллим, Фикрет муаллим и т.д. Это стало самым наглядным показателем высокого авторитета и уважения, с которым народ относится к званию учителя. Само это слово присутствует в восточных и тюркоязычных лексиках, но ни в одном из них не используется как обращение. В то же время, приходится признать, что в некоторых случаях

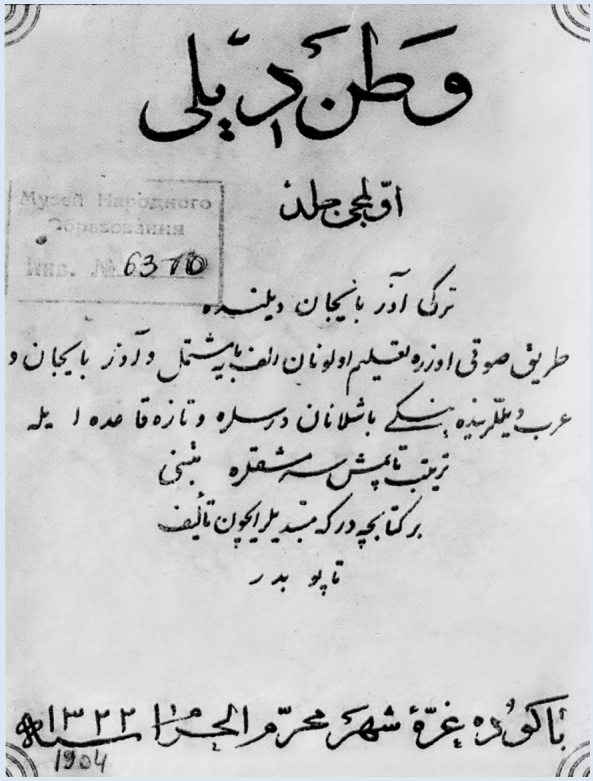
Исмаил бек Гутгашенлы

Мирзе Шафи Вазех



Сеид Азим Ширвани

Мухаммед Таги Сидги


وطن دیلی

اوچنجی جلد

ترکی آذر بایجان دیلنده

طریق صوتی اوزره تعلیم اولونان الفبایه مشتمل و آذر بایجان و

عرب دیللرینده بنکه باشلانان درسلره و تازه قاعده ایله

ترتیب تابش سر مشقره مبنی

برکتابچه در که مبتدیلر ایچون تالیف

تاپو بدر

باکوده غرة شهر محرم الحرام سنه ۱۳۲۲

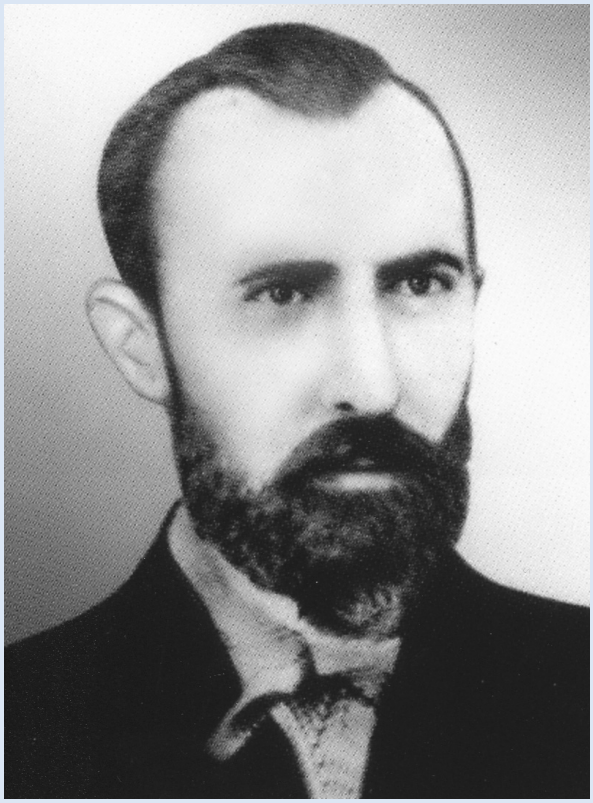
1904

Музей Народного Образования

Инв. № 6370

Обложка учебника “Ватан дили” (язык родины) составленный А.О.Чернаевским

Алексей Осипович Чернаевский



Фируддин бек Кочарли

Хабиб бек Махмудбеков

Султан-Меджид Ганиев.

САМОУЧИТЕЛЬ
ТЮРКСКАГО ЯЗЫКА
КАВКАЗСКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКАГО НАРЕЧИЯ.
ЧАСТЬ I-я
ЧТЕНИЕ И ПИСЬМО.
ИЗДАНИЕ 5-е.
ИСПРАВЛЕННОЕ и ДОПОЛНЕННОЕ

اصطلاح آذربایجان

ترك قانقاز دیلینی اوگرتمكدن اوتری دستاویز در.

مؤلفی

سلطان مجید غنی زاده

بنجی چاپ

БАКУ.
Издание Азполиграфпресса.
1922 г.
2-я Гостипография.

Обложка учебника “Самоучитель тюркского языка”. Автор Султан-Меджид Ганиев

ترك — آذربایجان دیلینیگ

مختصر

صرف نحوی

روس و سلمان مكتبلرینده ترکجه اوخویان اوشاقلار ایچون

دوزلدوبدر

بادکوبه قفازیه سینگ ترك دیلینگ معلمی

تریان تریانوف

АРХИВ
Нариманов
№ 23
206.

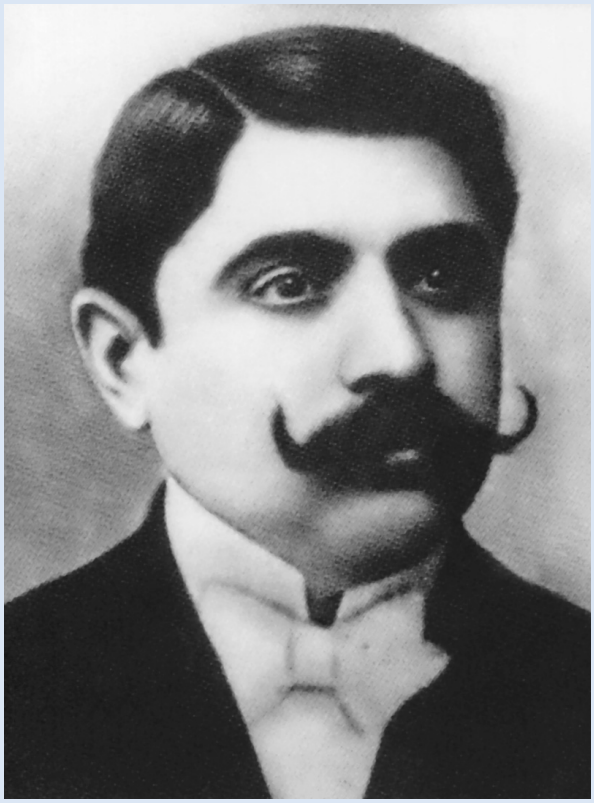
БАКУ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1899.

Краткая грамматика тюркско-азербайджанского языка

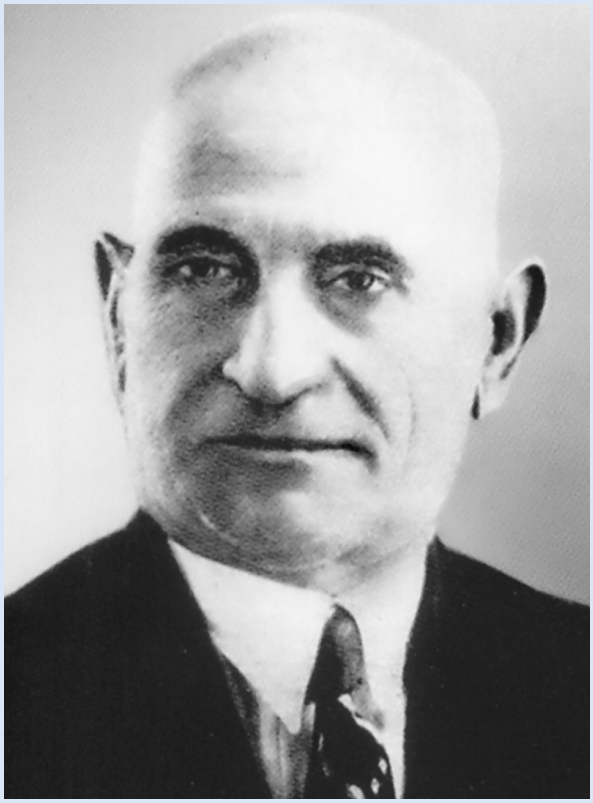
Султан Меджид Ганиев

Мирза Гасан Рушдие

Рашад бек Эфендиев



Бадал бек Бадалбейли



Сулейман Сани Ахундов

Шафига ханум Эфендизаде

Секине ханум Ахундзаде

Рахиле ханум Гаджибабабекова

Джамо Джабраилбейли, Абдулла Шаиг, Самед бек Аджалов

Группа учеников горийской семинарии.
Первый справа в первом ряду Узеир Гаджибеков за ним Муслим Магомаев

Шафига ханум Эфендизаде с ученицами женской гимназии

Организационная группа I съезда учителей Азербайджана

это обращение звучит неуместно, как пошлость. Так происходит, когда оно относится к человеку недостойному называться даже плохим учеником. В этой связи вспоминается одна забавная радиопередача. Как будто в роли экзаменатора выступает машина, задающая вопросы механическим голосом. Ученик не может ответить ни на один вопрос и пытается выйти из положения другим способом. Он спрашивает: “Машин муаллим, что мне сделать для вас. Может, нужны какие-нибудь запчасти? Вы только скажите, я все найду”. К счастью и подобных “машин муаллимов”, и таких нерадивых учеников очень мало.

Профессии педагога и писателя во многом схожи. Труд этих людей направлен на просвещение, образование, духовное обогащение. Поэтому не случайно, что многие наши видные писатели и поэты были педагогами. Мирза Шафи Вазех был наставником молодого Мирзы Фатали Ахундзаде. Сабир получил образование у Сеид Азима Ширвани, а потом и сам учительствовал в Балаханах. Знаменитые литераторы: Султан Меджид Ганизаде, Фируддин бек Кочарли, Рашид бек Эфендиев. Сулейман Сани Ахундов, Мамед Таги Сидхи, Гусейн Джавид, Абдулла Шаиг, Сеид Гусейн были известными педагогами своего времени. В этом смысле стоит особо выделить Мирзу Джалила Мамедгулизаде. После окончания Горийской семинарии он преподавал в Нераме, Улуханлы и в других селах. В его художественных произведениях вопросам образования отведено особое место. В пьесе “Данабаш кендинин мектеби” Мирза Джалил горько насмехается над схоластическими, оторванными от реальной жизни методиками преподавания. Наряду с подробностями о строении глаза саранчи, персонаж по имени Учитель Гасанов рассказывает детям о Песталоцци и Ушинском. Один из здравомыслящих учеников спрашивает: “Ай учитель, прошу прощения, зачем нам знать строение глаз саранчи, чтоб она вообще ослепла. Ты лучше скажи, как нам от нее урожай уберечь? “

И в бессмертном произведении “Мертвецы” Мирза Джалил, выражаясь языком Л.Толстого, заводит разговор об эффективности “плодов просвещения”. На примере почтового чиновника Гейдараги и переводчика Али бека, он указывает на ущербность формального образования, его неспособность противостоять фанатизму и невежеству. Здесь вполне уместно звучит введенное Солженицыным понятие “образовонщина”. Имея в виду это понятие, Искендер говорит с горечью: “…все докучают, учись, учись, будешь ученым, но никто не скажет, учись, стань человеком”.

И ученым быть почетно, и писателем, и инженером, и врачом, и учителем. Но самое почетное звание - быт человеком, высоконравственной личностью. Патриотизм, гражданственность, любовь человека к языку, нации, государству, истории и литературе формируется именно в школе и все это, повторяю, ваш труд. В этом нелегком деле я желаю вам терпения, неутомимости и успехов.

Сентябрь 2008 года

Доклад на торжественном собрании, посвященном 75 годовщине создания Писательской организации Азербайджана

Уважаемые участники мероприятия!

Дорогие гости!

Дамы и господа!

Для нас честь и гордость вместе с вами отмечать большой праздник нашей литературы и культуры - 75-летие Писательской организации. Часом раньше мы завершили работу, длившегося два дня Международного форума “Слово без границ”.

Как и в ряде иных стран, в Азербайджане также потребность тружеников пера в общении, желание собираться сформировалось, по меньшей мере, с девятнадцатого века. Поэтические меджлисы в Гарабахе, Гяндже, Баку, Шемахе, Нахчевани, Шеки, Ленкорани, Кубе действовали еще в XIX веке. Стоит особо отметить два из них. Созданный внучкой последнего правителя независимого Гарабаха Ибрагим-хана - Хуршуд Бану На-

Эльчин и Анар на юбилее 75 летия Союза писателей

Группа азербайджанских писателей. Слева Дж.Мамедкулизаде, Г.Джавад, А.Ахвердев, С.С.Ахундов, Эминбейли, С.Мумтаз, стоят Халил Ибрагим, Дж.Джаббарлы, С.Гусейнов, С.Рустам, М.Мушвиг, А.Шаиг, А.Джавад, М.Рагим

таван общество “Меджлису-унс” и организованный поэтом, музыкантом, художником и ученым Мир-Мохсином Наввабом “Меджлисул-Ферамушан” (“Меджлис позабытых”) - наглядные примеры интенсивной культурной жизни Шуши - колыбели азербайджанской литературы и музыки.

В начале XX столетия литературная жизнь Азербайджана в основном формируется вокруг журналов “Молла Насреддин” и “Фьюзат”, начатых издаваться в 1906 году.

Журнал “Молла Насреддин”, издававшийся Джалилом Мамедкулизаде в активном сотрудничестве с Омаром Фаиком, взрастил великого Мирзу Алекпера Сабира, таких выдающихся прозаиков, поэтов и публицистов как А.Ахвердиев, М.С.Ордубади, Гямкюсар, Али Назми, Узеир Гаджибейли. На страницах издававшегося Алибеком Гусейнзаде журнала “Фьюзат” заблистали таланты Мохаммеда Хади, Аббаса Саххата, Гусейна Джавида, Абдуллы Шаига.

Идеи свободы, независимости, демократии, выражавшиеся в разных стилях, различными путями как “Моллой Насреддином”, так и “Фьюзатом”, обрели новый размах с созданием 28 мая 1918 года Азербайджанской Демократической Республики - первой на Востоке и в тюркском мире республики.

В этот период появляются стихи, драматические произведения, публицистические статьи в национально-патриотическом духе, воспевающие Независимость, было создано общество литераторов “Зеленые перья”. Эта организация, продолжившая свою деятельность несколько месяцев и в советский период, объединяла писателей-ветеранов минувшей эпохи. В то же время была создана творческая организация нового периода - “Золотые перья”. В тот же год начала свою деятельность АЗАПП - Ассоциация азербайджанских пролетарских писателей. Этот процесс шел по всей Стране Советов. В Москве вели деятельность Пролеткульт, РАПП, ЛЕФ, конструктивисты, имажинисты и дру-

гие литературные течения, объединившиеся в различные группы.

Наконец, в 1934 году все эти организации в масштабах страны и во всех республиках были объединены в Союз писателей. Можно спорить о том, от кого исходила эта идея - от Максима Горького или Сталина. Во всяком случае, в создании этой организации и у Горького, и у Сталина были свои намерения. Великий писатель действительно хотел связать литературную жизнь единым центром; задумывал этот центр как организацию, призванную заботиться о творческих проблемах писателей, о многих нуждах - от проблем издательских, газетно-журнальных до бытовых, открывать широкие возможности перед ними.

А намерением Сталина было создать своего рода Министерство литературы и тем самым держать ее под контролем партии. Не случайно, что в отличие от Союза писателей Азербайджана, Союзом писателем СССР в определенные периоды руководили и такие партфункционеры, как Щербаков и Поликарпов, не имевшие никакого отношения к литературе. На всесоюзных писательских съездах с докладами выступали партийные руководители Бухарин, Жданов.

Правда, и на Первом съезде азербайджанских писателей с докладом по поэзии выступал парт-

Руководители Союза писателей

В Союзе писателей

работник, причем не сведущий в азербайджанском языке, армянин по национальности Чубарь, но, во всяком случае, все руководители Союза были поэтами, прозаиками, критиками. Нельзя забывать заслуг людей, возглавлявших Союз писателей в очень трудные времена. И я с большим уважением и почтением хочу назвать их имена: Мамедкязым Алекперли, Сейфулла Шамилов, Самед Вургун, Расул Рза, Сулейман Рагимов, Мирза Ибрагимов, Мехти Гусейн, Имран Касумов, Исмаил Шихлы.

Обозревая 75-летнюю историю нашей организации, наряду со славными, вызывающими гордость страницами, приходят на память и горечь ненастных лет. Около тридцати азербайджанских писателей стали жертвами репрессий 1937 года, были расстреляны, сосланы. Это - треть тогдашних членов нашего писательского Союза. В 1988 году, впервые в бывшем Советском Союзе вывесили в Союзе писателей доску-мартиролог репрессированных наших писателей. На этой доске значатся имена двадцати семи наших литераторов. Но, листая печать того времени, мы видим, что среди репрессированных есть имена лиц, обвинявшихся в национализме, в пантюркизме, антисоветизме, но также и некоторых критиков, предъявлявших им эти обвинения.

Вопреки тяжелым роковым ударам, нанесенным нашей литературе, большая часть наших талантливых поэтов, писателей не дали угаснуть, погибнуть нашей литературе, противостоя всем невзгодам, смогли сохранить наш язык, нашу духовность, наше национальное существо, обогатили нашу литературу поэмами, романами, драматическими произведениями, стихами и рассказами, критическими статьями, публицистическими работами.

Острое писательское слово сыграло важную роль в годы Второй Мировой войны в борьбе против угрозы фашизма, враждебного всем народам. Многие наши писатели с

Гейдар Алиев беседует с писателями накануне X Съезда Писателей

оружием в руках сражались на фронте, другая часть трудилась военными корреспондентами во фронтовых газетах, ряд литераторов, встречаясь с воинами, воодушевляли их на бой.

В 1941-46 годах азербайджанские писатели проявили большие заслуги в пробуждении национального сознания в Южном Азербайджане. На коротком отрезке времени сложилась ситуация, когда азербайджанские литераторы, обращаясь к теме Юга, могли ярко и горячо выражать сокровеннейшие национальные чаянья, патриотические чувства.

После войны в нашу литературу пришла генерация талантливых писателей.

Ключевой поворот в советский период обозначился после шестидесятых годов. Оттепель тех лет в советском обществе, “таянье льдов” не могли не повлиять на литературу, искусство. Конечно, было бы неверно связывать обращение литературы к новым темам, новым героям, новым изобразительным средствам только с поколением шестидесятников. Писатели более старшего поколения также активно участвовали в этом процессе обновления. Но, естественно, основное бремя этого процесса обновления несло поколение шестидесятников.

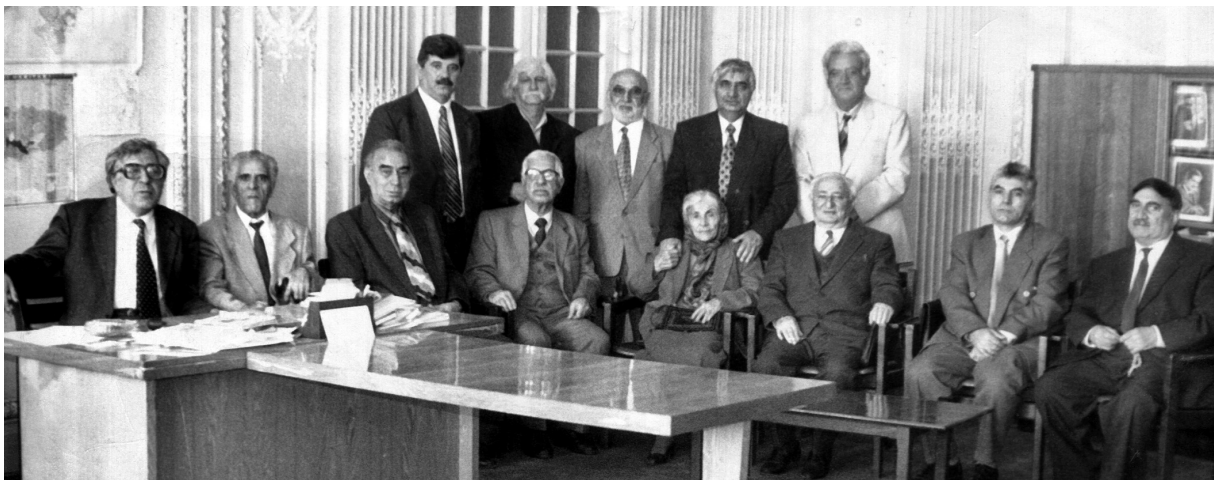
Но, увы, вскоре этот общественно-политический климат сменился новым “ледниковым периодом”, впоследствии названным “застойным периодом”. Писатели, не желавшие возвращаться к минувшим временам - как в отношении формы, так и содержания, - столкнулись с новыми трудностями.

Союз писателей, в советскую эпоху являвшийся авторитетнейшей организацией, всегда стоял на страже нашего языка, нашей духовности, национальной самобытности; писательское слово звучало внушительнее всех, когда возникали судьбоносные вопросы для нашего народа.

X Съезд писателей

Время от времени в иных газетах, поставивших своей главной целью предъявление СП необоснованных претензий, появляются нелепые вопросы наподобие “Нужен ли Союз писателей?” или “Кому нужен Союз писателей?” Причем, самое странное, что эти вопрошатели либо из заявлявших о своем выходе из писательской организации, либо же никогда не состоявшие в ее рядах. Спрашивается, если вы утверждаете, что не имеете никакого отношения к СП, то почему вас столь интересует и беспокоит все, что Союз делает?

Еще в 1997 году, в канун нашего X съезда, когда подогревались такие настроения, слова, сказанные общенациональным лидером Гейдаром Алиевым на встрече с молодыми литераторами, явились самой весомой отповедью всем подобным претензиям. Гейдар



В Союзе писателей

Алиев говорил: “Сколько пользы нашему народу принес Союз писателей! А теперь встают и заявляют, нужен Союз писателей или не нужен? Несомненно, сейчас Свобода, каждый волен высказать свое мнение, и это вполне естественно. Но я выскажу свое мнение, конечно же, Союз писателей нужен… Я считаю, что со времени последнего съезда доныне Союз писателей Азербайджана проделал большую работу. Союз писателей сбережен и сохранен, не допущено его расчленение, распад. Ведь и Союз писателей прошел через большие испытания. Вы видите, что выпало Азербайджану за эти шесть лет, и Союз писателей прошел через все эти испытания, экзамены. Поэтому лично я считаю, что мы это должны высоко оценить. Деятельность руководящих Союзом писателей лиц нужно оценить высоко”.

В Союзе писателей

Кстати, говоря, в этом году исполняется также и 75 лет с начала издания “Адабият газети”. Как и человеческая жизнь, 75-летие газеты - возраст степенности, умудренности. Как и у каждого человека, у газеты тоже могут быть ошибки, сбои, и у “Адабият газети” - они есть, но газета прошедшая испытания тех же трудных лет, сумела сохранить свою весомость, степенность, солидность. Хотя иные чают от этой газеты сенсационных скандальных публикаций, газета не идет на подобные банальности, стремится сохранить свое литературное лицо. Газета - зеркало литературы. Если талантливые, серьезные писатели будут держаться в стороне от этой газеты, то они не вправе ее корить, напротив, они могут поднять уровень нашей газеты, публикуя в этой газете свои лучшие вещи.

Пользуясь случаем, хочу от души поздравить сотрудников, авторов и читателей “Адабият газети” с 75-летием.

Если обозрим литературную продукцию только последнего периода, то увидим, что в эти годы увидели свет многие значимые поэмы, романы, стихи, рассказы, публицистические работы, критические статьи, привлекшие интерес широкой литературной общественности, читателей. Наш старейший писатель Иса Муганна с молодым энтузиазмом создает новые ценные романы. Романы, повести, рассказы народного писателя Эльчина с интересом прослеживаются не только в Азербайджане, но и в печати Турции, России, его книги издаются, помимо Москвы, Турции, и в Румынии, и в других странах, пьесы его идут на турецких сценах.

Слева: Рафаэль Гусейнов, Зелимхан Ягуб, Аяз Вефалы, Чингиз Алиоглы, Рамиз Ровшан, Афаг Масуд, Анар, Мовлуд Сулейманлы

Пьесы Рустама Ибрагимбекова успешно ставятся в театрах Москвы, многих зарубежных стран. Романы Кямала Абдуллы издаются в Турции, Москве, Польше, во Франции, Бразилии. Поэтому приходится напоминать некоторым маловерам, твердящим, дескать, азербайджанская литература не идет дальше Баладжар (более снисходительные тянут ее до Евлаха), что Европа и Америка как-никак подальше от этих населенных пунктов… Причем, скептическое брюзжание исходит порой от людей, которые за всю жизнь не прочли ни единой страницы азербайджанского писателя на азербайджанском языке. Короче говоря, наша литература, проехав Баладжары, перемахнула аж до Бразилии.

Романы Чингиза Абдуллаева переведены на двадцать восемь языков мира, изданы миллионными тиражами в разных странах. Изданные в Турции книги Фикрета Годжи, Вагифа Самедоглу, Рамиза Ровшана, Мамеда Исмаила, Аббаса Абдуллы, Зелимхана Ягуба. молодого поэта Селима Бабуллаоглу тепло приняты и в периодической печати этой страны. Стихи Фируза Мамедли, Акифа Ахмедгиля, Гашама Наджафоглу, молодых поэтов Гулу Агсеса, Акпера Гошалы, Эльхана Зала, Ильгара Фахми публикуются в Москве, в странах Европу, в Турции, Иране.

В череде успехов прозы последнего периода - романы, повести и рассказы Мовлуда Сулейманлы, Сабира Рустамханлы, Натика Расулзаде, Агиля Аббаса, Эльчина Гусейнбейли изданы в России, Турции, Польше, Украине.

Рассказы наших писателей Сары Огуз и Афаг Масуд изданы в США, произведения Афаг Масуд опубликованы также в австрийских журналах. Если все это не считается успехом нашей современной литературы, то я уже не знаю, что же называется успехом?

Еще одно знаменательное событие, не имевшее прецедента даже в советское время, - в Москве номер журнала “Дружба народов” был всецело посвящен азербайджанской литературе. Также и один номер журнала “Киевская Русь”, выходящего в Украине был целиком посвящен азербайджанской литературе. В Турции - в каждом номере журнала “Гардаш гелемлер” (“Братские перья”) широкое место отводится произведениям азербайджанских писателей. Отрадно, что альманахи, состоящие из произведений наших молодых писателей, выходят в Турции, Польше, Украине, России, Грузии.

Нас всех радует большой читательский интерес к книгам молодых литераторов, проявленный в созданной по нашей инициативе книжной лавке “Баяты” в дни презентаций их книг. Все это факты, - неопровержимое свидетельство того, что, наряду с интересом к нашей литературе в самом Азербайджане, она порождает резонанс и в зарубежном мире.

По обыкновению, отвечая на претензии о том, что непоявляются ценные произведения в нашей современной литературе, иные писатели частенько напоминают свои произведения. Как видите, я стремился очертить, возможно, пространную панораму наших литературных произведений последних лет, снискавших широкое признание. Но когда колумнисты иных газет, отрицая все, вышедшее из-под моего пера, пытаются низвести меня до своего уровня, когда они твердят, мол, “Анар в последние годы ничего не пишет”, я вынужден справедливости ради напомнить некоторые факты.

Рассказ “Красный лимузин”, написанный мною в последние годы, опубликован в США, Польше, России (в журнале “Дружба народов” и в моем сборнике), в Турции. Повесть “Комната в отеле” напечатана в Турции, России, на ее основе ныне покойный Расим Оджагов снял фильм. Не сочтите за нескромность, если приведу отзыв видного нашего ученого Низами Джафарова об этом произведении. Низами пишет, что “Комната в отеле”- это самый внушительный образ, созданный азербайджанской литературой на исходе двадцатого века. Стоит в одном ряду с большими образцами мировой литературы”. После выхода романа “Белый овен, черный овен” в Баку, Москве (в моей книге и в “Дружбе народов”), Турции (отдельной книгой и в газете “Орта Догу”), Румынии (отдельной книгой), а также на английском, албанском, казахском языках, о нем в азербайджанской, русской, турецкой, румынской печати опубликован свыше тридцати рецензий.

Если закрывающий глаза на все эти факты злопыхатель, избравший своим занятием травлю известных писателей и талантливых молодых авторов, заявляет: “Я не считаю это за произведение!”- спрашивается, а кто считается с тобой, с твоим словом, чтобы ты не считался с кем-то и с чем-то?

Удивительно, что порой круто противостоящих оппонентов, в том числе авторов иных правительственных и оппозиционных газет объединяет то же злопыхательское, нигилистическое отношение к Союзу писателей, вообще к нашей современной литера-

туре, а иногда даже и к нашим классикам. Хорошо, хоть что в предвзятом отношении к Союзу писателей они могут придти к консенсусу…

Конечно, в столь праздничный день, может быть, не время отвечать на подобные выпады, но ведь рано или поздно надо же дать отповедь на эти дешевые провокации. Угнездившиеся в созданной светлой памяти личностью Наджафом Наджафовым газете "Азадлыг" трое-четверо борзописцев задались целью возводить клевету на азербайджанскую культуру, на наших известных писателей, на писательский Союз, конкретно - на меня. Если в номере "Азадлыг" нет публикаций против меня, считайте, что в этот день газета не вышла.

То, что лишает покоя тех, кто поставил себе целью трепать нервы другим, - это любой успех нашего Азербайджана, в том числе нашей литературы. Любые успешные мероприятия Союза писателей. И это мероприятие, проходящее с участием зарубежных гостей лишает их покоя и сна.

История ничего не предает забвению. Рано или поздно им держать перед нею ответ, и никогда им не удастся обелить свои запятнанные имена. Я верил и опирался всю жизнь на здоровые силы нашей литературы, связывал будущность нашей литературы именно с талантливыми, здоровыми силами. Мы вот вчера стали свидетелями того, как горячо встретили выступление двадцатитрехлетнего поэта Гисмата на поэтическом вечере в Филармонии. Прочтенные вчера Гисметом стихотворение перевешивает кучу рифмованной писанины тех, кто старается силком протиснуться в литературу.

Союз писателей не жалеет сил, чтобы содействовать развитию молодой смены по здравому пути.

На последних наших съездах были избраны секретари Союза писателей по работе с молодыми, создан Совет молодежи, журнал "Улдуз" всецело отдан в распоряжение молодых.

В канун предыдущего съезда во время встречи с руководством СП Президент Ильхам Алиев особо акцентировал этот вопрос. Он сказал: "За последние годы деятельность Союза писателей была очень успешной; в особенности проявлена большая забота о молодых писателях, осуществлено много дел. Выражаю всем свою признательность за всю проделанную работу".

Союз писателей Азербайджана, преодолевая все трудности, выдерживал все испытания, подвергаясь непрестанным нападкам за свою верность нашей государственности, нашим духовным ценностям, опираясь на свою литературную совесть и симпатии нашего народа, всегда с большим вниманием и заботой относясь ко всем талантам - будь то пожилые или молодые - существуя как живой организм, проводив в путь 75-лет своего бытия, вступает в 76-летний возраст.

Мы убеждены, что наша литература будет развиваться образом достойным нашей нации, нашего независимого государства. И наш Союз, как всегда, будет с честью выполнять все возложенные на него обязанности.

Благодарю за внимание.

2009 г.

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Хагани 25

Вот уже семьдесят лет Союз писателей Азербайджана располагается в здании по адресу улица Хагани дом номер 25.

Улица Хагани одна из примечательных улиц Баку, на ней находятся несколько творческих союзов, несколько очагов культуры.

В ее начале, там, где пересекаются улицы Расула Рзы и Нигяр Рафибейли расположен Книжный пассаж. Я вырос на третьем этаже над пассажем, в доме моего отца, первые книги покупал в этом магазине под нашим домом.

Путь с одного конца улицы Хагани в другой - это как бы и моя жизненная дорога. В квартале от Книжного пассажа - здание Русского театра драмы имени Самеда Вургуна. В этом театре шли две мои пьесы. Рядом с театром уютное здание, которое сейчас занимает посольство Ирака. До этого здесь был Союз архитекторов. В 1967-м году я был назначен редактором только что созданного альманаха “Гобустан”. Союз архитекторов гостеприимно принял нашу редакцию в своем помещении, выделив одну комнату.

Напротив этого здания находится Дом актера и Союз Театральных деятелей. В дальнейшем редакция “Гобустана” перешла в Дом актера, а еще через некоторое время я был избран Первым заместителем Председателя Театрального Общества (так оно называлось тогда).

Здание Союза писателей

Стоит пройти еще один квартал, и мы окажемся перед Союзом художников. Писателей с художниками связывают тесные узы дружбы, мы часто участвуем на мероприятиях друг друга. Точно такие же теплые отношения у нас с композиторами, Союз которых находится по соседству с нашим, в доме Хагани 27. Песни, оперы, оперетты наших композиторов создаются в содружестве с нашими поэтами, драматургами.

А по соседству с Союзом композиторов - монументальное здание библиотеки имени М.Ф.Ахундзаде. Там в богатейшем собрании хранятся и наши книги. Писатели участвуют на различных мероприятиях библиотеки.

Клуб Натаван в Союзе Писателей

Нетрудно догадаться, что главная тема моих заметок, - Союз писателей, расположенный в доме 25 на улице Хагани.

В этом году наша организация отмечает свое 75-летие. Когда окидываешь взором эти семьдесят пять лет, видишь в истории Союза наряду со славными, заслуживающими гордость явлениями и многие горькие страницы минувших мрачных лет. Мы рады, что безжалостные, жестокие собрания 37-го года не проводились в этом здании. Но и в последующие годы было немало сварливых сборищ уже в этом помещении. Однажды, когда я еще не работал в Союзе писателей, выступая на совещании в Клубе “Натаван” сказал, что я ничего не боюсь так, как этого клуба. С отроческих лет посещая разные совещания в этом клубе, я хорошо запомнил КТО О КОМ И ЧТО ГОВОРИЛ...

Кабинет Председателя Союза писателей

Но чтобы ни было, как бы натянуты не были нервы, своры и ссоры, камни, бросаемые друг в друга, все это проходит и уходит, остаются лишь истинные критерии и настоящие ценности литературы. Во всяком случае, в Истории Союза писателей светлых страниц несравненно больше, чем темных.

Союз писателей - самая авторитетная общественная организация Азербайджана и в советские годы, всегда стоял на страже родного языка, ценностей классической литературы, национальной самобытности. В самые судьбоносные моменты истории народа громче всех звучали голоса наших писателей. Дороги которые вели к площади Азадлыг (Свободы) в конце восьмидесятых - в начале девяностых годов начинались в Союзе писателей. Писатели были в первых рядах Народного движения.

Но и до этих лет в формировании национального самосознания, освоения настоящих нравственных ценностей роль поэзии, прозы, драматургии, критики Азербайджана неоценима. Об этом не раз говорил наш незабвенный лидер Гейдар Алиев.

Нельзя забывать и заслуг людей, руководивших Союзом писателей в трудные времена. С большим почтением и уважением называю я их имена: Мамедкязым Алекперли, Сейфулла Шамилов, Самед Вургун, Расул Рза, Сулейман Рагимов, Мирза Ибрагимов, Мехти Гусейн, Имран Касумов, Исмаил Шихлы... Избранный 18-го июня 1987-го года

руководителем Союза я повесил в своем рабочем кабинете портреты этих девяти писателей. Рядом с ними висит портрет Юсифа Самедоглу, работавшего первым секретарем с 1993-го года, моего дорогого друга, замечательного писателя, которого мы так рано потеряли.

Юсиф Самедоглы, Анар, Чингиз Абдуллаев, Фикрет Годжа

Сейчас первым секретарем Союза является другой выдающийся литератор, Народный поэт Фикрет Годжа. Вместе с ним и с тремя другими секретарями Союза - Арифом Амрахоглы, Чингизом Абдуллаевым, Рашадом Меджидом, с заместителем Председателя Назимом Ибрагимовым мы - с одними в течение долгих лет, с другими в последние годы - работаем дружно и слаженно, в условиях полного взаимопонимания и плодотворного сотрудничества.

22 года, в течение которых я являюсь руководителем Союза, наверное, самые трудные годы и в моей биографии, и в истории Союза. За эти годы одна политическая система сменилась другой, в корне ей противоположной. Изменились общественно-политические

Заседание секретариата СП. Слева Ариф Амрахоглы, Чингиз Абдуллаев, Фикрет Годжа, Анар, Назим Ибрагимов, Рашад Меджид, Эльчин Гусейнбейли

Избрание Ахрари художника из Южного Азербайджана, проживающего в Германии членом союза

понятия, экономический строй, нравственный климат. Мы старались сохранить лицо нашего Союза, его целостность в столь сильно изменившемся мире. И добились этого.

Как только возникла надуманная Карабахская проблема, первый протест против этого выразил Союз писателей. В письмах и обращениях, направленных в тогдашний Центр - в Москву, руководству страны, в выступлениях по республиканским, московским, турецким телеканалам, и когда удавалось пробиться в российскую, европейскую прессу, писатели доносили голос нашего народа до мира, а свой народ призывали к бдительности. Когда люди, разочарованные в тогдашней власти потоками устремлялись в Союз

Ученый Тадеуш Святаховский в Союзе писателей Азербайджана

Итальянский востоковед Жан Пьеро Белинджери, Анар и поэт Мишель Сулейман

писателей, мы по мере наших возможностей, пытались решать их проблемы, а некоторую часть беженцев и переселенцев поместили в своем Доме творчества в Шувелянах.

Во времена, когда не было никаких партий, кроме одной лишь Коммунистической, Союз писателей взял на свои плечи и груз политической жизни. Первые гневные сообщения о Кровавом Январе 1990-го года и о Ходжалинской трагедии на страницах Центральной московской прессы, были в текстах, посланных из Союза писателей.

В настоящее время, когда действуют политические партии, когда видим такое обилие различных общественных организаций, в условиях свободы слова и печати, Союз писателей, не устраняясь ни от одного из судьбоносных проблем народа, свою главную задачу видит в сфере решения творческих вопросов. И к своим членам относится не с позиций их партийной принадлежности или политических взглядов, а с творческой точки зрения. Очевидно, именно и поэтому наш Союз не развалился, не раскололся, не допустил дрязг из-за имущества, как это случилось с Московскими, Российскими и со многими бывшими республиканскими Союзами. Если в советское время Союз писателей Азербайджана имел всего четыре филиала (в том числе армянский в Нагорном Карабахе) сейчас 11 филиалов (в том числе Карабах-

Заместитель Председателя Совета Президиума КНР Тимур Давмат в Союзе писателей

Слева: Анар, Чингиз Айтматов, Олжес Сулейменов, Сергей Чупринин

ский) охватывают всю территорию страны. Нахчиванский филиал именно в последние годы приобрел статус Союза. Функционируют отделения Союза писателей Азербайджана в Москве, в Борчалах (Грузия), в Стамбуле.

Газета "Адабиат ве инджесенет"- совместный орган Союза писателей и Министерства Культуры, стал сейчас органом только Союза писателей и выходит как "Адабиат газети". В последнее время на ее базе стала выходить и ежемесячная газета на русском языке "Мир литературы".

Справа: Орхан Памук, Анар, Ирфан Улькью

Альманах "Гобустан" бывший прежде органом Министерства Культуры, сейчас является печатным изданием только Союза писателей. К традиционным нашим изданиям журналам "Азербайджан", "Литературный Азербайджан", "Улдуз" в последнее время добавились альманахи "Дунйа адебийаты" ("Мировая литература", "Кёрпу" ("Мост"), "Мутарджим" ("Переводчик").

Упорными усилиями Союза писателей был создан Центр по переводам и литературным связям. Первый председатель этого Центра достойный ученый и критик, покойный Айдын Мамедов строил свою работу в центре в тесном контакте, взаимном уважении и в сотрудничестве с руководством Союза писателей. Центр организовывает переводы произведений мировой литературы, часто с языков оригинала, публикуют эти переводы в виде отдельных книг или на страницах выпускаемого им сборника "Хазар".

Наш Союз имеет контакты, а с некоторыми писательскими организациями Москвы, Турции, Грузии, Украины, Польши, Румынии соглашения и договора. Журнал "Дружба народов" посвятил целый номер азербайджанской литературе, чего не было даже в советское время. Наши писатели широко печатаются и в турецких журналах, их книги часто

Открытие мемориальной доски, посвященной азербайджанским писателям - жертвам репрессий 1937-го года

На открытии Книжной выставки в Баку. Слева: Абульфас Караев, Анар, Сергей Чупринин, Чингиз Айтматов, Олжес Сулейменов, Виталий Игнатенко

НАРОДНЫЕ ПОЭТЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

НАРОДНЫЕ ПИСАТЕЛИ АЗЕРБАЙДЖАНА

УЧЕНЫЕ, АКАДЕМИКИ, КРИТИКИ

выходят в этой братской стране. Несколько книг турецких писателей изданы и в Азербайджане по инициативе Союза писателей и на его средства. Также на свои средства Союз издал книги о Назыме Хикмете и Чингизе Айтматове, трехтомную антологию азербайджанской поэзии на русском языке. Азербайджанские писатели участвуют на различных международных мероприятиях и мы также часто приглашаем в Баку зарубежных писателей. После изменений в нашем уставе на последних съездах мы смогли принять в Союз ряд зарубежных писателей в качестве почетных членов, среди них Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Джавад Хейят. Однако первым почетным членом нашего Союза стал Общенациональный лидер нашего народа Гейдар Алиев.

В постсоветское время и до 1993-го года наша организация испытывала серьезные материальные трудности. Сдавая в аренду первый этаж нашего помещения, мы обеспечивали издания наших журналов и газеты.

После возвращения к власти Гейдара Алиева были приняты на государственный бюджет и сам аппарат Союза, и его печатные органы. Это стало спасением и нашей литературной печати, и нашей литературы и, в какой-то мере нашего литературного языка. В избрании Гейдара Алиева Почетным членом писательского Союза имело значение и его многочисленные ценные выступления по вопросам литературы, речи на юбилеях классиков нашей литературы.

Достойный продолжатель дела Гейдара Алиева уважаемый Президент Ильхам Алиев также с большим внимание и заботой относится к проблемам писателей и Союза писателей. Переводческий Центр по нашему предложению и благодаря помощи Ильхама Алиева был также принят на бюджет. Президент подписал указ о капитальном ремонте нашего здания, он был сделан на самом высоком уровне и Ильхам Алиев лично посетил наше здание поле ремонта, поздравил писателей. Он выделил 70 стипендий для членов Союза, в числе которых 20 молодых до 35-ти лет.

Союз писателей считает приоритетной сферой свой деятельности работу с молодыми авторами. На X и XI съездах были избраны секретари по работе с молодыми, был создан Совет молодежи под руководством Эльчина Гусейнбейли. Журнал “Улдуз”- целиком отдан молодым.

Мы ясно осознаем, что молодые таланты - это будущее нашей литературы. Каким оно, это будущее станет, в значительной степени зависит и от нас старших. Мы стараемся достойно нести эту миссию.

Хагани 25. . . Многие годы я приходил в это здание как рядовой член Союза, а последние 22 года хожу сюда на работу, как ответственное лицо. Поднимаясь по лестницам здания, в котором витает дух нескольких поколений писателей, я думаю о том, что камни и стены, более долговечны, чем человеческие жизни. Подобно тому, как ушли наши предшественники, уйдем и мы, уйдут и наши последователи...

А здание останется. Не только как архитектурный памятник. Оно это здание, будет передаваться из поколения в поколение и как очаг культуры. Подумать только, представители скольких поколений встречались здесь, иногда радовались, иногда обижались, порой ссорились, порой мирились.

Дом номер 25 на улице Хагани одна из достопримечательностей города и этот Дом всегда будет жить, как храм, связанный с именами писателей.

На чем успокоится душа

(Из "Ночных мыслей")

Он им сказал: "Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со мной"

Борис Пастернак "Гефсиманский сад"

Как человек, любой Человек, от короля до нищего может быть счастлив, если он рождается на свет приговоренным к смерти?

И вся его жизнь, проживет ли он всего несколько часов или сто лет - есть лишь ожидание Дня казни. Он, особенно в детские, юношеские годы, может не задумываться об этом. Предполагаемая долгая, временная дистанция до дня Конца, делает для него этот срок приведения приговора в исполнение чем то далеким и потому нереальным. Но с годами человек все яснее и четче начинает понимать неизбежность исхода и невозможность как-то и каким-то образом избегнуть его. Приговор вынесенный Природой или Богом - окончательный, обжалованию или отмене не подлежит.

Тут приходят мысли о Боге, о смысле жизни. Самый жестокий, но видимо, увы, верный ответ на вопрос о смысле жизни заключается в том, что его, смысла жизни, нет. Смысл жизни - бессмыслица.

Но человек не хочет примириться с этим, и утешение находит в религии или в некой общественно-философской концепции. Религия утешает нас тем, что обещает - существует другая, загробная жизнь с ее Раем для праведников и Адом для грешников. В этом не только утешение, но и полезность религии - она предостерегает, или, во всяком случае, пытается предостеречь нас от дурных мыслей и подлых поступков. Обещая нам молочные реки и кисельные берега, гурий и всевозможные наслаждения в Раю и пугая Огненной Геенной Ада, она как бы оставляет право выбора за нами в этой, земной жизни. Живи по совести - а совесть и есть Бог - и тебе воздастся сторицей в Вечной жизни. Или же придется отвечать вечными муками за все соблазнительные искушения жизни на земле. Делай добро и тебе воздастся за это. Этот общий для трех монотеистических религий постулат - о воздаянии за добро - выражен на нашем языке емкой формулой - "Балыгы ат деряя, балыг билмесе де Халыг биляр" ("Выброс пойманную рыбу обратно в море, если сама рыба не поймет этого, то это узнает и оценит Бог").

Я пытался жить и поступать по этому кодексу морали, пока не наткнулся на еще более высокую ступень нравственного совершенства - на истину дзен-буддизма. Дзен-буддизм считает, что если ты, совершая добрые дела, рассчитываешь в ответ на дивиденды, то твои поступки не бескорыстны. Истинная нравственность заключается в том, что, поступая как тебе советует твоя совесть, ни на какую ответную благодарность или выгоду

ты не рассчитывай, не задумывайся о том, что твое благородное деяние будет оценено или хотя бы станет известно Богу.

В отличие от посулов Рая или угроз Ада в Иудаизме, Христианстве и Исламе, Буддизм предлагает другое утешение для бренной жизни Человека - идею реинкорнации. После земной смерти человек еще не раз возвращается в мир в различных ипостасях, растением, птицей, цветком. При глубоком уважении ко многим этическим и философским откровениям Буддизма, идея реинкорнации никогда не грела меня. Какое утешение от того, что я вернусь в мир в виде травы или жаворонка, если не останется память обо всех моих предыдущих существованиях. Исчезновение памяти и есть Смерть. И мне не легче от того, что ветка сирени, которая расцветает весной перед моими окнами - это и есть мое собственное перевоплощение, после более ранних проявлений в земной юдоли.

Выступая ярым антагонистом религиозных убеждений, многие светские доктрины - демократические, либеральные, социалистические, коммунистические, националистические - пытаются наполнить промежуток человеческой жизни между рождением и смертью - провозглашением якобы высоких целей - самовыражение, самоутверждение отдельного индивида, благо целого общественного класса, процветания и приоритет одной - своей! - нации. Но самые страстные порывы или искренние заблуждения, во имя этих истинных или мнимых высоких целей, не являются утешением перед Окончательным Вердиктом - Смертным Приговором. Человек приходит в мир в одиночестве (даже близнецы за исключением сиамских) и уходит из жизни в одиночестве, даже если одновременно с ним погибают сотни и тысячи людей от стихийных бедствий или в боевых столкновениях.

В течении очень многих лет меня одолевали мысли - как же так - вот моя жизнь, наполненная тысячами событий, лиц, встречами, расставаниями, привязанностями, разочарованиями, мои впечатления от стран, книг, фильмов, музыки, ситуации моей внешней жизни и сюжеты жизни внутренней, жизни души, перипетии общественного существования, фабулы взаимоотношений с друзьями и врагами, мои фантазии, воспоминания, переживания, “нечаянные радости”, потери, надежды, откровения, сожаления, тоска одиночества, боль непонимания, чудо общения, семья, близкие, дорогие мне люди - и все это в одно мгновенье может исчезнуть? Ничего не останется? Никак не верилось, не хотелось верить в это. Может быть, вера в Бога с самих ранних моих лет, тоже основывалось на этом. Если есть Бог, значит есть и другая жизнь, в которой мы все окажемся после окончания земного срока и там все объяснится. Бог объяснит нам и все то, чему мы были свидетелями в этой жизни и что не понимали, объяснит смысл нашего появления, пребывания на земле и нашего неизбежного ухода, разъяснит закономерность и справедливость того, что нам казалось несправедливым и неверным.

О вообще как же может быть - Я БЫЛ и МЕНЯ НЕ БУДЕТ?

Но однажды мне, внезапно, как в дзен-буддистском или суфийском озарении, пришла мысль, элементарная, примитивная, “простая как мычанье”- почему же нельзя представить Небытие после смерти, если ОНО уже было до рождения. Твоего рождения. Ведь все, из чего состояла твоя жизнь, все ее слагаемые, которой ты так - вразброс перечислил, всего этого не было для тебя и до твоего появления на свет. Значит, человек появляется на свет (на “свет” во многих смыслах этого слова) не только из темноты материн-

ского чрева, но и из метафизического НЕСУЩЕСТВОВАНИЯ - и туда же (естественно, не в материнское лоно, а в вечную ночь могилы) уходит. Из темноты в темноту.

И все же есть утешение. Однажды я ее нашел. Утешение в том, что надо верить в жизнь после смерти. Если она есть - прекрасно! Если же ее нет - ты об этом никогда и никак не узнаешь. Помрешь и все. Следовательно, никакого разочарования по поводу ее отсутствия не испытаешь. Не будет больно от того, что на этом все кончается. Больно может быть, пока ты жив и пытаешься убедить себя - впереди что-то есть. Но если ничего нет то ты об этом не узнаешь и потому не сможешь переживать и страдать.

Вот на чем успокоится душа.

“На чем успокоится душа”. Это карточное выражение, не помню только, его произносят во время карточной игры или гадания на картах. Во всяком случае, определенную комбинацию карт выражают именно этой фразой: На чем успокоится душа.

Об этом я узнал от своего покойного друга и переводчика Владимира Портнова. Он намеревался написать роман под таким названием. Уехал в Израиль, умер там, и я не знаю, написал ли Володя такой роман.

Неожиданным же поводом для этих заметок стали впечатления от нового спектакля театра “Ибрус” “Он и они”, который я смотрел несколько дней тому назад. Замечательный спектакль поставленный по собственной пьесе Рустамом Ибрагимбековым, с блистательными актерскими работами Фахраддина Манафова, Мехрибан Зеки, Юрия Балуева, Мелек Аббасовой...

Фахраддин Манафов и Мехрибан Зеки, на которых падает основной груз текста, играют в сугубо современной манере, но на уровне, на мой взгляд, классических мхатовских актеров.

Ассоциации с МХАТом неслучайны. Значительное место в постановке занимают отрывки из чеховского текста. Заключительный монолог Сони, обращенный к Дяде Ване, и побудил меня задуматься о проблемах, которых, хоть и в самой беглой форме, я попытался затронуть в этих заметках. И я хочу завершить свои ночные размышления чеховским текстом, словами Сони из пьесы “Дядя Ваня”: “Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживем длинный-длинный ряд дней, долгих вечеров. Будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба. Будем трудиться для других и теперь, и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и Бог сжалится над нами и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой - и отдохнем. Я верую, дядя, я верую горячо, страстно… Мы отдохнем. Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнить собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка… Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди. Мы отдохнем…”

Как хочется, вслед за Чеховым, верить во все это.

13 ноября 2011 г.

НАУКА

САМЕД ВУРГУН

Философия жизни

Как уносятся птиц вереницы,
Поколенья уходят в отлет, -
Человечество то веселится,
То отраву смертельную пьет

То в тисках, то ломая оковы,
Точно русла стареющих рек,
Изменяются снова и снова
И вселенная, и человек

Но крылит из столетья в столетье
Мысль, исполненная огня, -
И фантазия щелкает плетью,
Погоняя веками коня

Перевод Бориса Пастернака

Памятник первому Президенту Академии Наук Азербайджана Мирасадулла Миргасымову

Памятник Президенту Академии Наук Азербайджана Юсифу Мамедалиеву

Гейдар Гусейнов - "жертва" Шейха Шамиля

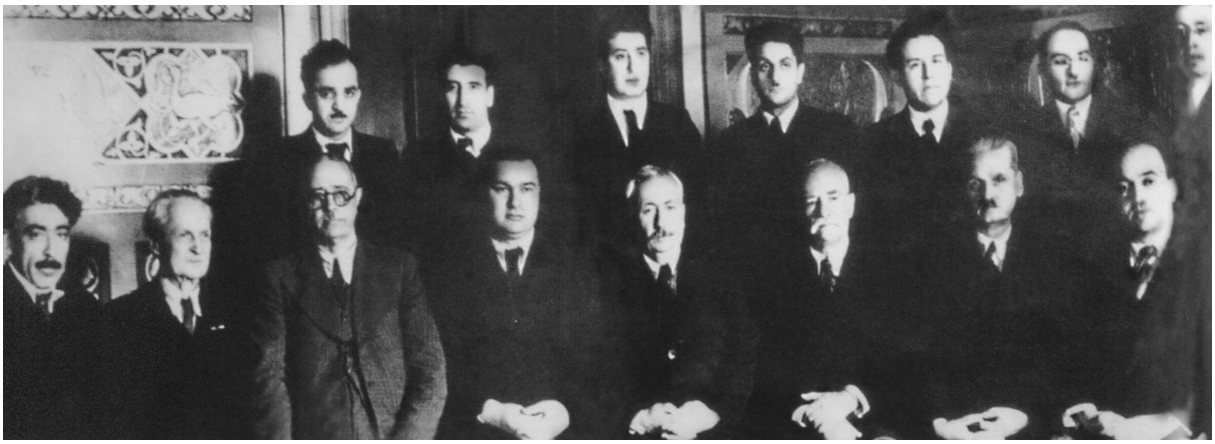
Гейдар Гусейнов

Выдающийся азербайджанский ученый, философ-марксист Гейдар Гусейнов был затравлен и вынужден был покончить жизнь самоубийством из за научно-объективной оценки роли Шейха Шамиля в истории, но его лишь условно можно считать жертвой Шамиля. Обструкция и преследования, которым подвергся ученый в последние годы своей жизни имели и другие причины, о которых будет сказано позже.

Рожденный 3 апреля 1908 года в Иреване Гейдар в десятилетнем возрасте вынужден был бежать из родного города вместе с матерью и тремя братьями, спасаясь от погромов в отношении азербайджанцев. Получив среднее и высшее образования в Баку Гейдар Гусейнов стал одним из самых эрудированных, обладающих широким научным кругозором ученых страны. Профессор, доктор наук Гейдар Гусейнов был руководителем АзФАН-а (Азербайджанского филиала Академии наук СССР). А когда была создана Академия наук Азербайджана стал одним из первых ее действительных членов и Вице Президентом. Его блестящие способности высоко оценивал партийный руководитель Азербайджана Мир Джафар Багиров. После одного из выступлений Г.Гусейнова Багиров изрек: Так это же готовый Секретарь ЦК по идеологии.

Но в одночасье все круто изменилось - из фаворита и любимчика республиканского диктатора он превратился в его врага, изгоя, человека, обреченного на уничтожение.

В наши дни, когда происходит кардинальная переоценка всех общественно-политических явлений и тенденций советского периода, Гейдара Гусейнова порой пытаются выставить, как чуть ли не антикоммуниста. Это в корне неверно. Гейдар Гусейнов был убежденным коммунистом и истинным ученым-марксистом. Сегодня это не должно служить ему укором. Гейдар Гусейнов был предан фундаментальным теоретическим основам марксистской доктрины и в то же время как патриот своего народа хотел сделать это учение доступной азербайджанцам, переводя или организовывая переводы трудов клас-



Первый состав Академии Наук Азербайджана.
Во втором ряду четвертый слева вице-президент академии Гейдар Гусейнов

сиков марксизма-ленинизма на наш язык. Независимо от того, какой деформации, искажению и прямо противоположной первоначальным целям подверглись идеи Маркса в сталинский (отчасти и в ленинский) период, само это учение достаточно серьезное явление мировой общественно-политической и философской мысли. Недаром даже такой властитель дум западной интеллигенции как французский писатель и философ Жан Поль Сартр говорил: “Я полагаю, что в каждом столетии существует одна большая тема. Темой романа, который в нашем столетии стал бы тем же, чем был “Дон Кихот” в XVI веке или “Война и мир” в XIX, может быть только одна тема - опыт осуществления социализма с 1917 года до наших дней с периодом его сталинской деформации”.

Правда, далее Сартр в этой речи, произнесенной в Праге в 1963 году, четко определяет и отделяет друг от друга теоретические принципы социализма и практику осуществления социалистических идей, имея в виду, прежде всего исторический опыт Советского Союза, хотя и не называет его прямо.

“Допустим на мгновение, что для освобождения мира обществу нужно было бы или оказалось нужным систематически прибегать ко лжи и мистификации. Общество, освобожденное с помощью таких средств, было бы уже другим обществом, чем то, которое мы себе представляли. Это было бы обществом людей, привыкшим ко лжи и мистификации, ставшими их практикой. Это общество превратилось бы в совокупность людей, полностью отчужденных. Обязанность революционного интеллектуала как раз и состоит в том, чтобы всегда сказать, как только он почувствует, что средства отклоняются от поставленной цели”.

Гейдар Гусейнов изучая, переводя, пропагандируя марксистское учение, руководствуясь им в своих исследованиях, по всей вероятности, не задумывался (как и почти все его современники - интеллектуалы) о том, какой деформации подверглось это учение в условиях сталинской диктатуры. Почувствовав эту деформацию задолго до Гейдара Гусейнова Нариман Нариманов, тем не менее, никогда не сомневался в необходимости приобщения азербайджанского общества к марксисткой доктрине. Если труды Маркса, Ленина переведены на языки всех цивилизованных стран, то они непременно должны стать достоянием и азербайджанского народа. После репрессированного и трагически

погибшего Рухуллы Ахундова за выполнение этой задачи взялся Гейдар Гусейнов. По мере того как выходили книги Маркса, Ленина, Сталина переведенные Гейдаром Гусейновым или отредактированные им на азербайджанском языке, ученый испытывал безмерную гордость. Об этом рассказывал мне мой покойный друг Араз, сын академика Мамеда Арифа. Как только выходила одна из таких книг Гейдар неизменно звонил своему другу Мамеду Арифу с радостным сообщением.

Самый важный и монументальный труд ученого “Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века” также написан на основе марксисткой методологии. Хотя это яростно оспаривал М.Дж.Багиров.

Конечно, Гейдар Гусейнов будучи страстным патриотом своего народа, и в рамках марксистской идеологии на высоком научном уровне сумел раскрыть выдающуюся роль азербайджанских просветителей и мыслителей Мирзы Казем бека, А.Бакиханова, М.Ш.Вазеха, М.Ф.Ахундова, Г.Зардаби.

Г.Гусейнов пострадал не за свои якобы антимарксистские, антикоммунистические убеждения, как это пытался представить М.Дж.Багиров, а по чисто субъективным причинам личной мстительности “хозяина” республики. За что же Багиров мстил Гейдару Гусейнову, своему недавнему протеже? По всей вероятности, Гейдар Гусейнов стал невинной жертвой напряженных, если не сказать определенно неприязненных, отношений между М.Дж.Багировым и Председателем Союза писателей СССР Александром Фадеевым. Чем была вызвана эта неприязнь я не знаю. По рассказам старших я помню, что во время пребывания в Баку Фадеева на юбилее 800-летия Низами в 1948 году, Багиров очень интересовался, почему русский писатель, склонный к алкоголю, здесь не пьет. Видимо уже тогда отношение азербайджанского руководителя настораживало Фадеева и потому он не пил, боясь провокаций. Мирза Ибрагимов рассказывал моим родителям, что на каком-то приеме Багиров вел себя в отношении Фадеева весьма постыдном образом: - Я готов целовать ваши ноги? - якобы говорил он Фадееву, - потому что вы - русский.

Банкет этот проходил в старом Интуристе, и когда Фадеев, улучив момент, вышел на балкон вместе с Самедом Вургуном и Мирзой Ибрагимовым, он, расстегнув рубашку и галстук, сказал: как вы терпите этого сатрапа? Мне не хотелось писать об этом, но думаю, что сейчас я, наверное, единственный человек, который знает (во всяком случае, слышал) об этом и я не вправе умолчать о показательных для нравов той эпохи моментах. Впрочем, и самому Фадееву приходилось, очевидно, терпеть еще не такое от более крупного диктатора в Москве.

Выступая на XIX съезде КПСС с отчетным докладом, Г.Маленков критиковал работу А.Фадеева. Вслед за ним и Багиров в своей речи подверг критике Председателя Союза писателей СССР. Выступая на утреннем заседании съезда, Фадеев сказал, что он принимает справедливую критику товарища Маленкова, но отвергает обвинения товарища Багирова. Но уже на вечернем заседании Фадеев попросил слово для справки и попросил прощение у Багирова. Можно представить, кто и как заставил его сделать это.

По свидетельству всех современников, с которыми мне удавалось беседовать, до поры до времени отношение Багирова к Гейдару Гусейнову было очень теплым. Энвер Мамедханлы рассказывал, что когда в кабинете Багирова кто-то из писателей читал свое произведение (были, оказывается и такие времена) рядом с Мирджафаром сидел Гейдар

и объяснял ему некоторые сложные слова и выражения. В очень молодом возрасте Гейдар Гусейнов был избран депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Исследователь Насиман Якублу в книге "Горестные судьбы" (1990) в главе "Шесть месяцев по пути к смерти", посвященной Гейдару Гусейнову пишет: в "Эдебиййат газети" от 5 февраля 1947 года напечатана статья Расула Рзы "Большой ученый, замечательный человек" о Гейдаре Гусейнове в связи с выдвижением его в депутаты. В статье нет никаких громких, пафосных предложений. Самыми простыми словами талантливый поэт говорить о своем друге, характеризуя его не только как крупного философа, но и как глубокого знатока литературы".

В архиве отца сохранилась копия его письма Гейдару Гусейнову: "Здравствуй Гейдар! Я - в доме писателей в Старой Рузе, недалеко от Москвы. Привез с собой "Хосров и Ширин" Низами, поэму, которую он писал в спокойные времена, когда не было ни телефонов, ни собраний. Пытаюсь переводить помаленьку. Взял с собой и твой словарь. (*Имеется ввиду азербайджанско-русский словарь, изданный под редакцией Гейдара Гусейнова, за эту работу он был удостоен Сталинской премии - А.*). Посмотрел на словарь, вспомнил тебя, решил написать письмо. Перевод доконал меня. Хочу написать несколько своих стихов, но у этого безжалостного Низами нет чувства меры. Можно представить поэму в 14 тысяч строк? Даже Джафар Хандан не пишет такого. Утешаюсь тем, что это все же очень нужная работа. Жаль что мы приступили к ней (имеется ввиду переводы Низами - А.) так поздно. Такую поэму надо переводить не в течении года, десяти месяцев, а за пять лет. Твой словарь очень помогает мне. Спасибо. Но когда не нахожу какие-то слова, начинаю нервничать. Пока.

Расул Рза
20 февраля 1940 г.

Это письмо интересно, во-первых, тем, что показывает близкие, дружеские отношения поэта и ученого. Во-вторых, оно знаменательно тем, что писалось в очень сложный период жизни Расула Рзы, когда он впал в опалу, в связи с переходом с латинской графику на кириллицу. И несмотря на то, что был снять с поста Председателя Союза писателей Азербайджана, попал в черные списки и имя его надолго исчезло со страниц печати, Расул Рза как видно из тона письма, не терял оптимизма и чувства юмора.

Багиров, резко критикуя Гейдара Гусейнова на активе интеллигенции Баку 14 июля 1950 года, утверждал, что "Гусейнов приводя в своей книге идеалистические, реакционные высказывания отдельных мыслителей Азербайджана не анализирует их с точки зрения марксизма-ленинизма, не критикует их, присоединяется к их мыслям и пропагандирует эти мысли".

Далее Багиров говорит, что "Бакиханов, будучи безусловно большим историком, в то же время был идеалистом, до конца жизни оставался правоверным мусульманином. А Гусейнов выдает его за материалиста. Мирза Казым бек, которого восхваляет Гусейнов, был ярым монархистом".

Но главной крамолой в книге Гейдара Гусейнова Багиров считал позитивное отношение автора к Шейху Шамилю. Следует отметить, что до того времени роль Шамиля в со-

ветской историографии не оценивалась отрицательно. Скорее наоборот. В средней школе я учился на учебниках истории в которых был помещен портрет Шейха Шамиля с хвалебными словами. Ортодоксальный советский писатель Петр Павленко написал панегирический роман о Шамиле. У Мехди Гусейна есть пьеса “Шейх Шамиль”. Кстати, об этой пьесе Багирову в свое время “настучал” старейший писатель М.С.Ордубади: - Мир Джафар, - обратился он “хозяину” - разве можно на нашей пьесе рубить голову русским? - Что?! - рассвирепел Багиров. Пьеса “Шейх Шамиль”, - а именно она имелось ввиду, - была запрещена. Не тогда ли зародились у Багирова мысли о Шамиле вообще. Ведь обрушившись на Гейдара Гусейнова из-за положительной оценки Шамиля и объявляя Шейха турецким шпионом Багиров одним выстрелом “убивал двух - вернее, нескольких - зайцев”. С одной стороны разоблачая вождя горцев, в течении 20 лет воевавшего с царскими войсками, он выслуживался перед Сталиным, который к этому времени стал выразителем идей великорусского шовинизма, с другой стороны, лишний раз доказывал свое негативное отношение к Турции - извечному врагу России и его правопреемника - СССР. И, наконец, третьей целью было таким вот образом насолить Фадееву, не принявшему его низкопоклонства. Дело в том, что Гейдар Гусейнов задолго до этих событий послал свою книгу Фадееву, она ему понравилась и он, как Председатель Комитета по Сталинским премиям стал инициатором присуждения этой премии азербайджанскому ученому. Это и взбесило Багирова: кто смеет без его ведома представлять на союзную премию книгу азербайджанского ученого, тем более присуждать ей премию. И пошло, поехало. Впервые в советской истории Багиров добился, что решение Комитета по Сталинским премиям, кстати, в своем окончательном варианте подписанное самим Сталиным, было отменено и Гейдар Гусейнов, соответственно был лишен премии. Но дело не завершилось этим. “У меня нет дела с Шамилем - признавался Багиров дагестанцам - у меня дело с Гейдаром”. А самому Гейдару он сказал: я уничтожу тебя так, чтобы и пыли от тебя не осталось.

Шейх Шамиль

С другой стороны подозрительный и мстительный Багиров, который когда-то сам считал Гейдара Гусейнова достойным поста и секретаря ЦК по идеологии, забеспокоился, а не зарится ли Гейдар на место самого Мир Джафара, имея за спиной мощную поддержку Москвы в лице Фадеева. Одним словом судьба молодого перспективного, яркого ученого, труд которого был высоко оценен самим академиком И.Крачковским, была решена.

Гейдар Гусейнов не только лишился своего поста в Академии, гонения обрушились и на всех тех, кто положительно отозвался о его книге - ученых и писателей Мамеда Арифа, Мирзу Ибрагимова, академика Маковельского, Мехди Гусей-

на, а Мамеда Арифа Багиров публично обозвал турецким шпионом. Араз рассказывал, что в те дни, дома собрали в чемодан его вещи, ожидая ареста каждую ночь. А на случай обыска в квартире сожгли все книги даже русских востоковедов Бартольда, Гордлевского и других, посвященных тюркологии - как же, разве это не прямое доказательство шпионской деятельности Мамеда Арифа в пользу Турции, как об этом совершенно справедливо заявил во всеуслышание товарищ Багиров? Гейдар Гусейнов до последних дней звонил Мамеду Арифу и, услышав его голос, давал отбой - убеждался, что его друг пока на свободе. Разговаривать не решался, знаю, что телефон прослушивается.

Преследования коснулись и семьи ученого (дочь не приняли в институт) и его учеников-аспирантов. Более того, был закрыт его любимое детище - Институт философии, а также философское отделение исторического факультета Университета. Прямо какой-то театр Абсурда.

Покойная дочь Гейдара Гусейнова Сара писала в эссе “Философия науки жизни и смерти”: “На печально известном собрании интеллигенции 14 июля 1950 года Мир Джафар Багиров “разоблачил” шейха Шамиля, тогда, в переполненном до отказа зале бакинской Филармонии и состоялась большевистско-гражданская “казнь” Гейдара Гусейнова. Багировым приговор был вынесен, арест и расстрел был неминуем. Но свою честь и достоинство, свою преданность науке, народу, родине 42-летнй Гейдар Гусейнов защитил иначе: он опередил палачей. 15 августа 1950 года покончил жизнь самоубийством, спасая этим и свою семью от лагерей тоталитарного режима”.

Авторы положительных отзывов на труд опального философа вынуждены были покаяться, признать свою ошибку в оценке книги Г.Гусейнова. Старейший ученый Джафар Ремзи Юзбашев, сам прошедший через ледяной ад ГУЛАГа, после возвращения на родину написал несколько писем Расулу Рзе. (Одно из его писем адресовано мне, он добрыми словами отзывается о моем выступлении по телевидению в защиту родного языка). Среди писем Джафара Ремзи, сохранившихся в архиве моего отца, одно целиком посвящено последним дням Гейдара Гусейнова. Имея ввиду, что оно представляет несомненный интерес, впервые публикую его:

“В жаркие летние дни 1950 по городу распространился слух, что известный ученый в своем кабинете вскрыл вены, но выжил. Узнал его адрес: улица Полухина 4. Поднялся на третий этаж, нажал кнопку звонка. Открылась дверь. В дверях стоял сильно взволнованный человек среднего роста с покрасневшими глазами. Дома никого не было. Он отослал семью на дачу.

- Я не хвалил Шамиля, - как бы оправдывался он, - просто привел в качестве эпиграфа слова Казем бека о нем. Вот и вся моя вина.

Он беспрерывно ходил по комнате из угла в угол.

- Интересно разрешат ли мне уехать в деревню и преподавать там. Могу ли там держать корову, баранов.

Бедный философ, вот о чем он думал. Он давал хлеб сотням людей, содержал бедных аспирантов за свой счет, все свои гонорары отдавал детским садам…теперь не знал на какие средства сможет содержать свою семью.

Я выразил недовольство тем, что мой старый друг так растерян. - Вот у Мамеда Арифа положение еще хуже, - говорил я. - Багиров объявил его турецким шпионом.

- Ты прав, - сказал Гейдар - я излишне беспокоен. Причина в том, что я не отдыхал 8 лет, и в летние месяцы оставался в городе, работал. Поэтому мои физические силы истощены и я не могу взять себя в руки. Что касается Арифа, у него Зумруд (*супруга Мамеда Арифа - А.*)

Гейдар был прав. И упоминание о Зумруд ханым было не случайным. Супруга Мамеда Арифа в то время поступила очень мудро - уговорила мужа поехать в Кисловодск. Таким образом отделила его от пропитанной ядовитыми миазмами атмосферы Баку. На Гейдара оставшегося в городе каждый день обрушивались лавины клеветы и ругани по радио, в газетах. В те дни и известный поэт Сулейман Рустам прошелся по его адресу на сессии Верховного Совета.

Спустя два дня я вновь посетил философа. Дверь долго не открывали. Когда я спросил о причине этого Гейдар сказал: - Я проверял облигации, может есть выигрыш. - Потом добавил: - Я был фанатиком. Верил, что у меня не будет трудных дней, всегда все будет хорошо. Никогда не приносил домой лишних денег, считая, что большие деньги развращают человека. Когда началась эта компания против меня, Азернешр прислал требование, чтобы я выплатил издательству довольно большую сумму. Почему? Я бесплатно, без гонорара написал книгу объемом в 20 печатных листов для Партшколы. В типографии набрали половину текста, когда разразилась эта гроза надо мной. Азернешр требовал у меня сумму за затраты по проделанной в типографии работе. В случае отказа грозили судом. Я вынужден был продать кольцо жены, чтобы отдать деньги Азернешру.

Я сказал: На каком основании суд смог бы вынести решение в пользу издательства? Ведь ты не получал за книгу даже гонорара.

- А каком суде ты говоришь? Для них закон - лишь один звонок из райкома.

Раздался телефонный звонок. Звонил секретарь райкома, приглашая его на собрание.

- Я болен, - сказал Гейдар, - очень слаб, в таком состоянии не могу придти на собрание.

В это время Гейдар с трубкой в руках упал. Случился обморок. Я позвонил во вторую поликлинику, вызвал врачей.

Я посетил его и на следующий день. Жена вернулась с дачи. Гейдар нервно ходил по комнате. Потом встал передо мной и произнес: Ремзи, скажешь, что Гейдар прожил 42 года.

Я пытался утешить его.

Через два дня я услышал, что Гейдар повесился на даче".

Насиман Ягублу, работая над главой о Гейдаре Гусейнове встретился и с его женой Тале ханым, записал ее рассказ о последних днях ученого:

"Ровно месяц он боролся со смертью. Молча лежал на кровати, уставив взор в потолок. Особенно трудно прожил последние дни. Говорил: если меня не будет, вас не станут мучить. Тогда я не сознавала значение этих слов. Их значение я поняла лишь после его страшного поступка. Оказалось, что он добровольно ушел из жизни, чтобы спасти свою семью, своих детей. Ведь он знал об участи членов семьи репрессированных в тридцатые годы".

Сару, несмотря на отлично сданные вступительные экзамены не приняли в институт. Причем с самыми циничными словами: - Тебе, дочери врага народа, буржуазного ученого - не место в советском вузе.

Значительно позже получив высшее филологическое образование Сара занималась творческим наследие своего отца. С этой глубоко интеллигентной, эрудированной де-

вушкой я совместно проработал целый год (1961) в музее Низами. Став руководителем Союза писателей я принял ее в члены Союза. Мы также восстановили исключенного из Союза Гейдара Гусейнова в нашей организации посмертно.

На похоронах Гейдара Гусейнова кроме членов семьи никакого не было. Один человек много лет спустя гордился тем, что принял участие в похоронах. Но оказалось, что он сделал это по прямому поручению КГБ, дабы выяснить, кто осмелился провожать Гейдара Гусейнова в последний путь. Об этом знала и Сара. Никого из старых друзей Гейдара на похоронах не было - ни Самеда Вургуна, ни Мирзы Ибрагимова, ни Мамеда Арифа, ни Мехди Гусейна. Как бы мне не трудно писать это - ни Расула Рзы…

Весть о суициде Гейдара Гусейнова настигла нас в Алтыагаче, где я вместе с бабушкой и тетей отдыхал летом 1950 года. Моя тетя Сура - сестра отца горько заплакала, услышав эту весть. Бабушка наказала ей: Не плачь на людях. Это навредить твоему брату.

Такие были времена, я пишу об этом прекрасно понимая, какие кривотолки могут вызвать эти признания. Но не писать об этом - не могу. Что было, то было. И я не могу осудить бабушку, перед глазами которой прошло столько трагических судеб, в том числе и близких родственников.

Осенью, когда начались занятия на первом же уроке наш учитель истории объявил нам, ученикам, каким плохим человеком был, оказывается Шейх Шамиль. Он спросил меня, именно меня, кто в Азербайджане расхваливал этого турецкого шпиона? Я ответил, что не знаю, хотя конечно знал, что имеется ввиду Гейдар Гусейнов. Я даже хорошо помнил его, он бывал у нас дома, подшучивал над моим детским генеральским одеянием, которое по причуде моемо отца, сшили в костюмерной киностудии. Учитель сказал:

- Нет, ты знаешь и скажешь.

Он хотел услышать это имя именно из моих уст, возможно, также по специальному заданию.

Я повторил, что не знаю и не скажу. Тогда учитель заявил, что поставит мне двойку. Я сказал: ставьте.

Он и поставил ее. Это был первый гражданский поступок в моей жизни. И первая двойка по истории за это. Я всегда получал по этому предмету только пятерки.

Когда я был членом комиссии по присвоению и переименованию названий улиц Баку, я предложил назвать улицу имени революционера Буйнакского именем Шейх Шамиля. Это была моя дань памяти великого борца за свободу народов Кавказа, и в то же время знак уважения к Гейдару Гусейнову

Отец всегда с тоской вспоминал Гейдара и жалел, что у него не хватило выдержки и терпения пережить трудное время.

М.Дж.Багиров хотел стереть в пыль Гейдара Гусейнова. Через шесть лет после самоубийства ученого “хозяин” республики оказался на скамье подсудимых, был осужден и расстрелян.

Когда происходят определенные события, нам порой кажется что, Бог, не дает им должную оценку. Но проходит время и история все расставляет по своим местам, каждый получает то, что заслужил. Шейх Шамиль верил в Бога. А История - это терпение Бога. Гейдар Гусейнов был атеистом. Но справедливость Бога восстановило и его доброе имя.

Август 2012 г.

Памяти достойного человека

Мамед Джафаров

Имя Мамед Джафар Джафарова стоит в одном ряду с именами таких уважаемых мною критиков, литературоведов и ученых, как Мамед Ариф, Микаил Рафили, Джафар Джафаров. Мамед Джафар муаллима я знаю еще с юношеских лет. Благодаря происхождению из литературной семьи я не раз присутствовал на заседаниях в клубе "Натаван" в Союзе писателей Азербайджана. Иногда они протекали тихо и мирно, а порой атмосфера накалялась до предела. Приятное лицо, обрамленное длинными черными волосами, тихий голос и манера обращения приковывали внимание слушателей и позволяли выступающему с трибуны Мамед Джфар муаллиму разряжать напряженность. Вместе с тем, отстаивая свои принципиальные позиции в литературных спорах, добиваясь уважения к своей точке зрения, он никогда не подавлял аудиторию агрессией и скандалом, но убеждал здравым смыслом. С его доводами можно было и не соглашаться, но к его мнению всегда прислушивались.

Мамед Джафар муаллим бывал у нас в гостях, и я не раз слышал, какие между ним и моим отцом происходили интересные разговоры. Но никогда, ни на собраниях, ни дома большой ученый не опускался до уровня завистников от литературы. Все беседы велись исключительно в рамках насущных литературных вопросов. Потом, читая его книги о Физули и Гусейне Джавиде, я понял, насколько страстно и трепетно он относился к литературе.

Мамед Джафар муаллиму были чужды ложь, стремление унизить слабого, самовосхваление и бахвальство. Великий Сабир сказал: "Не верь бьющим себя в грудь со словами: "это я", в нужный момент их не будет рядом, их словно ветром сдует". Мамед Джафар муаллим был не из таких. Он никогда не избегал трудностей, а встречал их лицом к лицу.

Во времена когда большого поэта Магомеда Хади обвиняли в махровом национализме, именно Мамед Джафар муаллим написал о нем статью "Кто тебя забудет" и поставил под ней свою подпись.

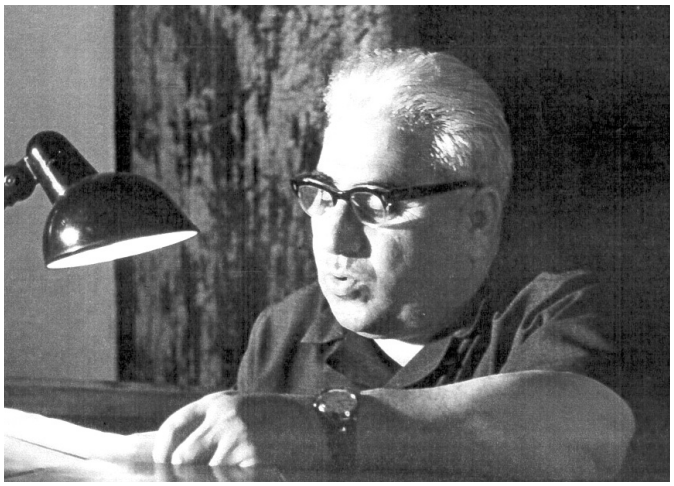
Требовалась большая храбрость для того, чтобы посвятить статью поэту, заклейменному как националист и еще большая храбрость для того, чтобы дать ей такое заглавие - строчку из стихов М.Мушфига.. Всем была известна печальная судьба Микаила Мушфига, еще одной жертвы репрессий.

Один из злобствующих критиков "обнаружил" в моих трудах несоответствие принципам советского литературоведения и именно Мамед Джафар муаллим основательными доводами защитил меня. Когда "застряло" в цензуре мое исследование под название "Мир Дэдэ Горгуда" положительный отзыв об этой работе того же Мамед Джафара сыграл решающую роль.

Навсегда останется в памяти нашего народа светлый образ Мамед Джафар муаллима - литературоведа, критика, ученого, учителя нескольких поколений, подлинного интеллигента, сыгравшего положительную роль в судьбе многих, в том числе и в моей литературной судьбе.

31 декабря 2012 г.
Перевод М.Гусейнзаде

Аббас муаллим - человек непохожий ни на кого



Аббас Заманов был видным ученым, литературоведом и текстологом, одним из опытнейших специалистов-исследователей азербайджанской литературы начала XX века, творчества Сабира и Мирзы Джалиля.

Никоим образом не приуменьшая заслуг других известных ученых, смело могу сказать, что работу выполненную Гуламом Мамедли и Аббасом Заманов-вым - каждого в своей области - можно приравнять к работе целого научного института. Гулам Мамедли, кропотливо, по крупинкам собиравший летописи и Аббас Заманов, налаживавший связи с азербайджанской интеллигенций, проживавшей в разных странах, обогативший нашей современной литературой, художественными журналами и периодической прессой библиотеки Турции. Ирана, Ирака и других стран. Они оба вели все работы самостоятельно, не дожидаясь ничьей помощи и одобрения. Изо дня в день, кропотливо и усердно, бескорыстно, невзирая на свои ограниченные материальные возможности, преклонный возраст и здоровье.

Неоценимая заслуга Аббас муаллима в создании в целом ряде турецких университетов уголков азербайджанской литературы. Я побывал в нескольких из этих университетов и при виде этих уголков, названных “Дары Аббаса Заманова” я испытал чувство глубокой благодарности к этому самоотверженному человеку.

Аббас муаллим действительно был ни на кого не похож. Он всегда и при всех обстоятельствах оставался цельной личностью. И в повседневном труде и когда с официальной трибуны отверг наглые армянские притязания на древнюю Нахчывань и предупредил о надвигающейся опасности, чем навлек на себя серьезные неприятности. С честью и достоинством вынес он и “наказание” за свою принципиальность, оставаясь по-прежнему верным и надежным другом, настоящей личностью.

Потому неудивительно, что с Гуламом Мамедли его связывала тесная дружба. Неудивительно, что в трудное время для Джафара Джафарова, нашего выдающегося критика и театроведа, он не открестился от него, оставался верным, надежным другом и опорой. После ухода из жизни Джафара Джафарова он сделал все от него зависящее, чтобы память о нем не угасла.

Еще больше их сблизила совместная деятельность в боевой газете во время Великой Отечественной войны на Крымском фронте. Я горжусь, что одним из друзей Аббас муаллима, прошедших вместе с ним через все фронтовые испытания был мой отец - Расул Рза. Эту дружбу они пронесли через всю жизнь, и когда мой отец покинул этот мир, горе Аббас муаллима было поистине беспредельным. Разве такое забывается?

В своей работе "Киши шаир", посвященной памяти Расула Рзы Аббас муаллим, раскрывая различные аспекты, связывавших их отношений, сделал несколько искренних признаний.

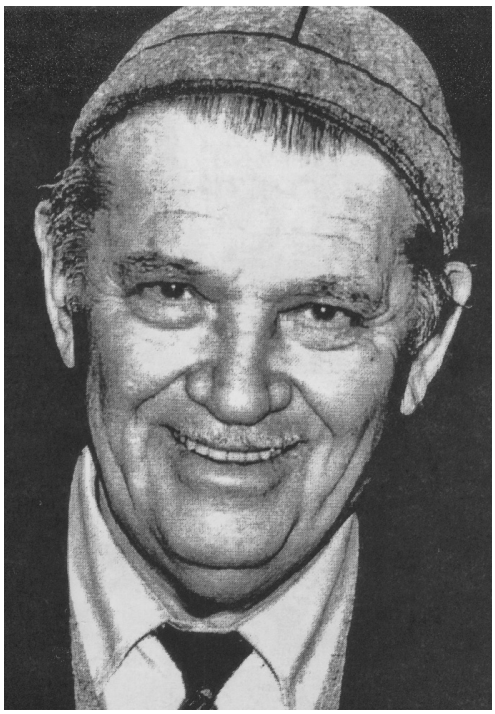
Теплоту этой дружбы я всегда ощущаю и на себе. Сердечные слова в прессе были высказаны Аббас муаллимом по поводу постановки в Шеки моей пьесы "Adamın adamı". Он поделился со мной мыслями о моем фильме "Qəm pəncərəsi" ("Окно печали"), посвященном памяти великого Мирза Джалила. Очевидно, во всем этом проявилось не только мнение, отзыв маститого специалиста, но и его отношение с нашей семьей, искренняя привязанность и родство душ. Разве я могу забыть, что на IX съезде Союза писателей Аббас муаллим встал на мою защиту, когда предатели, которых я прежде считал друзьями, всадили мне нож в спину.

В процессе работы над материалами о Мирзе Джалиле и Сабире я неизменно с благодарностью в сердце обращался к книгам, подаренным мне Аббас муаллимом. В своих поездках в зарубежные страны, представляя и пропагандируя произведения азербайджанских писателей, хоть и в меньших масштабах, но все же стараюсь продолжить прерванную на полпути безжалостной смертью светлую миссию Аббас муаллима. Когда я пишу об отце, то к известному мне из сведений и фактов, почерпнутых из воспоминаний Аббас муаллима, из его адресованных отцу писем, открываю для себя прежде неизвестное о тридцатых годах, о военной поре.

Аббас муаллим был человеком не похожим ни на кого. Для тех, кто его знал, любил, никогда его не забыть.

17 февраля 2003 г.
Перевод Эльмара ШЕЙХЗАДЕ

Звездный Зия - сияющая звезда



С древних лет слово “звезда”, понятие “звезда” не только обозначает небесные тела, но и имеет еще множество значений. Сколько звезд на изображениях государственных символов, сколько их украшают государственные флаги. Люди верят в звезды счастья, говорят “его звезда засияла” или “его звезда угасла”. А еще говорят о звездных мгновениях человечества.

Многие из значений этого слова применимы к великому ученому, гражданину, символу нашей борьбы и отваги академику Зие Буньятову. И поэтому мы с полным основанием можем именовать его “звездным Зиёй”. Во-первых, потому, что Зия муаллим с гордостью носил полученную за храбрость и мужество в кровавые годы второй мировой войны звезду Героя Советского Союза, которую не снимал и во времена великих перемен. Ибо эта звезда носила не знак какой-либо системы, строя, идеологии, а была показателем отваги и храбрости.

Зия Буньятов во время второй мировой войны

Выйдя героем из кровавых испытаний войны, Зия Буньятов мог бы прожить всю оставшуюся жизнь в свете ее сияния, в славе и почете. Однако он не пошел по этому легкому пути. Поборник науки, знаний, он, в совершенстве знавший арабский язык, поставил на прочные научные основы изучение истинной азербайджанской истории средних веков. И поэтому к нему стало вполне применимо и второе значение понятия “звезда”: “звезда истории”, “звезда востоковедения”, “звезда нашего источниковедения”.

Но гражданское мужество, интеллигентность, беспокойная совесть увлекли Зию Буньятова в новую область. Он стал неустанно собирать материалы о жертвах сталинских репрессий, выискивать остав-

шиеся в тени факты, утраченные имена, белые пятна истории. Эта работа по плечу не каждому человеку, а гражданину, доказавшему обществу свое сияние, заслужившему его уважение, и то не каждому гражданину, а именно “сияющей звезде” Зие. Именно поэтому я назвал свою статью “Звездный Зия - сияющая звезда”. Прочитав статью Зии муаллима о жертве 37-го года - Медине ханум Гиясбейли, я сказал ему, что среди жертв сталинских репрессий была еще одна интеллигентная женщина - Койлю гызы Гюлара. И если бы он нашел материалы о ней, то хорошо было бы написать и об этом человеке. Поэтому, прочитав чуть позже в журнале “Женщина Востока” статью о первом редакторе этого журнала Гюларе Койлю гызы, я поразился вниманию и исследовательскому мастерству Зии Буньятова.

Гейдар Алиев вручает Зие Буньятову Государственную премию

Зия Буньятов и Президент Узбекистана Ислам Керимов

Я знал Зию Буньятова с молодых лет, и его жизнь, его манера вести себя в обществе с юности заставляли меня преклоняться перед ним. В молодые годы, отвечая на анкету журнала “Улдуз”, на вопрос о моих творческих планах, я ответил, что хотел бы написать очерк о великом сыне нашего народа Зие Буньятове. К сожалению, до сих пор мне не удалось сделать это, хотя верю, что настанет день, когда я смогу достичь желаемого. Некоторым оправданием для столь долгой отсрочки - в целую жизнь

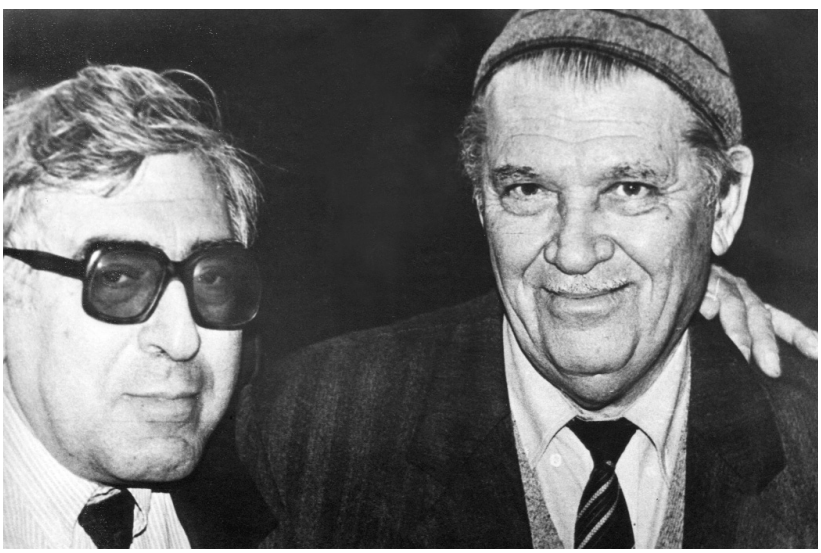
Зия Буньятов и Юсиф Самедоглы

Зия Буньятов среди членов Президиума Академии Наук

- в написании статьи о Зие Буньятове может служить то, что по моему предложению московская театровед Любовь Лебедина приехала в Баку для знакомства и написания материала о Зие Буньятове, и после долгих интервью с ученым напечатала о нем интересный очерк в журнале “Театральная жизнь”.

Я не хотел писать проходного материала о Зие муаллиме и старался подробней изучить его биографию, получше узнать его характер, чтобы написать достойную вещь.

Я наблюдал его в гостях у моего двоюродного брата, историка Октая Эфендиева, еще лучше узнал его, когда он приходил в гости к моему отцу и, наконец, впоследствии сам часто встречался с этим неповторимым человеком. В годы, когда он подвергался нападкам, я пригласил его в редакцию сборника “Гобустан”, мы поместили о нем материал, около двух часов слушали его разговоры по самым различным вопросам. Мы с ним вместе ездили в Турцию, Иран, Гекчай. На одних и тех же выборах стали депутатами Милли Меджлиса и начали дважды в неделю встречаться во время заседаний.



Зия Буньятов и Анар

Я никогда не забывал своего давнишнего желания написать о Зие Буньятове, был уверен, что однажды обязательно сделаю это. Однако человек полагает, а Бог располагает… Откуда мне было знать, что придется выступать на похоронах Зии муаллима, что мне придется писать о нем уже после его кончины… Ансухский и Зия пали жертвами террористического акта. Мы сидели рядом в задних рядах на заседаниях Милли Меджлиса: Али Ансухский, рядом с ним Зия Буньятов, за ним Юсиф Самедоглы и я… Сейчас, думая об этом зловещем ряде, я испытываю некоторый страх. Мы слишком рано потеряли Юсифа Самедоглы. И пустота, которую я каждое мгновение ощущаю от отсутствия Зии и Юсифа, касается не только этих двух мест в парламенте, но и всего Милли Меджлиса. Последний день, в который я видел Зию Буньятова в Милли Меджлисе, оказался, последним днем его жизни. За десять-пятнадцать минут до конца вечернего заседания он попросил у меня свежие газеты, просмотрел их и вернул.

Надгробный памятник Зие Буньятову

А через два часа дома я услышал о его кончине. Зия Буньятов, прошедший через все ужасы войны, бывший в первых рядах наших борцов за национальную независимость, человек, никогда не боявшийся говорить в лицо, что он думает, был подло убит руками подлых убийц из подлых намерений.

Можно утешаться мыслью о том, что историк Зия сам стал достоянием истории. В истории каждого народа имена таких людей с почетом вписываются в анналы.

Говорят, свет давно погасших звезд еще не дошел до нас. Звезда Зии Буньятова не угаснет никогда, ее сияние - свет интеллигентной звезды - свет звездного Зии всегда будет светить как знак веры и надежды азербайджанского народа.

Перевод М.Гусейнзаде

Выдающийся хирург, достойная личность

(Предисловие к книге о Мурсале Караеве)

Мурсал Караев

Есть такие фамилии, династии, которые являются не просто значимыми ячейками общества, но, быть может, его опорными колоннами. В Азербайджане одной из таких родовитых семей, знаковых фамилий является семейство и династия Караевых. Первый врач-педиатр Азербайджана, профессор Абульфаз Караев и его супруга, одна из первых наших женщин, получивших высшее образование, поэтесса Сона ханым, их сыновья - знаменитый композитор Кара Караев и известный хирург Мурсал Караев; сын Кара Караева, выдающийся композитор Фарадж Караев; двое сыновей Мурсала Караева - талантливый пианист Джахангир Караев и наш министр культуры Абульфаз Караев.

Эти имена - только одна ветвь генеалогического древа. Долгие годы занимавший пост ректора Государственного университета академик Абдулла Караев - также представитель этого рода.

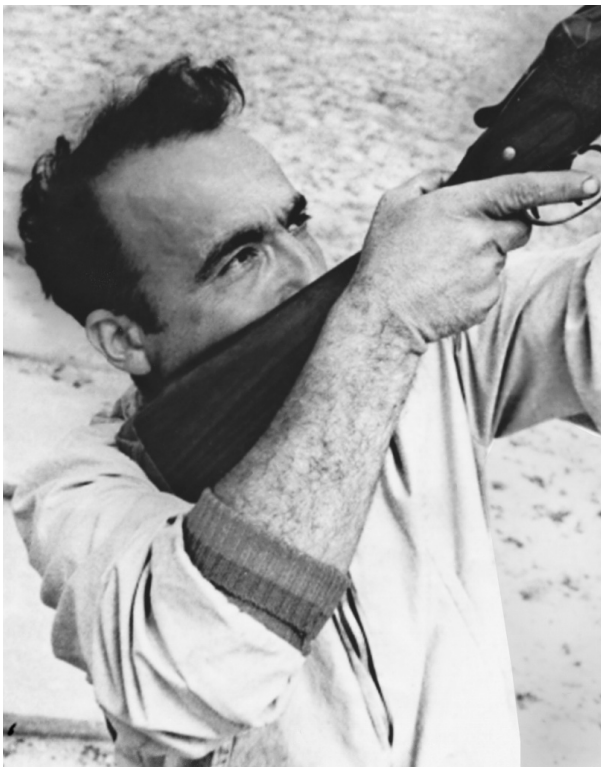
Есть и другие выдающиеся представители нашей интеллигенции, состоящий в той или иной степени в близком родстве с Караевыми, Свояк профессора Абульфаза Караева, первый президент нашей Академии Мирасадулла Миркасимов и его супруга, сестра Соны ханум, воплощение самоотверженного материнства - Джейран ханым. Их сыновья, снискавшие признание и славу на разных поприщах - в области ваяния - скульптор Мирали, в киноискусстве - Октай Миркасимов. Другой представитель этого рода - известный психиатр Агабек Султанов...

Я перечислил имена только некоторых представителей этой большой династии, большинство которых знал лично.

“Большинство” - говорю неспроста. Как это ни покажется странным, я видел и академика Миркасимова, и Джейран ханым, и профессора Абульфаза Караева. Бывая в гостях у Октая, я имел возможность вблизи наблюдать радушную хозяйку очага Джейран ханым. В пору моего детства мои родители из-за какого-то недомогания показывали меня профессору Абульфазу Караеву.

С Кара Караевым, чье творчество я обожал смолоду, мне довелось общаться, бывать в совместных поездках, неоднократно слушать его беседы с моим отцом, когда он гостил у нас в отчем доме. Мое эссе “Свет Кара Караева” было опубликовано в минувшем году в Московском музыкальном журнале. Фарадж - представитель нашего поколения, и в свое время я был свидетелем большого успеха его балета “Тени Гобустана” в Париже.

Не могу не отметить и заботливое отношение к нашей литературе и искусству со стороны Абульфаза Караева как министра культуры.



Мурсал Караев на охоте

Ознакомившись в рукописи с какой книгой, составленной нашим молодым талантливым поэтом Селимом Бабуллаоглу, и получив предложение написать предисловие к ней, я познакомился с еще одним достойным представителем этой благородной семьи - с Мурсалом Караевым.

Обстоятельства сложились так, что мне не доводилось встречаться с ним лично, ни разу не видел его. Но, по мере чтения воспоминаний разных людей, представителей самых разных профессий, друзей, родственников, коллег, перед глазами возникал образ интересной, симпатичной и незаурядной личности. Коллеги Мурсала Караева - врачи, высказывают в этой книге о нем, его профессиональном хирургическом искусстве высокие мнения и отзывы. Люди, не являющиеся медиками, но близко общавшиеся с ним, освещают разные грани и черты его характера.

Гордый, не терпящий неправедных наскоков, не изменяющий своему слову, стоящий на своем, порой даже до упорства и упрямства.

В то же время - это чуткий, общительный человек, “трудоголик”, жизнелюб, умеющий “отвести душу”, приятно провести время в дружеском кругу. Взыскательный отец, и очень ласковый с домочадцами. Кажется, воочию видишь эпизод, как маленький Мурсал бросается вплавь за уносимым разгулявшимся морем мячом, не на шутку рискуя, и возвращается с ним.

Абульфаз Караев, авторитетный врач тех времен, мог бы оградить сына от мобилизации и отправки на фронт, устроить где-нибудь в тылу... Но то, что Мурсал с первых дней

Мурсал Караев (первый справа) среди коллег

оказался на передовой линии фронта, взялся за напряженную и славную миссию военврача, остался верен своей профессии, несмотря на неоднократные тяжелые ранения - яркий пример профессионального мужества и доблести в истории нашей медицины. Именно это качество, присущее Мурсалу - мужество, боевитость - подчеркивают в воспоминаниях. Это качество проявлялось не только в боксерской внешности и, при случае, в "силовом" выяснении отношений.

Мужество было и в том, что он не чаял ничьей помощи, ничьей опеки, сталкиваясь с проблемами, подчас с произволом, стремился решить и управиться сам. Мужество было в том, что, услышав об ашхабадском землетрясении, он сразу, но зову врачебной совести, устремился на помощь терпящим бедствие людям. Мужество было в том, что в любое время дня и ночи он спешил к каждому больному, нуждающемуся в операции или в лечении, обследовании.

Сегодня, услышав о предварительном "торге" какого-то эскулапа перед неотложной операцией, мы уже не удивляемся. Но мы не должны удивляться и тому, что Мурсал Караев давал неимущим пациентам деньги из своего кармана или тому, что он с возмущением отказывался даже от скромных "даров", которые преподносились в знак благодарности, ибо таковы семейные традиции, нравственные уставы династии. Мурсал сызмала видел именно такое поведение, такое жизненное кредо своего отца Абульфаза Караева, своего родственника Миркасимова.

Когда Мурсал Караев после войны начинал свою врачебную деятельность, в Азербайджане работали такие крупнейшие светила хирургии, как Мирасадулла Миркасимов, Мустафа Топчибашев, Фуад Эфендиев, но и на этом фоне молодой Мурсал мог утвердиться и снискать имя как высокий профессионал. И слова Мустафы Топчибашева о своем коллеге, сказанные после его кончины: “Мурсал был одним из двух-трех лучших хирургов Азербайджана”, - выражали истину.

Ассоциация, сравнение которые возникали у меня в мыслях при чтении книги, возможно, покажется читателям чуть странным, может, даже надуманным.

Но так как это уподобление крепко засело в голове, не могу не высказать его. Думая о собранных в этой книге фактах жизни, поведении Мурсала Караева, в моем воображении постоянно возникал образ американского писателя Эрнеста Хемингуэя. Действительно, не странно ли, - всемирно известный писатель, Нобелевский лауреат - и представитель (при любой степени таланта) совершенно другой профессии - из Баку, Азербайджана?.. Почему же эти личности сближаются друг с другом в моем представлении. Постараюсь объяснить.

Мурсал, как и Хемингуэй, ушел добровольно на фронт, был на передовой, видел воочию все ужасы войны, был несколько раз тяжело ранен. Мало того, - и Мурсал, как Хемингуэй, несколько раз попадал в автомобильную катастрофу (Хемингуэй, помнится, в авиа...)

Оба, кроме основной профессии, имели одно и то же хобби - охоту и рыбную ловлю.

Оба были поклонниками джазовой музыки.

И, наконец, оба вступили в мир как мужчины, жили, как мужчины и покинули мир, как мужчины,

И писатель, как врач, служит людям. Творения писателя также могут отдалить человека от отчаяния, безнадежности, даже отрешить от мысли о самоубийстве. То есть, говоря проще, не дают отчаявшемуся человеку погибнуть.

Мурсал Караев за свою жизнь провел тысячи успешных операций и вернул большинство пациентов от последней роковой грани к жизни.

Не знаю, сколько людей на свете обязаны своим возрождением и жизнью Хемингуэю. Но знаю, что, по меньшей мере, тысяча людей обязаны Мурсалу Караеву возвращением к жизни.

И эта книга - малая часть нашего долга перед выдающимся хирургом и достойной личностью.

11 декабря 2004г.
Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Бескорыстное служение науке

Азиз Мирахмедов

В 1960 году я учился на последнем курсе университета и после завершения занятий вышел на дипломную практику. Теперь можно было устроиться на работу. По этому поводу я посоветовался с моим близким другом Мирали Сеидовым, который несмотря на существенную разницу в возрасте состоял в приятельских отношениях и со мной и с Аразом Дадашзаде. “Пошли к Азизу, - сразу сказал он. - Пусть возьмет тебя на работу в музей Низами”.

И мы отправились к Азизу Мирахмедову, в то время руководившему музеем Низами. Конечно, это была не первая наша встреча. Я знал Азиз муаллима и как ученого, и лично. Мирали муаллим зарекомендовал меня с самой лучшей стороны, на что Азиз-муллим сразу заявил: “Пиши заявление”.

Помню, как сейчас, он положил передо мной лист бумаги, и я впервые в жизни написал заявление. Два предложения, из которых оно состояло, прилепилось к верхнему краю бумаги, а все оставшееся пространство пустовало. “Очень странная форма заявления” - сказал он и наложил резолюцию.

Теперь мне 65 лет, я председатель Союза писателей, народный депутат, и ко мне часто обращаются с просьбами о трудоустройстве. Иной раз, несмотря на все мои старания, выполнить просьбу бывает очень трудно, и в такие моменты я вспоминаю Азиз-муллима, легкость, с которой он тогда принял меня на работу. Ведь не понадобилось никаких дополнительных усилий или протекций.

Музей Низами отмечен в моей трудовой книжке как первое место работы. Я проработал там один год, но он запомнился как прекрасное время моей жизни.

Создание в музее подлинной научной и творческой атмосферы, достойное представление нашей истории литературы, безусловно заслуга руководства музея, Азиза Мирахмедова.. и еще в мою бытность там, заменившего его на этой должности Гамида Араслы. (Азиз муаллим перешел на ответственную должность в Центральный Комитет).

Азиз Мирахмедов автор целого ряда серьезных и фундаментальных книг, о двух великих мастерах М.А.Сабире и М.Д.Мамедкулизаде, стоявших у колыбели нашей литературы XX века, и могу сказать, заложивших фундамент всей нашей современной про-

зы и поэзии. Наравне с М.Ф.Ахундзаде, Г.Зардаби, я отношусь к Сабиру и Мирзе Джалилу с особой привязанностью. Конечно, это не означает, что творчество Физули я люблю меньше. Строки его произведений задевают самые тонкие струны моей души. Но именно Мирза Фатали, Зардаби, Сабир и Мирза Джалил приходят ко мне на помощь в осознании окружающего мира, когда над моим народом нависает угроза и противоречия раздирают общество, в котором я существую. Разделяя свою тревогу и беспокойство с этими великими учителями, я писал в разных жанрах. И когда я пишу о них, то после трудов самих этих гениев, среди самой полезной литературы, я обращаюсь к исследованиям, комментариям, подготовленным Азизом Мирахмедовым.

Его исследования литературы, истории прессы разных времен, достойных личностей, издание произведений классиков, данные им разъяснения, комментарии, редактирование, литературоведческие словари, сотни ценных статей - труд всей жизни Азиза Мирахмедова, положенной во имя сохранения и приумножения наших духовных и культурных богатств. Казалось бы этого вполне достаточно, чтобы не год, два назад, а гораздо раньше ему стать действительным членом Академии Наук. Однако, неизбрание Академией в последних выборах такого ученого, как Азиз муаллим, наглядно продемонстрировало, что в некоторых случаях не важно, какие научные труды стоят за выдвигаемым кандидатом, а выбор обусловливается совсем иными соображениями.

Мое знакомство с Азиз муаллимом не исчерпывается лишь книгами и статьями. Наши беседы, совместная поездка на дни Сабира в Шемаху, внутренне обогатили меня, я многое узнал от Азиз муллима.

Я пригласил Азиз муаллима на премьеру своей пьесы “Sizi deyib gəlmişəm” (“С думой о вас”), где впервые были выведены на сцену образы Мирзы Джалила и Сабира. Мнение такого крупного специалиста было для меня важным. Вскоре на страницах газеты “Правда” я прочел положительную рецензию Азиз муаллима на спектакль.

У нас с Азиз муаллимом есть и одна общая работа. Правда, она еще не завершена. Директор издательства “Азербайджан” Назим Ибрагимов после издания “Энциклопедии Узеира Гаджибекова” намеревается выпустить еще одну ценную книгу: “Энциклопедию Джалила Мамедкулизаде”. Научный советник и редактор этой энциклопедии Азиз Мирахмедов успел завершить и сдать свою важную работу в последние месяцы своей жизни.

Сейчас я пишу для этой энциклопедии Вступительное слово, и перед моими глазами вместе со светлыми образами Мирзы Джалила и его друзей Мирзы Алекпер Сабира, Омара Фаика Неманзаде стоит и образ Азиз муаллима, человека, прожившего славную жизнь для того, чтобы память об этих ярчайших личностях не забывалась никогда, человека верой и правдой служившего науке. Служившего бескорыстно.

31 декабря 2002 г.
Перевод Эльмара ШЕЙХЗАДЕ

,

Памяти сына Абдуллы Шаига

Кямал Талыбзаде

Ученый литературовед и исследователь по призванию Кямал Талыбзаде был одним из заметных представителей азербайджанской научной интеллигенции.

Кямал муаллим вырос в семье выдающегося классика нашей литературы Абдуллы Шаига. Я не сторонник утверждения, что дети писателей обязательно должны стать писателями. Но в то же время это не означает и обратного что они никогда и ни при каких обстоятельствах не должны заниматься литературой. Рождение и воспитание Кямал муаллима в семье Абдуллы Шаига определили его судьбу, направили его интересы и пристрастия к литературе, литературоведению.

Знания об Аббас Сиххате и Мирзе Алекпере Сабире Кямал муаллим черпал не только из литературных источников, книг, но и из отцовских разговоров. Абдулла Шаиг был современником Сабира, Сиххата, Хади, Алибека Гусейнзаде, Джавида. Со многими из них, в частности с Гусейном Джавидом он тесно дружил, с другими деятелями той далекой эпохи был близко знаком. Его беседы о былом, воспоминания обо всех давно почивших современниках, живые наблюдения о разных эпохах, в которых ему довелось прожить многое дали сыну, историку литературы.

В эпоху Азербайджанской Демократической Республики, Шаиг со всей силой своего романтического вдохновения воспевал идеалы независимости, свободы, тюркского братства. Чудом выжив в годы сталинских репрессий, он стал писать в основном для детей. Может это и спасло его. Но уже в годы перестройки и гласности Кямал впервые опубликовал несколько крамольных стихов своего отца, написанных “в стол” в советские годы и выяснилось, что за внешней лояльностью к режиму (Абдуллу Шаига избрали даже депутатом Верховного Совета СССР) в душе он никак не мог примириться с бесчеловечной сутью советской действительности.

Этот тихий, скромный, тщедушный человек был способен и на смелый поступок, Поверив, по всей вероятности, провокационному слуху, что Гусейн Джавид возвращается

с ссылки, он направился на вокзал встречать своего друга, вызвав этим ярость и гнев М.Дж.Багирова. Этот эпизод я отразил в фильме “Жизнь Джавида”.

Когда я вывел на сцене образы М.Дж.Мамедкулизаде и Сабира в пьесе “С думой о вас” Кямал муаллим написал благожелательную рецензию на спектакль. Но еще больше удовлетворили меня его слова, сказанные о моем эссе “Мир Деде Горгуда”. Вскоре после опубликования этой работы в журнале “Азербайджан” я встретил Кямал муаллима на улице, он поздравил меня и сказал слова, которые были очень важны для меня: “Когда я читал твой текст, - сказал он, - я вспоминал рассказы своего отца, будто вернулся в эпоху молодости Абдуллы Шаига”.

Для меня это было самой высокой оценкой моей работы.

В свое время на меня произвел большое впечатление монументальный труд Кямала Талыбзаде, посвященный истории азербайджанской критики. Я отметил ее в статье, опубликованной в московском журнале “Дружба народов”. Кямал муаллим был благодарен за это. Среди других ценных научных исследований академика К.Талыбзаде, книга по истории нашей критики, мне представляется самым важной и значительной.

И хотя по требованиям того времени в этой работе Кямал муаллим весьма критически отзывается о взглядах Алибека Гусейнзаде и других националистически, пантюркистки настроенных мыслителей, цитаты которые он приводит из их высказываний, сами по себе были откровением для нас, для представителей нашего поколения.

От своего отца Кямал муаллим унаследовал почтение к национальным духовным ценностям, стремление к просветительству. С другой стороны будучи учеником таких корифеев литературоведения как Мамед Ариф, Мамед Джафар Джафаров, он сам стал учителем для новых поколений литературоведов и критиков.

Я храню память об этом мягком, добром, сдержанном человеке, серьезном ученом, сделавшим так много для нашей культуры.

Перевод Эльмара Шейхзаде

Спокойствие на сотню лет, или история - терпение бога

Октай Эфендиев

Доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Азербайджанской Академии Наук, заведующий отделом "Истории средних веков" Института истории имени А.Бакиханова Октай Абдулкерим оглы Эфендиев мой двоюродный брат. Както я сказал ему:

- По крайней мере, за сто лет нашей истории я спокоен, так как знаю, что именно ты пишешь историю XVI века, причем пишешь ее честно, без прикрас.

Первый слева Дед Октая Мирза Ибрагим Мамедханлы (отец Расула Рзы и матери Октая Кюбры ханум) с друзьями

Я сказал это не потому, что люблю Октая, который старше меня на двенадцать лет, не потому что я с детства относился к нему как к старшему брату. Я сказал это потому, что всегда знал его как гражданина, интеллигента, как серьезного ученого, со всей обстоятельностью относящегося к науке. Знал, что нет таких конъюнктурных соображений, нет таких "заказов", ради которых Октай мог бы подделать какие-либо исторические факты, поддаться "ложному патриотизму", во имя

каких-либо концепций изменить исторические факты. Прекрасно зная несколько языков, Октай постоянно обращается к первоисточникам, так как его единственной целью является добыть истину, правду, которую они таят в себе. И когда он называл основанное Шахом Исмаилом Хатаи государство Сефевидов Азербайджанским государством, он делал это вовсе не из некоего патриотического порыва, а основываясь на исто-

Октай и его сестра Гидрие с родителями Абдулкеримом и Кюброй ханум Эфендиевыми

Расул Рза, Тюркан и Октай Эфендиев

рической справедливости, на исторических свидетельствах. Именно так назвал он с полным правом свою книгу, и научная общественность приняла результаты его серьезных исследований.

Благодаря своему научному потенциалу, Октай Эфендиев был лично или заочно, через книги знаком с выдающимися востоковедами Петрушеским и Минорским, Фаруком Сумером и Заходером, с Зейтаби и Абдулькеримом Ализаде, состоял с ними в научных связях, их отношения формировались на основе совместных размышлений. В то же время это проистекало из научной совести, точности исследователя, из объективного отношения к фактам, и одновременно из воспитания, полученного в семье, из духовных корней семьи и рода, из которого он происходил. Отец Октая Абдулкерим, будучи из рода азербайджанских интеллигентов, в свое время окончил Горийскую семинарию, был выдающимся просветителем, педагогом, двоюродным братом нашего несчастного поэта Абдуллы Фаруга. Смерть в 1934 году избавила Абдулкерима от сталинских репрессий. Это не просто проходные красивые сло-

Октай Эфендиев, Тюрхан Гянджеи (Лондон), Ирен Меликоф (Страсбург), Солех Алиев (Москва) в Лондоне 1987 г.

ва, в следственных документах 37-го года упоминается и его имя. Об этом можно прочитать в очень ценной книге нашего покойного академика Зии Буньятова “Красный террор”, в которой он раскрывает истинные лица многих людей. Кто может обвинить людей, которые, не выдержав моральных издевательств и физических мучений давали ложные сведения? Лишь наследники тех, кто, говорил неправду, дабы избавиться от мук, выйти сухими из воды... Вот и не выдержав таких мук, вынужден был оклеветать себя и других наш великий ученый Бекир Чобанзаде. В своих показаниях он говорит: “В 1930 году мы создали контрреволюционную националистическую группу, Я был ее руководителем”.

И в составе этой якобы существовавшей группы, многие из которых были тогда же уничтожены, Бекир Чобанзаде назвал и имя Абдулкерима Эфендиева. Старшая сестра отца, моя тетя Кюбра в свои двадцать семь лет остается вдовой с двумя детьми на руках - 12-летней Гадрией и 8-летним Октаем. В восемнадцать лет Гадрия умирает от тяжелой болезни, и боль этой утраты до конца жизни преследовала мою тетю.

В ее письме, написанном отцу в Дом отдыха в 1966 году, то есть спустя много лет после утраты, она пишет:

“Расул, старайся там много не работать, не утомляйся, твое творчество никуда от тебя не денется, береги свое здоровье. На днях читала твою поэму, посвященную Нарима-

нову, в ней есть примерно такая мысль, что сиротой остается не только ребенок, потерявший родителей, но и мать, потерявшая ребенка. Прочитав эти строки, я долго плакала. Ладно, надо заканчивать письмо, а то опять расплачусь, и огорчу тебя тоже. Извини, что письмо получилось таким. Крепко целую. Дади. 14 января 1966 года".

(Тетю Кюбру мы все, в том числе и мои родители называли Дади. Позже это слово я встретил в "Книге моего Деде Горгуда").

Когда я писал эту статью, Октай принес мне письмо, которое хранил в своем личном архиве. Это было письмо в стихотворной форме, которое мой отец написал из Дома отдыха маленькой дочке Октая - Вефа. Сейчас Вефа уже сама мать, она стала художницей, живет с мужем на Северном Кипре, преподает. А тогда она была совсем крошкой, и, естественно, Расул Рза отвечал на письмо, которое от ее имени написали взрослые. В этом стихотворном письме упоминается и бедная скончавшаяся Гадрие. Вот отрывок из него;

Мой чертенок, моя верная Вефа,
Сегодня вечером я получил твое письмо.
Ты позабыла о своем дяде,
А сама еще ворчишь при этом, сердишься.
Но я на тебя не обижаюсь, что бы ты ни говорила,
Ты утешение нашей милой Дади.
Всякий раз, видя тебя, любимую девочку,
Я вспоминаю другую, несчастную,
И потому я не могу
Долго смотреть на тебя, мой цветочек.
История жизни полна печалей,
Кто же вернет прошедшие дни?
Кажется, мое письмо получилось очень печальным,
Вижу, у Дади вновь слезы на глазах.
Довольно, смейся, играй, учись говорить,
Пусть каждый год твой станет лучше прежнего.

Кюбра ханум была врачом по образованию, долгие годы лечила людей, в детстве она училась в Тифлисе в Лицее Святой Нины. Помню, она рассказывала, как в годы ее учебы лицей посетил сам Николай П. "Нас заранее предупредили за несколько дней, сказали, чтобы не обращались к императору ни с какими просьбами, не передавали ему никаких писем, прошений. Однако, несмотря на это предупреждение, едва царь вошел в лицей, наша одноклассница, еврейка подошла к нему и протянула письмо, Я уж не знаю, что было в этом письме, исполнил император ее просьбу или нет".

Моя тетя получила замечательное образование в лицее Святой Нины, кроме родного языка, она прекрасно знала русский, а также французский. Я не знаю, насколько она выучила французский, однако, по рассказам, временами беседовала на французском со своим дядей Мухаммедгусейном Рзаевым. В годы войны я помню тетю в военной форме, она работала в госпиталях в различных районах, а после войны занимала ответст-

Октай Эфендиев

венную должность в министерстве здравоохранения, была главврачом детской больницы имени Н.Наримановa. Когда кто-то из наших детей временами болел, мы тут же бежали к нашей любимой Дади. Это женщину высокой культуры, всегда аккуратную, ласковую, благородную мы потеряли через год после смерти моих родителей.

Дади любила не только своего единственного брата Расула, но и его жену Нигяр ханум, и, конечно, эта любовь была взаимной. Поэтому Октай с детства рос как член нашей семьи. Он не раз говорил, что рано потерял отца, поэтому относится к Расулу не только как к дяде, но и как к отцу.

В детстве наша разница в возрасте ощущалась отчетливей. Октай водил меня в кино, читал мне книги, увлекательно рассказывал мне об истории, географии и, астрономии. С возрастом отношения старшего и младшего перешли в крепкую дружбу, мы делились с ним своими горестями и радостями.

Слева Сабир Рустамханлы, Анар, Зия Буньятов, Октай Эфендиев и др.

В 1993 году, когда я два семестра читал лекции по истории азербайджанской литературы в Стамбульском университете Мемара Синана, Октай с супругой Тюркан тоже работали в Стамбуле. Какой бы родной и близкой страной ни была бы Турция, тем не менее и мы, и семья Октая ощущали ностальгию по родине. То, что мы в эти трудные минуты были рядом, поддерживали друг друга, помогло нам преодолевать тоску. Я постарался передать наши ощущения в повести “Комната в отеле” и посвятил ее Октаю Эфендиеву.

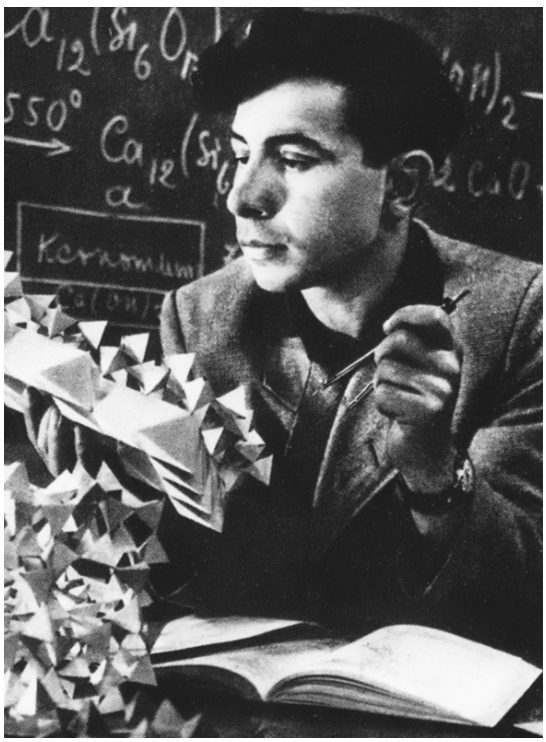
Октай рассказывал, что в 40-е годы НКВД старался привлчь его к согрудничеству. Но он под разными предлогами отказывался от сотрудничества, и это грозное учреждение не забыло его безразличия к их предложениям. Это отмечено и в книге Зии Буньятова “Красный террор”. В 1948 году была “разоблачена” очередная “антисоветская”, “контрреволюционная”, “националистическая” студенческая организация, тогда к ним попытались присоединить и Октая. 23 и 24 декабря следователи выбивали из подследственных данные о причастности к ним Октая Эфендиева. Однако арестованные Гюльгусейн Гусейноглу, Исмихан Рагимов, Гаджи Зейналов и другие повели себя мужественно и не сдали чекистам невиновного человека. За это я с почтением вспоминаю уже покойных, и выражаю Гюльгусейн муаллиму глубокую благодарность. Из такой же несчастной семьи происходит и супруга Октая, известный языковед, доктор филологических наук, профессор Тюркан ханум, ибо ее отец Алиашраф Гаджиев тоже пал жертвой этих репрессий.

Я хочу здесь повторить мысль, которую уже не раз высказывал: история - это терпение Бога. Есть люди, занятые честным трудом, старающиеся принести пользу народу, родине, науке, культуре, но есть люди, следящие за каждым их шагом, прислушивающиеся к каждому их слову, старающиеся очернить каждое их дело. Люди с черными душами, совершающие мерзости, на протяжении всей истории противостоят людям светлым, стараются оклеветать их, замарать их чистые имена, и временами на какой-то срок им это удается. Но время проходит и Божье терпение - история возвращает все по своим местам. Каждый занимает то место, которого достоин, клеветник и предатель, враг занимает место врага, лгун - место лгуна, а достойные люди становятся на свои места.

Так было и в XVI веке, исследованию которого посвятил свою жизнь Октаи Эфенди ев, так же и в XX, XXI веках, в которые Октай живет.

525-я газета, 19 ноября 2006 г.
Перевод М.Гусейнзаде

Два крыла



Худу Мамедов

Они всегда были вместе - поэт Бахтияр Багабзаде, ученый геолог Худу Мамедов, хирург Нуреддин Рза. Их часто можно было видеть на приморском бульваре в вечерние часы при хорошей погоде. В непогоду они могли часами сидеть и беседовать в каком-нибудь кафе за чашкой чая или бокалом шампанского.

“Бахтияр, Худу и я можно сказать, что были неразлучны. Если были в Баку, то встречались или перезванивались каждый день. Если кто-то из нас или все трое были в разных местах - в командировках, на отдыхе, опять же непременно связывались друг с другом по телефону. Бывали вместе в Шеки, Агдаме, Нальчике, Москве. В книгах, которые читал каждый из нас, отмечались места интересные для двух остальных. Сохраняли друг для друга любопытные вырезки из газет и журналов. Встречаясь и беседуя с кем то, просматривая фильмы, знакомясь с теле- или радио передачами мы обязательно делились своими впечатлениями друг с другом. И с приятными впечатлениями и неприятными. Вместе проехали тысячи километров по дорогам между городами Баку, Гянджа, Гедебек, Шеки, Агдам, между районными центрами и селениями. И не насыщались беседами, обсуждениями, дискуссиями между собой, не уставали от долгих дорог”

Это пишет хирург Нуреддин Рза, переживший двух своих друзей в книге “Ключ Худу”, посвященной почившему другу.

Нуреддин Рза блестящий хирург, обладал к тому же несомненным литературным дарованием. Он автор книг, посвященных вопросам литературы и искусства. В его литературных трудах ощущается страстная влюбленность в искусство Слова. В изящном стиле, с хорошим вкусом обращается он к истории нашей поэзии.

Он так же пересказал на современном азербайджанском языке бессмертную поэму “Лейли и Меджнун” Физули, написанную несколько усложненным языком средневековья.

В возрасте 70 лет Нуреддин муаллим стал членом Союза писателей. Мы в шутку называли его “молодым писателем”.

Его книга, посвященная покойному другу, незабвенному Худу Мамедову является настоящим ключом к понимаю богатейших внутренних миров как геолога, так и самого хирурга. Выразительным пером обладал и сам Худу Мамедов, автор книги “Два крыла”. Название этой книги я заимствовал и для этого эссе. “Двумя крыльями” для Худу муаллима были наука и искусство.

Это выражение применимо ко всем трем друзьям. Бахтияр Вагабзаде - выдающийся поэт, драматург, был в то же время ученым-литературоведом, действительным членом Академии Наук Азербайджана, видным общественным деятелем. Нуреддин Рза доктор наук, профессор, руководитель крупного медицинского Центра экспериментальной хирургии, как уже говорилось, обладал незаурядным литературным дарованием. Худу Мамедов по своим интересам был поистине ренессансной личностью - геолог-кристаллограф, доктор наук, профессор, член корреспондент Академии Наук, он так же был блестящим знатоком классической и современной литературы, мугамов, изобразительных искусств, в частности орнаментов. К тому же прекрасно рисовал, составлял архитектурные проекты, по которым строились здания. Стихи, в традиционной форме баяты, которые выходили из под его пера, он считал своим хобби, но на самом деле эти баяты (к сожалению их всего несколько) - являются подлинными жемчужинами поэзии.

Пусть этот крепость останется нашей
Пусть всегда будет нашей.
Я построил ее, не для того, чтобы остаться самому,
А для того, чтобы остался мой след (на земле)

Худу Мамедов выступает на вечере альманаха “Гобустан”.
Слева: Бахтияр Вагабзаде, Джабир Сафаров, Анар, Фикрет Годжа, Тофиг Магеррамоглы

Нуреддин Рзаев, Худу Мамедов, Бахияр Вагабзаде

Это баяты поет изумительный ханенде Гаджибаба Гусейнов в композиции “Баяты-Шираз” Вагифа Мустафазаде.

Другое баяты Худу Мамедова:

Да будет мне в помощь рука моя,
Да будет мне в помощь народ мой.
Если я стану обузой для кого то
Да будет в помощь мне Смерть моя.

Подстрочный перевод

Что объединяло этих людей? Некоторые удивлялись - каким образом подружились люди совершенно разных профессий, причем из разных районов?

Бахтияр Вагабзаде - шекинец, Нуреддин Рза из Гедабека, Худу Мамедов - карабахец, уроженец села Мерзили Агдамского района. Задающим такие вопросы было видимо невдомек, что людей разных профессий из разных регионов - может объединять нечто более существенное - духовность, богатство внутреннего мира, страстная любовь к литературе, искусству.

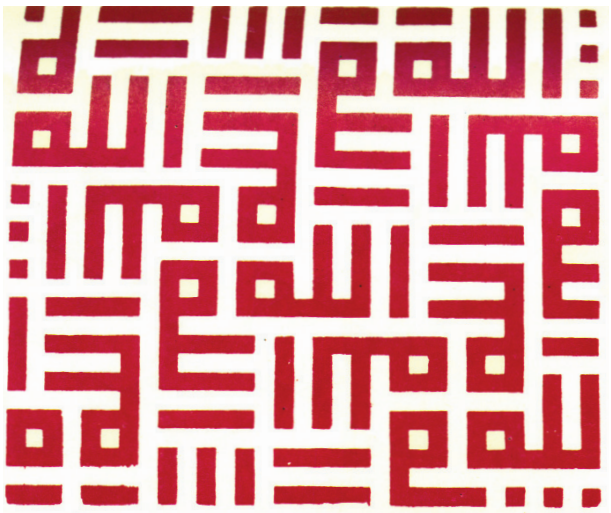
Они обменивались мнениями не только о прочитанных новинках литературы или заново, новыми глазами перечитанных произведениях классиков, не только об увиденных спектаклях, фильмах, они часто собирались в домах друг друга и слушали музыку - мугамы, ашугское исполнение, творения профессиональных композиторов от Баха, Бетховена до Узеира Гаджибейли, Фикрета Амирова.

Когда я думаю об их интеллектуальных общениях, я вспоминаю традиционные литературно-музыкальные меджлиси XIX века в Шуше и Баку, Шеки и Шемахе, Нахчевани и Губе. И члены этих меджлисов собирались для того чтобы послушать стихи и исполнение мугамов. Но, во первых те меджлиси были более многочисленными, и, во-вторых, они носили чисто эстетический характер. Не думаю, что современная троица собиралась лишь для эстетического удовлетворения. Все трое обладая четко выраженной гражданской позицией не могли обходить в своих беседах и обсуждениях острые проблемы общественно-политической жизни страны и республики.

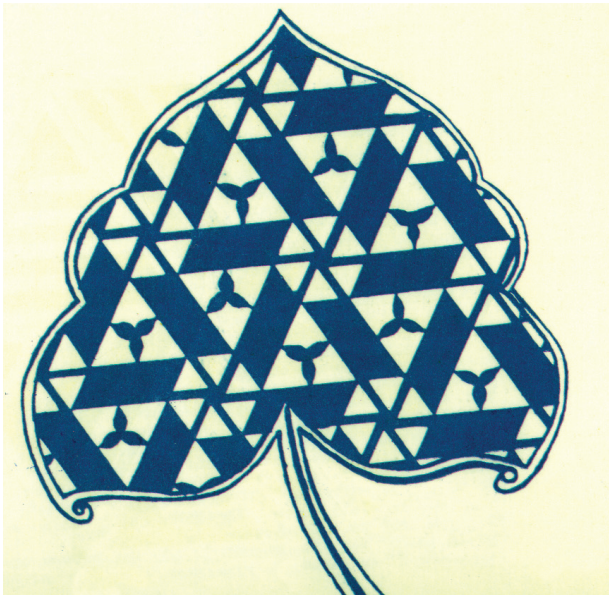
Кроме того, в затхлой атмосфере официальных советских мероприятий и рутинных собраний, неформальное, искренне дружеское общение было некой отдушиной, помогавшей им сохранить свою индивидуальность, удовлетворить свои интеллектуальные запросы.

С началом массового народного движения Бахтияр Вагабзаде оказался на гребне волны. Активное участие в протестных акциях принимал Нуреддин Рза. А Худу Мамедов, вступив в спор с не в меру ретивыми радикалами, поплатился за это жизнью. Острый сер-

дечный приступ и скоропостижная смерть настигла его в квартире-музее горячо любимого им композитора Узеира Гаджибейли. Там проходила какая-та встреча, на которой Худу муаллим тщетно пытался утихомирить разбушевавшихся и нетерпеливых “бунтарей”, готовых крушить все и вся.

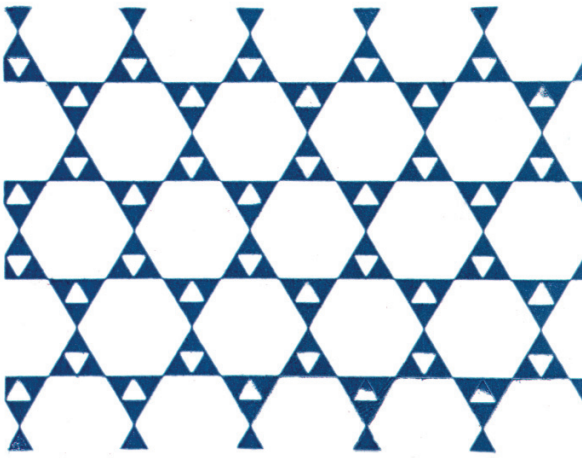


Он погиб в самые напряженные дни противостояния властей и народных масс и были даже опасения, что беспорядки произойдут на его похоронах. Я помню, как во второй Аллее Почетного захоронения к Бахтияру Вагабзаде подошел Абульфаз Алиев (Эльчибей) и успокоил его, что никаких эксцессов не допустят.



Худу муаллимом я познакомился в редакции альманаха “Гобустан”. Мне сказали, что у него есть интересная статья о связи природных кристаллов с нашими национальными орнаментами. Он хотел опубликовать эту работу в нашем альманахе. Я, естественно, очень обрадовался этому и пригласил его в редакцию. Беседы Худу муаллима в продолжении нескольких часов произвели на меня огромное впечатление. Меня поразила ясность ума, четкость логических построений, убедительность доводов, с которыми он излагал свои мысли. То, что до этой встречи мне казалось не очень убедительным - а именно, связь природных кристаллов с рукотворными орнаментами, нашло свое ясное и четкое объяснение. Самыми простыми словами Худу муаллим объяснял, что в основе природных явлении и орнаментов, созданных человеком лежит принцип целесообразности, соразмерности, логической разумности. Недаром выдающийся английский ученый Джон Бернал обратив внимание на поиски Худу Мамедова в этой области, признался, что азербайджанский ученый решил задачу, над которой бились многие, он создал мост между живой и неорганичной природой.

После публикации этой статьи Худу муаллим стал одним из самых активных доброжелателей нашего альманаха. Он, вместе с Бахтияром Вагабзаде, принял участие и на презентации альманаха в Доме Актера. Оба выступили весьма благожелательно в отношении альманаха. Напомню, это было время, когда “Гобустан” подвергался критике и давлениям со всех сторон. Поддержка известного поэта и выдающегося ученого были очень своевременны.



Не могу обойти и один момент, когда наши позиции с Худу муаллимом не совпали в принципе. В одном интервью Худу Мамедов заявил, что не считает сатирические жанры, комедию важными и нужными явлениями литературы. В этих жанрах, по его мнению, не могут быть созданы значительные произведения искусства. “Недостатками и пороками в жизни должны заниматься правоохранительные органы, а не писатели”, - утверждал ученый.

Не ручаюсь за точность приводимых слов (их сейчас нет у меня под рукой)но смысл их был именно таков и такими же эти мысли приводятся в книге Нуреддина Рзы.

В это время был опубликован мой цикл сатирических рассказов “Молла Насреддин 66” и закончена комедия “Свой человек”, которая столкнулась с цензурными препонами. Поэтому я слова Худу муаллима принял близко к сердцу и в одном из интервью, опубликованным в журнале “Азербайджан” выразил свое несогласие с глубоко уважаемым мной ученым. “Таким же образом, - говорил я, - можно сказать, что литература не должна обращаться к темам любви, поскольку удачной любовью занимаются органы ЗАГСа, а неудачной судебные органы”.

Конечно, я знал, что в своем интервью Худу муаллим отнюдь не имел в виду мои опусы, но, откровенно говоря, мне было непонятно такое его отношение к сатире. Ведь я знал и то, что Худу Мамедов является страстным поклонником Сабира и Джалиля Мамедкулизаде. Я уж не говорю, что ему не могли быть неизвестны шедевры мировой литературы, созданные в сатирическом жанре - от Аристофана, Мольера, Бомарше, до Грибоедова, Гоголя, Салтыкова Щедрина.

Однажды посетив отца в больнице, я узнал, что здесь же лечится Худу муаллим. Мы с отцом зашли в его палату. Вспомнив какой-то вопиющий случай из нашей действительности, Худу муаллим обратился ко мне: видимо, вы правы, мы еще долго будем нуждаться в сатирической литературе.

Эта была наша последняя встреча.

Светлая, многогранная личность Худу Мамедова, его бесценное научное наследие, его гражданское служение родному народу, его истории, культуре и языком которого он восхищался, - являются ярким примером и блестящим образцом для многих последующих поколений.

Август 2012 г.

Элитарный ученый - Тофик Алиев

Тофик Алиев

В период первого нефтяного бума на Апшероне в конце XIX - начале XX веков все ученые, от Менделеева до Губкина также сделали в этой области выдающиеся открытия. Начиная со второго десятилетия прошлого века и в последующие периоды появились и видные азербайджанские ученые, которые провели геологические изыскания на суше и море, сделали открытия в области технологии бурения, добычи нефти, нефтехимии и по другим специальностям, так или иначе связанных с черным золотом. Можно назвать академиков Юсифа Мамедалиева, Муртуза Нагиева, трижды лауреата Сталинской премии Эйюба Тагиева, дважды лауреатов Сталинской премии Ахада Ягубова, Юсифа Сафарова, лауреата Ленинской премии Фармана Салманова и еще многих других, прославивших науку, связанную с нефтью. В их числе стоит и академик, дважды лауреат Государственной премии СССР Тофик Мамед оглу Алиев, выдающийся ученый в области внедрения компьютеризации в нефтяную промышленность, автор современнейших научных изысканий в области информационных расчетов, разработки автоматизированных систем.

В 1993 году, в памяти уже скончавшегося к тому времени Тофика Алиева, была издана книга “Жизнь, посвященная науке”. В ней были собраны воспоминания о Тофике Алиеве - его азербайджанских и зарубежных коллег, - аспирантов, студентов, близко знавших его деятелей литературы, искусства. Когда читаешь эти искренне написанные строки, перед глазами во всем своем величии встает светлый образ покойного.

Я был лично знаком с Тофик муаллимом, поэтому к прочитанному прибавлялись и мои личные впечатления. Я был знаком со средним братом Тофика муаллима, живущим и работающим в Москве Салехом Алиевым и высоко ценил его работы. Супруга Тофика муаллима, интеллигентнейшая Аида ханум Тагизаде училась в консерватории вместе с моей свояченицей Эльмирой Сафаровой, с которой они были близкими подругами. Не менее близки Аида ханым с моей женой Земфирой ханым. Земфира в свое время была научным руководителем дочери Аиды ханум - Нигяр, а Аида ханым руководила работой нашей невестки Севиндж.

Тофик Алиев с супругой, музыковедом Аидой Тагизаде

Я знал, что Тофик муаллим - гянджинец. И когда мысленно перелистываешь книгу воспоминаний о нем, то такие названия как Аджикенд, Хачбулаг, для меня оказываются связанными с местами, где проходила молодость моей мамы. Мамина семья тоже отдыхала в этих местах, вдыхая аромат пестрых цветов, или наблюдая, как говорят гянджинцы за мгновениями когда “розы начинают раскрывать бутоны”.

Во многих источниках указывается, что мой предок Алиакпер бек Рафибейли, когда у самого не было возможности, учил бедных детей на средства своих богатых друзей. Из книги о Тофик муаллиме я узнал, что его дед со стороны матери - купец Гаджи Алиакпер помог многим молодым гянджинцам выучиться в Петербурге, Москве. А, может, два этих Алиакпера из Гянджи были знакомы, подумал я, и помощь в образовании молодым гянджинцам было их богоугодным делом.

Мы с Тофик муаллимом часто встречались, общались. Он отличался всегда улыбчивым лицом, добрым словом, широкой эрудицией, в том числе и в области литературы, привлекая внимание своей простотой, излучал, как говорится, положительную ауру.

Московский журналист Н.Н.Кузнецов в своей статье о Тофик муаллиме, включенной в книгу, пишет:

“Он был столь очарователен, внимателен, тонок, что с ним нельзя было сравнить никаких европейцев, выпускников Кембриджей и Оксфордов, никаких слушателей лекций в Сорбонне. Он был аристократом не только внешне, но и в душе”.

Есть пока принимаемая с трудом область науки - физиогномистика, то есть определение человеческих качеств по лицу человека. Не станем рассуждать о том, насколько правы адепты этой науки, но не зря ведь говорят “его лицо источает сияние”, ибо лицо Тофик муаллима воистину сияло. Если о богатстве его внутреннего мира было трудно судить по одному только лицу, то5 во всяком случае, три основных признака читались на нем отчетливо: Аристократизм, Благородство, Доброта, Все эти качества - в рассказах о нем как об ученом, педагоге, ректоре, интеллигенте - нашли свое отражение в книге. И поэтому Тофика Алиева можно назвать воистину элитарным ученым.

В последнее время стало модным говорить об элите. Что такое элита? Прежде чем искать ответ на этот вопрос обратимся к другому не менее модному нынче словечку VIP, что на английском языке означает Very Important Person, то есть Очень Значительная Персона. Раньше VIP- залы были в аэропортах, на вокзалах. Теперь же эти три буквы можно увидеть и на магазинах, в ресторанах и других, тому подобных объектах. Я останавливаюсь здесь на этом потому, что очень часто VIP воспринимается как элитарное. А это в корне неверно. Любой высокопоставленный человек является VIP и может пользо-

ваться залами VIP, но не каждая такая персона, пусть даже очень значительная, может считаться элитой. Конечно, среди VIP -ов тоже встречаются люди, относящиеся к элите, но есть и наоборот. Как бы там ни было, два этих понятия отличаются друг от друга. Человек, уволенный с высокой должности, уже не входит в число VIP. Элита же - понятие вечное, и не зависит от занимаемого положения.

Попросту говоря - элита это сливки нации. То есть носители духовных, научных, культурных, политических, философских, вечных ценностей народа, и если некий человек является верным продолжателем этого пути, то он может считаться национальной ценностью. Понятие элита не вмещается в сегодняшние конъюнктурно-политические позиции, элитарная личность объединяет в себе честное исполнение своих трудовых обязанностей с духовной чистотой, как бы это не было трудно, какое бы давление со стороны он ни испытывал, он не меняет своих взглядов и интересов.

По воспоминаниям, Тофик муаллиму тоже пришлось преодолеть этот период. В 1992 году на многих руководителей предприятий, организаций, институтов оказывалось давление, предпринимались попытки увольнения их с занимаемых должностей, чтобы поставить на эти должности людей случайных, ничего не умеющих, проявляющих энтузиазм лишь на митингах. В те годы на имя ректора Тофика Алиева тоже поступали оскорбительные письма, угрозы, в его кабинет врывались вооруженные молодчики, высказывая свои абсурдные требования. И поэтому понятной становится скоропостижная смерть этого большого ученого в 1993 году.

Тофик Алиев знал, чего он стоит, знал собственные заслуги, но никогда не кичился ими, всегда держался аристократично, достойно, был приветлив, мягок, но в то же время обладал железной волей, был человеком несгибаемым, в высшей степени элитарным ученым, настоящим интеллигентом...

Перевод М. Гусейнзаде

Памяти Тофика Исмайлова

Тофик Исмайлов

Вот и год прошел. В тот роковой день 20 ноября 1991 года в небе многострадального Карабаха с невиданной жестокостью и изощренным коварством был уничтожен вертолет. В результате этого до сих пор нера-скрытого преступления погибли люди, большинство из которых я знал лично; со многими был связан многолетней дружбой, и самым близким другом моим среди них был Тофик Исмайлов.

Бывают друзья детства, друзья юности, друзья на какой-то короткий или относительно длинный период жизни. Бывают, конечно, и друзья на всю жизнь. Тофик был моим другом зрелых лет, когда становишься особенно привередливым в выборе товарищей. Мы стали друзьями в последние, самые трудные, самые мучительные годы и нашей жизни, и жизни нашего города, и эти годы помимо всего прочего, можно назвать и порой испытаний, временем четкого разграничения слов и поступков, верности и вероломства. Мы стали друзьями в том возрасте, когда друзей, в основном теряют. Теряют, а не приобретают.

Я тоже веду горький счет потерь, в том числе и потерь друзей. Одни умерли, увы, так рано, так преждевременно, другие уехали, так сказать, с концами, далеко-далеко, третьи предали, тихо, незаметно, “скромно”, если можно так выразиться о предательстве.

И на этом крутом изломе жизни судьба одарила меня поздней и такой трагически недолгой дружбой - дружбой с Тофиком.

Что я знал о Тофике Исмайлове до 1989 года? Что это крупный ученый, так и обойденный нашей Академией наук, которая не удостоила его чести принять его в свои ряды. Это человек интеллигентный, вежливый, с которым при встречах мы обменивались парой теплых слов или просто доброжелательно улыбались друг другу.

Как-то в Союзе писателей Азербайджана мы организовали “круглый стол”, посвященный проблемам Каспия, кажется, это было осенью 1987 года. Были приглашены публицисты из Москвы, наши азербайджанские писатели, журналисты, ученые, и в их числе Тофик Исмайлов, руководитель Института космических исследований “Каспий”.

Меня поразило его выступление, яркое, компетентное не будучи специалистом по экологии Каспия, он знал эти проблемы глубоко и досконально.

Наверное, и этого было бы достаточно, чтобы его гибель в вертолете я воспринял как большую потерю нашего общества, нашей науки. Но отношения, связавшие нас в тягостную пору союзного депутатства, стали настолько важным элементом моего духовного существования, что его смерть явилась для меня огромным горем, ничем невосполнимой утратой. Не было, наверное, дня в течение прошедшего года, чтобы я не вспоминал о Тофике, не ощущал бы так горько и бесповоротно его небытие, его отсутствие в те судьбоносные моменты нашей общественно-политической жизни, когда, если бы он жил, многое могло бы сложиться иначе. Но судьба, как и история, не знает сослагательного наклонения. Она не уберегла Тофика в мрачные дни от чувства сострадания к народу, к которому он принадлежал, чьим горем горевал. Горевал по-мужски и по-настоящему, а не напоказ. Сердце Тофика разрывалось от ужасов январской ночи 90-го года, но ему не суждено было пережить боль Ходжалы, узнать о трагедии Шушы. Может, это прозвучит кощунственно, но порой мне кажется, что мертвые в чем-то счастливее живых, ибо не ведают обо всех последовавших после их смерти горестях, да и непереносимую печаль по их собственной гибели переживают не они сами, а те, кто их провожает в последний путь.

Слева: Анар, Эльдар Салаев, Микаил Назаров, Тофик Исмайлов, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев

За годы депутатства я узнал Тофика Исмайлова не только как надежного друга, но и как уникальную личность, воплощающую, на мой взгляд, лучшие черты национального характера - ум и эмоциональность, твердость в убеждениях, подвижническое служение избранному делу, бескорыстие и бесстрашие, упорство и волю и, при всем этом, удивительную деликатность, скромность, отказ от всяческого выпячивания собственной роли, отзывчивость на чужую боль, широту души, рыцарское благородство. Жизнелюб и сибарит, он был человеком жесткой дисциплины в работе. Человек с глубоким внутренним миром, напряженной духовной жизнью, он был легким и светски обаятельным в общении, простым и доступным для всех. Он любил людей, но не декларативно, а реально, с необыкновенной щедростью делился богатством своей необыкновенной души, по первому зову готов был помочь всем, кто в его помощи нуждался. Скольким людям помог он и по работе, и по сложным зигзагам судьбы, и в сложных политических коллизиях, и в элементарных бытовых вопросах. Скольким помог подняться на ноги, скольких выручил, скольким буквально спас жизнь в прямом, а не в переносном смысле слова. Обращаясь к нему, люди знали, что Тофик сделает все, что в его силах и еще сверх этих сил. Своими бесконечными депутатскими запросами, записками, обращениями, письмами, упорными телефонными переговорами, непосредственными контактами, неутомимым посещением высоких кабинетов, в которых он с железной настойчивостью добивался поставленных целей. Но дело даже не в этих индивидуальных, частных добрых поступках, которые кстати, как бы ни пытались их принизить, тоже очень важны - ведь речь-то идет о чело-веческих судьбах. Еще важнее то, что Тофик Исмайлов сделал в качестве депутата для своего народа, для своей республики. Причем никогда и ни от кого не ждал благодарности. И это вполне естественно. Он ведь справедливо полагал, что всего лишь честно выполняет свой долг азербайджанца, интеллигента, гражданина, депутата. И не только не рассчитывал на признательность, но и на простое признание, сделанного им, не надеялся. Помню, как-то после особенно бурной деятельности в парламенте - острых дебатов, соответствующих резких демаршей, изнурительных переговоров в высоких инстанциях, нам удалось предотвратить трагический для нашего народа ход событий, а Тофик был мотором всех этих действий, как вообще был душой и мозгом нашего депутатского корпуса, он с легкой шутливостью, в которой, однако, сквозила столь же легкая грустинка, рассказывал мне, как поехал в Баку и на одной из многолюдных встреч в накаленной аудитории желторотый юнец напрямик спросил его: - А что вы собственно сделали дня нашего народа? Обидно было не только проявление столь нагло-дремучего невежества со стороны оболваненною истерическими речами юноши.

Обидно было, то, что такие настроения и по отношению к Тофику, да и к другим депутатам - Вели Мамедову, Вагифу Джафарову (я называю только погибших) нагнетались людьми, которые были прекрасно осведомлены в том, ЧТО делали азербайджанские депутаты для азербайджанского народа.

В течение всех этих лет я неизменно подчеркивал значение того народного движения, которое выплеснулось на площади Баку и клокотало бурным праведным гневом. Именно эта яростная и бескомпромиссная стихия придавала силы нашему депутатскому корпусу, обеспечивала весомость его словам, требованиям, предложениям. Пусть же кто-

нибудь из митинговых ораторов (я называю так без всякого желания принизить их действительные заслуги), так вот, пусть кто-нибудь найдет в себе достаточную приверженность к справедливости и громогласно провозгласит истину: передовые позиции политических баталий тех лет все же проходили в стенах Союзного парламента перед равнодушной, безразличной, порой даже неприязненно настроенной, а иногда и явно враждебной аудиторией Верховного Совета и отстаивать интересы Азербайджана там было куда сложней, чем произносить речи перед соотечественниками в Баку, аплодирующими именно тем словам, которые они жаждали услышать.

Я бы не стал сейчас затрагивать этот болезненный и для меня лично вопрос, если постоянно ноющая, как зубная боль, совесть не восставала бы против забвения заслуг тех, кто в этой борьбе отдал, в конечном итоге, самое ценное - собственную жизнь.

И в эти дни, когда отмечается годовщина начала ноябрьских митингов 1988 года (хотя и митинги-то начались гораздо раньше - в феврале 1988-го года), как всенародный праздник Возрождения (что само по себе справедливо и отрадно), и законно отмечая заслуги тех, кто пламенно выступал на Площади, забывают тех, кто доносил голос Азербайджана с самой высокой трибуны страны, которая когда-то называлась СССР. И часто этот голос был гласом вопиющего в пустыне. Но эти голоса, а самым громким был голос Тофика Исмайлова, - звучали и звучали, и к ним стали прислушиваться. Потому и уважали Тофика люди самых разных политических убеждений. Потому и боялись его враги, Боялись его острого ума, воли, логики, напора. Боялись правды, которую он нес.

На одном из заседаний Верховного Совета Тофик стоял в очереди у микрофона. Позади него стояла Лидия Арутюнян - депутат Армении. Они были знакомы не только по парламенту, как непримиримые оппоненты, но и по совместной поездке в США в составе депутатской группы. Тофик Исмайлов был к тому же еще и безупречным джентльменом, и когда Л.Арутюнян попросила его: “Тофик Кязимович, уступите мне свое место в очереди”, - он галантно пропустил ее вперед. Заполучив микрофон, Л.Арутюнян попросила председательствующего не давать слова депутату Тофику Исмайлову.

Тофик громко рассмеялся. (И все же получил слово).

Этот эпизод многое говорит мне. И о национальном характере вообще, и о характере Тофика Исмайлова в частности.

Серьезный ученый и активный депутат, хороший семьянин и верный товарищ - таким был, таким остался в моей памяти Тофик Исмайлов.

И еще для меня он - один из первых Национальных героев независимой Азербайджанской Республики. И не столь существенно, оформлено это указом или нет.

“Вышка” 21 ноября 1992 г.

Вспоминая Вели Мамедова

Вели Мамедов

Сегодня, при мысли о незабвенном друге моем Вели Мамедове, первое, что всплывает у меня на памяти, - две его проницательные фразы. Когда только-только раскручивался вопрос о Нагорном Карабахе, он как-то сказал мне: “Впредь, сколько нам отпущено жизни, до конца дней нам придется заниматься карабахской проблемой”.

Когда у нашего выдающегося ученого, доблестного гражданина Худу Мамедова произошел разрыв сердца, не выдержавшего карабахской боли, Вели отозвался: “У нас на этом пути еще будет множество жертв”.

Оба предсказания его сбылись. И он до конца жизни сражался в первых рядах борьбы за Карабах и сам пал жертвой этой борьбы.

Я знал его издавна. Несмотря на разницу в возрасте, у нас сложились доверительные отношения, и мы общались с обоюдным пониманием.

Отзывы о нем от третьих лиц подогревали мой интерес и симпатии к Вели. Слышал я, что еще в те времена, находясь в США, он осмелился встречаться там с эмигрантами-азербайджанцами. Это был шаг, который не мог остаться безнаказанным при тогдашней политической погоде. Особенно, для партийного работника. Но, хотя, Вели смолоду очень деятельно участвовал в делах комсомольских и партийных, он прежде всегда был азербайджанским патриотом, интеллигентом, азербайджанским ученым-исследователем.

И как исследователь, проявлял большой интерес к личности Наримана Нариманова - со времен, когда имя Нариманова было под запретом, он тайком переписывал в архивах Баку, Тбилиси трагические по сути письма Нариманова Ленину, Сталину, Троцкому и выносил копии украдкой под рубашкой.

Патриотизм Вели проявлялся не в пламенных речах, громогласных заявлениях, пылких инвективах, а в конкретных практических делах. Ему удалось добиться в пору работы секретарем Бакинского горкома партии по идеологии ведения всей документации, официальной переписки на азербайджанском языке. “Однажды я даже написал по-азер-

Вели Мамедов, Хураман Аббасова, Шейх-уль-Ислам Аллахшюкюр Пашазаде на съезде Народных депутатов

байджански письмо, отправленное второму секретарю ЦК Елистратову, - рассказывал он со смехом. - Ну. ты совсем перегнул палку, - говорили мне".

Такие эпизоды сейчас кажутся смешными, нелепыми. Уж, казалось бы, не ахти какая доблесть - вести официальную переписку на азербайджанском языке в республике, где этот язык, по Конституции, объявлен государственным. Это с сегодняшней "колокольни". Не нужно объяснять, сколь был труден, сколь тяжелейшими последствиями был чреват подобный шаг для людей, живших и дышавших в моральном климате тех лет. Люди видели, пережили те времена, хлебнули лиха. А тем, кто не видел, не знал, не пережил, - трудно объяснить.

Наше знакомство, добрые отношения с Вели позднее переросли в дружбу. В 1989 году мы оба были избраны народным депутатами СССР, а на Первом всесоюзном съезде народных депутатов - членами Верховного Совета СССР. Среди членов ВС, представлявших Азербайджан, я был более близок с Тофиком Исмайловым и Вели Мамедовым. Почти после каждого заседания мы собирались в номере гостиницы "Москва", где проживали, либо у меня, либо у Тофика или Вели, советовались, определяли программу действий и работы. Хотя я участвовал и выступал на пленарных заседаниях, у меня не было охоты ходить на собрания комиссий, депутатских групп. А Вели не пропускал ни одного собрания, встречи, где бы мог почерпнуть какую-либо информацию. В его маленьком гостиничном номере набирался ворох газет, журналов, писем, заявлений, справочников. Он посвящал нас в важнейшие новости, сообщения, отзывы, анализы.

Вели был человеком твердых убеждений. Он вырос и формировался в рядах комсомола и партии, и потому искренне верил в идеалы советского общества. При этом он не

Вели Мамедов у себя в комнате

был узколобым догматиком, и ясно видел, как его идеалы искажаются, превратно воплощаются в реальной жизни, как правят бал демагоги, творящие низкопробные дела под высокопарной риторикой. Он все глубже и точнее осознавал перевешивание крайностей, ошибочных перехлестов, однобокого радикализма в господствующей идеологии, - особенно в свете обнародованных в последние годы многих секретных документов и фактов. Осознавал, но не мог отрешиться, выкинуть из сердца идеи, в которые верил, которым присягал и бескорыстно служил всю жизнь. Я расцениваю это не как слабость Вели Мамедова, а как его целостность, правдивость и чистоту. Если ты искренне веровал в ложные кумиры, то не просто одним махом перечеркнуть кредо, которое декларировал на протяжении жизни. Если ты во имя этих убеждений трудился, не щадя себя, не использовал их, как многие другие, ради своего блага и корысти, этот духовный перелом грызет тебя изнутри. В этом отношении по сравнению со многими партфункционерами Вели был, может, редкостной, исключительной личностью. Для него смена убеждений не была делом легким, как смена одежды. Прослужив многие годы на ключевых, "доходных" партийных постах, трудясь в поте лица своего, не щадя себя, он не нажил ничего для себя, до конца дней прожил в лишениях и долгах. Уродливый парадокс морали общества, в котором мы обитали, заключался в том, что жившие припеваючи на неблагоприобретенные средства и в ус не дули, а мыкавшиеся на скудную зарплату чувствовали себя изгоями. Над теми, кто не горазд набивать себе карманы, смеются, изгаляются, иронизируют над их "недотепством", беспомощностью, "неумением стричь купоны". Для успешных приспособленцев Вели был "странным человеком", существом вроде "чудака" Назыма Хикмета. Но он не мог, не умел быть другим.

Коммунисты никак не могут ужиться с идеалистами. Вели был идеалистом, если можно так выразиться, "коммунистом-идеалистом".

Его великим и неизменным идейным ориентиром был азербайджанский патриотизм. На этом поприще он был готов трудиться на любом месте - от высоких ответственных постов до самых рядовых должностей. Этим убеждением он жил и сражался - в Карабахе, под градом пуль и смертоносной опасностью, не "пиаря" свою самоотверженность, не рекламируя свою отвагу, и не ставя себя в пример остальным. Ему и в голову не приходило говорить: "Вот я какой удалец, будьте и вы такими..." Это было не в его натуре, характере.

Он прожил жизнь чистую, честную, бескорыстную.

Он пал смертью храбрых, как целостная, отважная личность.

Да святится могила твоя, Вели.

29 марта 1992 г.

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Превратившие землю в родину

После трагедии 20 января 1990 года на наш народ обрушилась еще одна скорбная дата - 20 ноября 1991 года.

Что же за времена, о, Господи, когда звучащая по телевидению классическая музыка еще более напрягает наши и без того напряженные нервы, а наши сердца трепещут в предчувствии новой печальной вести. Вечером 20 ноября, когда вместо обычной программы новостей по телевизору зазвучала симфоническая музыка, сердце мое дрогнуло в предчувствии новой беды. Я был болен, лежал, спросить было не у кого. Позвонил двоюродному брату, полковнику милиции Акифу Рафиеву. Его жена с тревогой сказала:

- Акиф в Карабахе, мы так беспокоимся. Говорят, там снова была перестрелка.

Кому еще позвонить? Наверное, Тофик Исмайлов что-то знает. Я снял трубку. Но словно кто-то сказал мне: “Не звони, он, наверное, еще на работе. Возвращается домой поздно. Если до десяти часов что-то не прояснится, тогда можно будет звонить. Раньше его дома не будет”.

Ты больше никогда не вернешься домой, Тофик, ни в десять, ни в одиннадцать, ни сегодня, ни завтра, никогда не обрадуешь свою семью ласковой улыбкой, не будешь втайне гордиться своим сыном Гейдаром, которого любишь больше жизни.

Тофик, дорогой, мой друг, мой брат. Если бы мы потеряли тебя еще три года назад, я тогда бы переживал, страдал бы по утрате только ученого, интеллигентного, умного сына моего народа.

Однако я узнал тебя еще больше за эти три года. За это время ты стал мне настолько родным, столь близким, незаменимым другом, я так привык, что в самые трудные времена мы стояли с тобой плечом к плечу, настолько мне стали необходимы твои мудрые советы, точные политические прогнозы, да и просто человеческое общение, что теперь твое отсутствие для меня равно потере самого близкого человека. Лишь немногие знают отвагу, проявленную тобой в последние годы, жертвы, принесенные тобой во имя родины, твою смелость и твою несгибаемость. Но, быть может, только мы, твои коллеги по депутатскому корпусу, видели какую тяжкую, мучительную и опасную, мало кому заметную борьбу вел ты. На заседаниях Верховного Совета, на Съезде ты сажал своих оппонентов логичными, яркими выступлениями, ораторским искусством, гражданской позицией, и в кулуарах, в личных встречах, во множестве писем, опросов, обращений, в самых высоких кабинетах ты держался достойно, выдержанно, принципиально. И все это было как сражение, которое вел за родину мужественный солдат, умелый полководец.

Твои заслуги в отражении множества бед, которые могли обрушиться на голову моего народа, бесценны. Немногие знают, что тебе довелось пережить за эти годы, Тофик. И ты отдал последний свой долг нашему Карабаху, принеся себя в жертву на родной зем-

ле. Говорят, место героя в раю. Ты всегда будешь жить в душе своих друзей, своего народа, как самоотверженный герой, достойный райской обители, брат мой.

Дорогой мой Вели! Вся черновая работа, которую ты вел в Верховном Совете - твоя деятельность на заседаниях парламента, в комиссиях, то, что все необходимые актуальные или исторические документы, решения и законы всегда оказывались у тебя под рукой, и ты мастерски использовал их, как самое надежное оружие - все это у тебя с далекой юности литературоведа, с тех лет, когда именно ты разыскал и переписал от руки, написанные с болью в сердце и надолго скрытые письма Нариманова, которые ты выносил из архива тайком, спрятав под рубашкой.

Ты долгие годы работал на партийной работе, однако не перечеркнул всю эту работу, отказавшись от своего прошлого, в угоду политической конъюнктуре. Потому что не был конъюнктурщиком, а был человеком убеждений. Пусть вера оказалась ложной, но убежденность в ней может быть искренней. Ты не набивал себе карманы на высоких партийных должностях, не был среди тех, кто в свое время наживался за счет партии, а потом, когда времена переменились, завоевывали себе популярность, клеймя ее. Ты работал во многих местах, были времена, когда сидел без работы, когда сменял сферу своей деятельности. А в Карабахе ты ушел не с работы, а из жизни.

Дорогой мой Вагиф! На первом Съезде Народных депутатов вместо тебя пытались просунуть мерзавца Зория Балаяна. Ты должен был выступать. Мы переживали, насколько хорошо сможешь выступить ты на русском языке и как это повлияет на решение Съезда по твоей кандидатуре. Лишь ты был спокоен. “Не беспокойтесь, - говорил ты. - Я выступлю так, как надо и меня изберут”.

Тофик Исмайлов, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, Исмет Гаибов, Анар

Так все и вышло. Потому что ты говорил правду, на твоей стороне была справедливость, и твоя победа над соперником была победой истины.

Именно ты успокаивал нас в самые трудные минуты: “Я пришел оттуда, я в курсе всего, все будет хорошо, - говорил ты. - За Карабах будьте спокойны. Мы обязательно победим в этом конфликте”.

Мамед, Исмет, Зульфи, Курбан - дорогие мои соотечественники, сколько воспоминаний о каждом из вас, хранится в моем сердце, я помню каждый день, час наших встреч в Баку, Москве, Шуше, Сумгаите, Агдаше... Помню наши веселые беседы, помню и серьезный, горький обмен мыслями... Последняя весть о вас пришла из линии огня, из Карабаха, который вы хотели защитить и обустроить... Светлая память о вас навсегда сохранится в моем сердце.

Осман, Рафик - сверстники моих юношеских лет, люди, с которыми я делил хлеб-соль, с которыми был рядом в горе и радости, с которыми делился своими печалями. Как страшно в один день, в короткой телевизионной программе услышать, что потерял стольких близких людей, друзей, знакомых...

Игорь, еще один товарищ моих юных лет. Я вспоминаю тот далекий и незабываемый семинар творческой молодежи, который ты с Зауром Рустамзаде организовали в Загульбе, и как мы все были в то время молоды, и как всем нам тогда было хорошо вместе, и сколько светлых надежд было в наших душах. Как страстно спорили мы о подъеме культуры нашей родины - Азербайджана. Моей и твоей родины, Игорь. Ты родился на этой земле, жил, любил, работал, этой родине с сыновней верностью служил и отдал за нее самое дорогое - свою жизнь. И пусть память о тебе станет символом единства всех граждан Азербайджана разных национальностей, преданных этой земле и по праву считающих ее своей родиной.

Мой юный друг Али! Выходя после каждого закрытого заседания Верховного Совета, куда не допускалась пресса, первое, что я видел, были твои, полные тревоги глаза, первое, что я слышал, был твой нетерпеливый вопрос: “Ну как? Не поднимался вопрос, касающийся нас”.

И ты, и Фахреддин, и твой коллега, осветитель Ариф до последней минуты с честью исполнили свой гражданский и профессиональный долг. И высшей оценкой вашего труда можно считать то, что расстрелявшие ваш вертолет бандиты, желая скрыть следы своего преступления, похитили и увезли отснятый вами материал. Как же они боялись истины, заснятой вами!

Я склоняю голову перед вашей светлой памятью. Да упокоит Аллах ваши души.

Я склоняю голову перед памятью миротворцев, прибывших в Карабах, перед памятью солдат, возвращающихся отсюда в гробах, перед памятью работников органов правопорядка, перед представителями России и Казахстана, перед летчиками, ведшими тот вертолет.

И вечны слова, которые в эти дни повторяет каждый: ЗЕМЛЯ, ЗА КОТОРУЮ ЛЮДИ СЛОЖИЛИ ГОЛОВУ - РОДИНА.

Перевод Мирзы ГУСЕЙНЗАДЕ

Физик и лирик в одном лице

Анар и Фарамаз Магсудов в Измире

Фарамаз Максудов - один из наших видных ученых, его достижения в научной деятельности неоднократно высоко оценивались авторитетными специалистами, удостаивались многих высших премий и титулов. Но так как я еще со школьных лет раз и навсегда отмахнулся от бремени математических и физических премудростей, то, естественно, не решаюсь высказывать мнение об успешных свершениях Фарамаз муаллима на этом поприще. Я могу говорить лишь об одном качестве Фарамаз муаллима, - его великой любви, интересу к нашей поэзии, вообще, к нашей литературе, фольклору, о его беседах на эту тему, чему я бывал свидетелем неоднократно.

Фарамаз муаллим - истинный обожатель поэзии. Неспроста подчеркиваю - истинный. Использую здесь этот эпитет в двух значениях. Фарамаз муаллим истинный любитель поэзии, то есть его любовь, очарованность, восхищение поэзией не носят преходящей, случайный, поверхностный характер. Он любит поэзию, чувствует ее всем существом, черпает в ней истинное наслаждение. Второй смысл эпитета “истинный” - в том, что Фарамаз муаллим получает удовольствие не от всякого стихотворного текста, а от настоящей поэзии, от стихов высокой художественной пробы, то есть от истинной поэзии. И распознает эти истинные поэтические образцы, как истинный, настоящий знаток, перечитывает их. Заучивает наизусть. Я свидетель тому, как он часами читал наизусть несметные поэтические жемчужины поэтов Азербайджана и Турции, таких художников XX века, как Гусейн Джавид, Назым Хикмет, Микаил Мушфиг. Неслучайно, что в среде поэтов, писателей есть очень близкие его друзья, собеседники. Среди них был и поэт Рафик Зека Хандан, которого мы безвременно потеряли. Я знаю, что у ученого были очень теплые отношения с Расулом Рзой, и Фарамаз муаллим после кончины моего отца написал проникновенные воспоминания о встречах с ним. Долгие годы мы были с Фарамазом Максудовым соседями по подъезду, и поныне часто видимся на различных общественных форумах, на заседаниях парламента, беседуем о всевозможных вопросах. Не могу говорить за Фарамаз муаллима, но для меня эти беседы очень интересны. Еще

Слева: Эльчин, Анар, Фарамаз Магсудов, Рафаэль Аллахвердиев на юбилее Деде Горгуда

и потому, что, будучи человеком литературы, я не могу вести никакого разговора о точных науках, а Фарамаз муаллим представляя точные науки, может компетентно и профессионально говорить об искусстве, литературе, поэзии.

В последние годы Фарамаз Максудов руководит нашей Академией Наук. Убежден, что его интерес к литературе, искусству даст импульс к появлению новых солидных изысканий, книг, диссертаций в этой области, и многие нераскрытые еще страницы нашей истории будут освещены под новым углом зрения, в духе патриотизма и современности.

Я желаю ему неизменно крепкого здоровья, продолжения полезной научной и общественной деятельности на многие годы, и еще, в часы досуга, отдыхая на одной из прекрасных абшеронских дач, воспетых великим Мушфигом, он вдохновенно читал бы пронзительную исповедь влюбленного поэта - “О если бы то лето повторилось…”

Перевод Эльмара Шейхзаде

Памяти Агабека Султанова

Агабек Султанов

Наша наука, здравоохранение, общество, наш город потеряли яркую личность, трудно поверить в столь неожиданную, столь безвременную смерть Агабека Султанова - неизменно бодрого, жизнелюбивого, улыбчивого, не упускавшего случая пошутить. Агабек был выдающимся ученым, известным врачом, истинным интеллигентом. Он интересовался всеми областями жизни, в первую очередь и в особенности - литературой, искусством. Читал наши книги, был завсегдатаем выставок, концертов, театральных спектаклей и демонстраций кинофильмов.

Среди ведомых им телепередач была интересная программа, посвященная именитым династиям. И сам Агабек являлся достойным представителем нескольких славных родов Азербайджана, причем человеком, соединившим, породнившим несколько знаменитых семейств. Его любимое присловье - “гены нельзя обмануть” - больше всего было приложимо к нему самому, - он был продолжателем здоровых генов.

Агабек был знаковой фигурой нашего города, одной из личностей, определявших облик Бакинского общества, был живым воплощением его духа.

Агабек со своим тестем А.Дж.Ленберанским

Анар с Агабеком Султановым, Фархадом Халиловым его супругой Тамиллой

Каждое сносимое в нашем Баку старинное здание отзывается болью у нас в душе, - ибо с этими старыми реликвиями исчезает частица нашего прошлого, нашей памяти. Быть может на месте разрушенных зданий будут вознесены более современные, более благолепные и высокие дома. Но это будут уже не дома наших воспоминаний.

С потерей Агабека мы прощаемся с заветной частью, очень теплыми и светлыми нашими воспоминаниями.

Агабек Султанов был неповторимым человеком, и никто его не сможет заменить. Наше утешение в том, что всегда будет ощущаться его место и в аудиториях, где он преподавал, и в кабинетах, где принимал больных, на научных конференциях, симпозиумах, и в телеэфире, и в дружеских компаниях. И если будет ощущаться его невосполнимое место, стало быть, никто не займет его.

И если в сердцах его друзей общавшихся с ним людей, в сердцах современников будет видеться его место, значит, Агабек Султанов всегда будет жить в памяти современников.

13 июня 2007г.
Перевод Сиявуша Мамедзаде

Радость семидесятилетия

Тофик Гаджиев

Некоторые меня упрекают в чрезмерном увлечении, а порой и преувеличении роли шестидесятых годов в истории нашей литературы. Считаю эти упреки безосновательными, поскольку шестидесятые годы ознаменовали собой подлинный переворот во всей современной литературе. Это не означает пренебрежительного отношения к стихам, прозе, драматургии, литературной критике предыдущих лет и ничуть не умаляет творчество последующих поколений. Но именно в шестидесятые годы, в эпоху глобальных перемен во всех сторонах жизни создались такие новые возможности для самовыражения, причем в равной степени и для уже вполне зрелых, сформировавшихся литераторов, так и для делающих первые шаги на этом поприще поэтов и прозаиков.

Новые возможности значительно отличались от прежних, и если бы в нашей литературе не случилось бы этого переворота, последующим поколениям пришлось бы труднее.

Показательно для литературной жизни той эпохи, что наряду с прозой и поэзией, дальнейший толчок получила и литературная критика. Именно в то время целый ряд талантливых языковедов стали известными литературными критиками. Это позволило под новым углом взглянуть на нашу литературу.

Среди этих языковедов и литературных критиков имя Тофика Гаджиева занимает особое место. Еще вернее назвать его аксакалом этой группы, поскольку многим из них он преподавал, или был руководителем научных работ.

Членов этой группы отличает еще одно качество, описывая современную литературу, анализируя ее ценность, они опираются на фундаментальные знания тысячелетнего азербайджанского и в целом тюркоязычного художественного слова. Обладая глубокими познаниями тюркоязычных художественных текстов, азербайджанской литературы, органическим восприятием ее устных преданий и речевой культуры, досконально изучивший “Kitabi Dədə Qorqud”, Тофик муаллим с высоты своего богатейшего опыта говорит о молодых, начинающих писателях. Мысль о том, что вся литература творилась лишь в прошлом, так же смешна и абсурдна, как и слова “до нас литературы не было, она начинается с нас”.

Именно благодаря своему обширному багажу, знанию тысячелетней литературы и восприятию современности Тофик Гаджиев завоевал глубокое уважение в литературном мире. Я неоднократно принимал участие в научных собраниях, проходивших в Турции и Иране и был свидетелем тому, с каким почтением относились к нему известные тюркологи.

Доклады и выступления Тофик муаллима на этих заседаниях неизменно вызывали глубокий интерес у аудитории.

Годы-годы, естественно, семьдесят лет пригибают человека. Но если в этом возрасте человек стоит на верном пути, наполняет свою жизнь смыслом, не тратит свое время бесполезно, то и в преклонном возрасте находит свою радость.

Тофик муаллима никак нельзя назвать стариком. Честный, порядочный человек, он всю жизнь посвятил своему народу, его языку, литературе, науке и просвещению.

30 апреля 2006 г.

Перевод Эльмара ШЕЙХЗАДЕ

Праздник нашей культуры

Открытое письмо Рамизу Аскеру

Дорогой Рамиз!

То, о чём мечтали мы долгие годы, о чём так много было нами говорено и чего с вящим упорством мы добивались, - великое это дело наконец совершилось. В твоём переводе на азербайджанско-тюркский вышло-таки в свет творение великого учёного Махмуда Кашгари “Дивани Люгят-ит-тюрк”. Тобою же сей труд подготовлен был к печати.

Капитальные объёмистые словари и энциклопедии обыкновенно создаются многочисленным научным коллективом, нередко - целым институтом либо же, по меньшей мере, группой специалистов. К числу подобных изданий принадлежат, скажем, многотомные словари русского языка под редакцией, соответственно, Ожегова и Ушакова, а из выпущенных в Азербайджане - вышедшие в разное время превосходные словари, составленные, в частности, под руководством Рухуллы Ахундова, Гейдара Гусейнова, Алигейдара Оруджева, Агамусы Ахундова и др. Однако, бывает, титаническую эту работу умеет выполнить и один человек. Так, в XIX веке Владимир Даль в одиночку создаёт грандиозный 4-томный Толковый словарь великорусского языка. К памяти великого это-

Рамиз Аскер, Анар, Председатель Союза писателей Евразии Ягуб Омароглы

го человека в русском народе относятся с неизменным благоговением. Однако за восемь веков до Даля, возможно, первый в истории аналогичный же монументальный 4-томный труд создан был Махмудом Кашгари - “Словарь тюркских наречий”.

Уже в наше время этот незаменимый источник знаний по истории, фольклору, литературе и этногеографии тюркских народов издан был в Турции, под редакцией Бесима Алатая. (“Килисли Рифат впоследствии был известен как Бесим Алатай”, - объявил по телевидению некий господин, чья амбициозность явно превышала уровень его эрудированности и которому было невдомек, что названные им имена принадлежат двум разным людям.)

Ещё в 20-30-е годы прошлого столетия в Азербайджане предпринимались попытки издания письменного памятника, являющегося общим национальным достоянием всех тюркских народов. Однако, к сожалению, тогда это сделать так и не удалось. Первыми вслед за турками “Диван” публикуют узбеки. И вот, наконец-то, вышел он и в Азербайджане. И главная заслуга в том - твоя, дорогой мой Рамиз. В данной связи не могу не помянуть добрым словом также Тофика Гаджиева - научного редактора издания, Низами Джафарова - рецензента книги, консультантов Гусейна Исмайлова, Мамедали Гыпчага и Азизхана Танрыверди. Да случится же и словарю Ибн Муханны увидеть свет на азербайджанско-тюркском языке!

Издание, посвящённое памяти Гейдара Алиева - великого нашего лидера, с неизменностью возвышавшего в наши дни идеалы тюркизма и ратовавшего за всетюркское единство, вышло под патронажем девятого президента Турецкой Республики Сулеймана Демиреля. И от имени писателей, всей интеллигенции Азербайджана, а также от себя лично я выражаю уважаемому господину Сулейману Демирелю глубочайшую нашу признательность и почтение.

Сегодня общий наш праздник. Праздник нашей словесности, нашей истории, всей нашей культуры. Сегодня также праздник и Халида Сеида Ходжаева, который ещё в 20-е годы радел о его совершении, но, увы, безуспешно. Сегодня же торжествует дух истинного интеллигента, комиссара просвещения Панаха Гасымова, за свою приверженность идее издания “Дивана” угодившего в 37-м году в застенки НКВД, подвергнутого чудовищным пыткам и затем расстрелянного, а также души многих других наших интеллигентов-шехидов, принявших муку за то же, что и названный подвижник.

Дорогой Рамиз! От всего сердца поздравляю Тебя с осуществлением многохлопотного Твоего труда, а наряду с Тобой всех тех, кто советом ли, дружеским ли участием помогал Тебе в этой работе. С праздником вас! С праздником нас всех!

12 ноября 2006 года
Перевод Эльмара ШЕЙХЗАДЕ

О двух книгах Тофика Меликли

Тофик Меликли

Пять лет тому назад, когда моему другу Тофику Меликли исполнилось 65 лет, я написал ему Открытое поздравительное письмо. Оно было опубликовано в бакинской и московской прессе, вошло в Первый том “ЛИК”а. В нем говорилось о плодотворной научной и творческой деятельности Тофика - выдающегося тюрколога, о его заслугах на посту руководителя Московского отделения Союза писателей Азербайджана, о его активном участии в работе разных организаций нашей российской диаспоры. Вспоминал я и о незабываемых временах совместного пребывания в Стамбуле в 1993 году, когда тесно общаясь, мы были опорой друг другу в трудную пору жизни и нашего народа и нас самих.

Теперь, накануне другой круглой даты - 70-летия Тофика мне вновь захотелось откликнуться на этот юбилей, но тут возникла некоторая сложность. Мне всегда трудно писать дважды на одну и ту же тему, тем более, если намерен включить этот текст в третий том “ЛИК”а. Ведь читатель сразу заметит, что обо всем этом уже прочел в Первом томе. Зачем повторяться?

И вдруг меня осенило. Ведь после того юбилейного Письма вышли по крайней мере две новые книги Т.Меликли. Он подарил их мне и я сразу с интересом ознакомился с ними. Вот повод откликнуться и на юбилей и отметить то приятное впечатление, которое я получал от знакомства с этими книгами. Да и поделиться с читателями той значительной информацией, которая содержится в двух этих изданиях.

Обе книги вышли в 2010-ом году в Москве: “История литературы Турции” и “Назым Хикмет. Поэзия и поэтика”.

Первая из них издана как учебное пособие для студентов переводческого факультета. В небольшой по объему книге автор с большим профессиональным умением смог дать емкий и насыщенный обзор турецкой литературы от ее древних общетюркских истоков да наших дней. Несомненный интерес вызывают сведения об обнаружении и дешифровке древнетюркских орхоно-енисейских текстов. Я, например, не знал, что датский ученый Вильгельм Томсен, который традиционно считается открывателем этих рунических письмен, оказывается, не знал тюркского языка. Он послал дешифрованные тексты

крупному тюркологу В.В.Радлову, который и сумел их в течении одного месяца напечатать в транскрипции и с переводом. Это было 3 больших и 2 маленьких текста. “Так заговорили надписи, молчавшие много столетий”, - пишет Т.Меликли. Он приводит и мнения профессора Э.Р.Тенищева, который считает, что язык памятников руни́ческого письма “сложился на огузской основе с уйгурскими и кыпчакскими включениями”.

Таким образом мы, азербайджанцы, - чей язык входит в огузскую группу, можем по праву считать орхонские надписи наиболее древними образцами нашего праязыка. Важно и мнение о руни́ческих письменах другого крупного ученого, академика В.В.Бартольда, приводимое Т.Меликли: “Здесь мы имеем сложное письмо, которое приспособлено к тюркскому языку гораздо лучше, чем все другие алфавиты”.

Следует напомнить, что этим алфавитом пользовались в Тюркском каганате, в империи, границы которой распространялись до Кавказа и Каспийского моря.

В результате нашествия другого тюркского государственного образования - уйгурских племен в 745 году Восточно-тюркский каганат прекратил свое существование и на его месте возник Уйгурский каганат, самое могущественное государство тюрков в Центральной Азии в течении столетия. Т.Меликли отмечает, значимость уйгурской культуры, в первую очередь поэзии, зародившейся в VII веке. “На становление и развитие этой литературы большое влияние оказали четыре религиозных течения - манихейство, буддизм, христианство и ислам” - подчеркивает исследователь. Он приводит и древнейший образец этой поэзии дошедший до наших дней. Это стихи, созданные Апрын Чор Тигином - первым известным в истории древнетюркским поэтом.

Kaşıncığımın ö
Kadğurur men
Kadqurduk(ca) kaşı körtlem
Kavışğısayır men

Öz amrakımın öyür men
Öyü evirür ödü çün
Öz amrak (min)
Öpuğseyür men.

Перевод:

Я думаю о своей маленькой (возлюбленной)
И тоскую (по ней)
И, чем больше тоскую, моя чернобровая,
Соединиться (с тобой) хочу.

Я думаю о своей возлюбленной,
И чем больше думаю
Свою возлюбленную
Поцеловать я хочу.

Самым интересным в этом приводимом Тофиком стихотворении для меня было то, что система аллитерации в начальных словах каждой строки точностью совпадали с таким же приемом в некоторых образцах “Книги моего деде Горгуда”. На этом принципе аллитерации первых слов каждой строки построено, к примеру, обращение Салур Газана к гяурам. Это еще одно доказательство древних пластов в тексте “Китаби Дедем Горгуд”. И это делает возраст эпоса еще старше, чем тот, который мы сегодня определяем ему.

Дав краткие сведения об общетюркских литературных памятниках - произведениях Юсуфа хасс-хаджиб Баласагуни, Махмуда Кашгари, Ахмеда Югнаки, Ахмеда Ясеви и др. автор обращается уже к чисто турецкой литературе Анатолии, знакомя читателя с ее ключевыми фигурами от Джелаледдина Руми, Юниса Имре до наших современников, со многими из которых Тофик лично общался. Это такие корифеи турецкой литературы наших дней, как Азиз Несин, Фазиль Хюсни Дагларджа, Яшар Кемаль, Орхан Памук. Особое место отводит он знаменитой тройке “гарибчилер” (“гарибистов” по имени первого их совместного сборника “Гариб” - “Странное”) Орхану Вели, Мелик Джевдету Андаю, Октаю Рифату.

Но, конечно, самый важный и главный объект научных изысканий Тофика Меликли на протяжении многих лет - великий Назым Хикмет. Ему посвящена не только самая большая глава в книге “История литературы Турции”, но и целая следующая книга ученого - “Назым Хикмет. Поэзия и поэтика”.

Как уже говорилось, о Назыме Т.Меликли писал не раз, но в этой новой книге, а также в отрывке из нее, опубликованном в нашем журнале “Литературный Азербайджан”, он впервые касается крайне болезненной темы, связанной с судьбой поэта в СССР. Он

На 75 летии Союза писателей Азербайджана в Москве

пишет о трагической ситуации, в которой оказался Назым “убежав” из своей родины Турции и оказавшийся на “второй - по его собственным словам - родине”, в Советском Союзе. В течении всех долгих и горьких лет, проведенных в турецких застенках, поэт думал об СССР, как о земле обетованной, как о крае своих мечтаний, все еще помня революционно-романтический пафос 20-х годов. Увы, горькое похмелье наступило почти сразу после того, как его нога ступила на “родину пролетариата”. Тофик Меликли пишет об этом, опираясь на ранее недоступные факты и документы. Да и сама эта тема в былые годы была под запретом. О страданиях поэта можно было лишь догадываться по некоторым его словам и мыслям, которыми он делился только с очень близкими людьми. Только сейчас становится ясной вся безнадежность ситуации, в которой пришлось оказаться поэту. Обратного пути на родину не было, а жить в затхлой атмосфере лжи и фарисейства, было невыносимо.

Т.Меликли приводит слова историка Дж.Гасанлы “Советское руководство очень хотело использовать Н. Хикмета против Турции, особенно же против ближневосточной политики США, но в то же время опасалось его”.

Т.Мелили пишет: “Когда Назым приехал в Советский Союз, в стране буйным цветком расцветал культ личности Иосифа Сталина… В Москве Назым узнает, что великий режиссер Мейерхольд, которого он боготворил, и многие писатели, художники уничтожены или репрессированы.

Вскоре после приезда в Москву состоялась встреча Назыма Хикмета с театральными деятелями Москвы. Выступая на этой встрече, Назым Хикмет говорил буквально следующее: “Братья! Когда я сидел в одиночке, я выжил может быть только потому, что мне снились московские театры, мне снились Мейерхольд, Маяковский… Это была сама революция улиц перешедшая в революцию сцены. И что же я увидел теперь в московских театрах? Я увидел мелкобуржуазное, безвкусное искусство, почему-то именующее себя реализмом, да еще и социалистическим. А кроме того, я увидел столько подхалимства и на сцене, и вокруг нее. Разве подхалимство может быть революционным? На днях я должен встретиться с товарищем Сталиным, которого глубоко уважаю. Но я, как коммунист коммунисту, скажу ему прямо, что он должен распорядиться, чтобы убрали его бесчисленные портреты и статуи - это так вульгарно”.

Со Сталиным он не встретился ни через несколько дней, ни через несколько лет - никогда. Да и как мог Сталин принять поэта после таких слов и такого настроения, которые, несомненно, сразу же доносились “вождю народов”.

Т.Меликли отмечает, что буквально спустя две недели после приезда Назыма в Москву заведующий первой(секретной) частью особого отдела ЦК ВКП(б) А.Стручков направляет А.Н.Поскребышеву секретный материал, “разоблачающий” турецкого поэта. По нравам советской системы в этом документа как крамола отмечалось аристократическое происхождение Назыма, упоминались его близкие и дальние родственники - генералы, послы.

Во время поездок Назыма в социалистические страны его неизменно сопровождал секретный агент Ф.Адилов, который затем писал подробные отчеты председателю внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г.Григоряну о поведении поэта за рубежом, о том, что в Берлине во время фестиваля Назым встречался с приехавшими туда

турками, встречался также с руководителями сирийской, израильской, французской делегаций, и что он говорил с ними только по-французски. Даже о встречах поэта с турецким населением Болгарии все тем же Ф.Адиловым, был составлен подробный донос все тому же В.Григоряну.

Я вспоминаю рассказ Назыма Хикмета, (который, мне уже доводилось приводить), о том, как при посещении руководителя Венгрии М.Ракоши, тот побледневший, в начале поздоровался с сопровождавшим Назыма субъектом, и лишь после этого с самим поэтом. Очевидно, этим сопровождающим и был тот самый Ф.Адилов, который, как говорил Назым, не называя его имени, приносил руководителям братских стран секретные пакеты от Сталина, в которых нередко содержались смертные приговоры если не им самим, то их ближайшим сотрудникам.

Чашу терпения советского руководства переполнило новое сочинение Назыма Хикмета - “А был ли Иван Иванович?” , пьеса, в которой он, как честный коммунист пытался показать пороки, мешающие торжеству коммунизма в Советском Союзе - бюрократизм, алчность, социальное неравенство. Ведь Назым своими глазами видел как в Сочи санаторий поделен забором - по одну сторону в лучших условиях отдыхают “хозяева” - партийная бюрократия, чиновники, по другой - “простой народ”. Он протестовал и против употребления слов “хозяин” в отношении руководящих товарищей и это тоже моментально доносилось в верха. Небывалой успех пьесы “А был ли Иван Иванович?” (на подступах к театру стояла конная милиция) в постановке В.Плучека в театре Сатиры, вызвал немедленный негативный отклик в ЦК КПСС. Только в наши дни были обнародованы закрытые материалы этого высшего партийного органа, посвященные пьесе Хикмета. Они были опубликованы в “Литературной газете” от 16 февраля 1994 года , под заголовком “Злая карикатура на советские и партийные руководящие круги”. После пяти триумфальных спектаклей с аншлагами, постановка В.Плучека была запрещена Министром культуры СССР Е.А.Фурцевой. Узнав об этом в Варшаве, Н.Хикмет пытался покончить жизнь самоубийством, приняв снотворное.

Тофик приводит также письмо Н.Хикмета Н.Хрущеву, с просьбой представить ему пригласительный билет на XX Съезд КПСС. Письмо осталось без ответа и просьба, естественно, не была удовлетворена.

Тофик Меликли завершает свою книгу о великом турецком поэте словами Евгения Евтушенко:

“Роль которую сыграл Назым в истории, была ему предназначена. И он сыграл эту роль гениально”

Хотелось бы к этим словам добавить одно только определение: “трагическая роль”.

Вот на какие мысли навели меня две весьма ценные книги моего давнего друга Тофика Меликли, которому я желаю стол же активной и плодотворной творческой, научной деятельности в следующие десятилетия своей насыщенной жизни.

25 августа 2012 г.

Возвращение достойных имен

Вилаят Гулиев

Одной из специфических особенностей советской системы было то, что она оставляла целые пласты “белых пятен” и в целом истории, и в частности в истории литературы. Определенных исторических лиц, деятелей литературы, науки, искусства, как бы вовсе не существовало. И если они все же где-то бегло упоминались, то обязательно с уничижительными оценками. Пробелы зияли и в отношении определенных событий, они так же как бы игнорировались на корню, а если затрагивались, то трактовались совершенно превратно, ложно, в угоду соответствующим задачам коммунистической идеологии. Нередко также “белые пятна” были окроплены красными каплями - кровью невинных жертв сталинских репрессий.

Слава Богу, наступили времена, (при всей неоднозначной оценке их нами, современниками), когда появилась возможность восстановить историческую правду о реальных событиях Прошлого, вырвать из небытия достойные имена людей, сыгравших немаловажную роль в духовной, культурной жизни нашего народа. Одним из тех, кто упорно, целенаправленно, последовательно работает в этом направлении является видный ученый-литературовед Вилаят Гулиев.

Придя в литературу в 70-х годах как вдумчивый критик, активно занимавшийся также переводами, в том числе и с английского, которым хорошо владеет, Вилаят Гулиев отдал дань и политической деятельности, был членом одной из вновь созданных партий, избирался Депутатом Милли Меджлиса, занимал пост Министра Иностранных дел. В последние годы работал как Посол Азербайджана в Польше, а сейчас он - наш посол в Венгрии. Но отдавая должное всем сферам его полезной деятельности, считаю, что самый большой вклад Вилаята в нашу научную и общественную жизнь являются его ценные изыскания по неисследованным или малоисследованным страницам истории нашей литературы и политической публицистики.

Работая над сценарием кинофильма о М.Ф.Ахундзаде, я тщательно ознакомился со всеми доступными материалами, связанными с жизнью и деятельностью великого просветителя. В их числе и с фактами его борьбы за реформу алфавита, с фактами его пребывания в связи с этим в Стамбуле, и с обсуждением этих проблем с турецкими учеными. Среди

этих деятелей упоминался и некий Али Суави Эфенди. Что это за человек? Нигде никаких сведений о нем у нас в Азербайджане я не обнаружил. Даже в различных изданиях сочинений Ахундзаде, вплоть до изданий последних лет, в разделе комментариев, ничего о нем не говорится. В то же время как полемика с ним была настолько важной для Мирза Фатали, что он посвятил ей целую статью.

Анар и Вилаят Гулиев

И вот уже после завершения сценария и запуска фильма в производство, я с интересом читаю материал Вилята Гулиева в газете "525-чи газет" "Мирза Фатали и Али Суави: история одного спора". В статье масса интересных сведений об этом оппоненте Ахундзаде. Чего стоит одна характеристика данная ему выдающимся турецким поэтом и драматургом Намиком Кемалом. В.Гулиев приводит отрывок из письма Н.Камаля своему другу, другому великому поэту Турции Абдальхаку Хамиду: "Али Суави отнюдь не тот человек, каким ты его представляешь. Ты обманут маской, которую он натянул на свое лицо. Он и со мной дружил в течении двух лет. Равного ему шарлатана не сыскать во всем мире. При всем моем скепсисе, он убедил меня, что знает семь-восемь языков. Он заносчив в той же мере, в какой невежественен".

В.Гулиев объясняет и причину ревностного отношения Али Суави к проекту реформирования алфавита, представленного Мирза Фатали. Оказывается, и у самого Али Суави был такой проект, и он не хотел уступать пальму первенства в этом вопросе кому то другому. Вместе с тем, Вилаят, как объективный ученый отмечает и его редакторскую деятельность, и научные труды. Подчеркивая противоречивость мятежной натуры А.Суави В.Гулиев отдает должное и личной храбрости турка, которая в конечном счете стало причиной его гибели.

Я высоко оценивая и многолетние усилия Вилята Гулиева в освещение ранее неизвестных нашей широкой общественности фактов биографии Ахмеда Агаева (Агаоглу) и членов его семьи.

Историю общественно - политической жизни, историю нашей журналистики в первом десятилетия XX века нельзя представить без Ахмед бека, так же как невозможно не отметить исключительную роль в Турции, после переезда его в эту страну. Рассматривая этап за этапом насыщенную драматическими событиями биографию Ахмеда Агаоглу Вилаят Гулиев в книге "Агаоглу" рисует выразительный портрет человека импульсивного, задиристого, с кипучей энергией, бесстрашного, принципиального, непримиримого.

В названии книги на азербайджанском языке "Агаоглу" подразумевается множественное число, как фамилия этой семьи, в которой наряду самим Ахмед беком, значительными лицами являются также его дети - дочь Сурая ханым и сын Самед. Сурая ханым первая в Турции женщина получившая юридическое образование. Самед Агаоглу поли-

тик, писатель, Заместитель Премьера и Министр в правительстве Аднана Мендереса. Не забывая их собственных заслуг на поприще права и политики, мы должны быть благодарны им и за то, что они оставили ценные воспоминания о жизни и деятельности своего великого отца. Отрывки из этих воспоминаний, касающиеся собственно Ахмед бека Вилаят Гулиев включил в свою книгу.

Как по собственному тексту Вилаята, так и из мемуаров детей Ахмед бека мы знакомимся с жизнью просветителя чуть ли не с самых его детских лет. Учеба в шушинской школе, в которой армянские дети, составляющие большинство, систематически избивали Ахмеда бека и его сородичей школьников-азербайджанцев, первые мысли о сопротивлении насилию, которые уже в зрелом возрасте приводят Ахмед бека к идее создания организации, для отпора армянской агрессивности. “С этой целью - пишет Вилаят Гулиев - в 1906 году Ахмед Агаоглу, с активным участием доктора Керим бека Мехмандарова и Алекпер бека Рафибекова приступил к организации партии “Дифаи” (“Защита”).

Годы учебы во Франции, где он познакомился со многими выдающимися деятелями науки и культуры - Джеймсом Дармстером, Эрнастом Ренаном, Ипполитом Теном, сблизился с выдающимся мыслителем Востока Джемалледдином Афгани, стали важным этапом в формировании мировоззрения А.Агаоглу, который по возвращении на родину получил прозвище “франк Ахмед” (“Ахмед-француз”). Следующий этап - приезд Ахмед бека в Баку и начало журналисткой, публицистической деятельности. Начинал он ее в русскоязычной бакинской газете “Каспий” вместе с Алимардан беком Топчубашевым и Али беком Гусейзнаде. Затем вместе с Алибеком им удалось издавать газету “Хайат” на родном языке. Позже, уже самостоятельно Ахмед бек издает газету “Иршад”. Издание газет сопровождались многочисленными трудностями финансового, цензурного характера, вкупе с враждебным отношением консервативных слоев населения. По их наущению Ахмед бек даже был избит бакинскими гочу.

Жизнь на родине становилось все невыносимей. Волей обстоятельств вынуждены были покинуть родину и Ахмед бек и Али бек. Переехав в Турцию они сохранили дружеские отношения и здесь в течении всей жизни. Об этой дружбе очень теплыми словами говорит и Самед Агаоглу в своих мемуарах “Друзья моего отца”. “Одним из верных друзей отца был поэт, художник, музыкант, философ, журналист, астролог, профессор, врач с Кавказа с чистым лицом, белой бородой, красивыми глазами”.

Это портрет Али бека Гусейнзаде. Самед бек приводит и такой любопытный факт: Как-то в Батуме оба друга решили погадать по книге о судьбе Турции. Под рукой оказалась книга Торквато Тассо “Освобожденный Иерусалим”. Али бек наугад открыл одну из страниц и прочел: “Опираясь на прошлое я могу сказать, что в одном из самых темных уголков Востока появится герой со светлыми волосами и, объединив свой народ вокруг себя поведет его к свободе и победе”.

Ахмед бек не поверил, что это из книги, решил, что Али бек шутит. Но когда удостоверились, что это на самом деле цитата из Тассо, оба друга были поражены точностью предсказания - ведь у Мустафы Камаля, приведшего турецкий народ к свободе и победе, были светлые волосы.

Вилаят Гулиев скрупулезно описывает и непростые взаимоотношения Ахмед бека с Ататюрком. То обласканный им, назначенный на высокие должности, депутат Беюк Мил-

лет Меджлиси (Парламента) Ахмед Бек то подвергается незаслуженным обвинениям со стороны Мустафы Кемаля. Совсем уж не- корректным был упрек Ататюрка, что Ахмед бек, здесь в Турции, гость, пришлый. В присутствии всех высокопоставленных гостей Гази, Ахмед бек дал достойный отпор этим словам. Ататюрк, и в этом тоже его величие, тут же извинился, сказав, что его не так поняли, обнял и расцеловал Ахмед бека. Но Ахмед бек, и после этого не захотел остаться на пиршестве, встал и ушел. Еще более резкий отпор давал он разным вельможам и с трибуны Парламента и в частных стычках.

За свою неизменную многострадальную любовь к идеям тюркизма, за истовое служение им, он подвергался преследованиям как в царской России, так и в период оккупации Турции силами Антанты. Он как и Али бек, в числе других деятелей партии младотурков был отправлен в ссылку на остров Мальту. И ни на йоту не изменил своим убеждениям, своему кавказскому происхождению, до конца жизни сохранив в своей речи особенности азербайджанского языка. В письме жене Ситаре ханым из ссылки на острове Мальта, он вспоминает места их общей юности в родном Гарабахе, в Шуше: “в моих глазах ожили улицы Шуши, наш дом, наш сад, все родственники и друзья”-пишет он.

Вилаят Гулиев сообщает и об угрозе жизни Ахмед бека, после возвращения из ссылки. Армянские террористические организации под названием “Немезис” составили список всех, кому они решили мстить, за якобы истребление армян. Среди азербайджанцев первым в списках был Ахмед бек Агаоглу. Об этом предупредил его друг по Кавказу, армянский профессор Барсамян, посоветовав быть осторожным. И это в Турции - в стране турков!

Сурая Агаоглу пишет в своих воспоминаниях: “Невозможно даже вообразить, что творилось тогда в Турции против турок. Волосы дыбом встают при сопоставлении Турции тех дней с сегодняшней”.

Сурая ханым имеет в виду дни, когда целые регионы Турции были оккупированы войсками Англии, Франции, Италии и Греции. Весь Стамбул был под пятой оккупантов.

“Самая вопиющая несправедливость и парадокс истории заключались в том, что после т. н. “геноцида” 1915 года, в ходе которого было якобы истреблено полтора миллиона армян, “пострадавшие” сидя в центре Стамбула, занимая высокие посты и хлебные должности, диктовали свои условия “притеснителям”, обвиняли турков - настоящих хозяев страны, в ужасающих зверствах, кровопийстве, кровавых преступлениях и т.д. И при этом никому в голову не приходило, что руки этих “жалких и обездоленных” людей по локоть в крови мирных анатолийских крестьян, или жителей приютившего их Азербайджана. Вероятно, трудно найти прецедент в мировой истории, когда пришлый этнос обрушил бы на автотохтонное население столько ненависти и клеветы, так безбожно и бессовестно попирая его права”.

Это цитата из цикла материалов Вилаята Гулиева, опубликованных в нескольких номера газет “Зеркало” и “525-чи газет”. Посвящены они еще одной жертве армянского террора - Бехбуд хану Джаванширу.

Бехбуд-хан потомок славного рода Джаваншир, правнук основателя Шуши Панах хана, в средней школе восемь лет проучился вместе с сыном торговца Степаном Шаумяном. В годы независимости был некоторое время Министром Внутренних дел Азербайджанской демократической республики, членом ее Парламента. По профессии - инженер, получивший образование в Германии, владел несколькими европейскими языками.

Бехбуд-хан Джаваншир

Вырвавшись из когтей большевистского режима Б.Джеваншир вместе с молодой русской женой Тамарой прибыл в Стамбул, с намерением выехать оттуда в Париж. В первое время супруги жили в доме А.Агаоглу.

“Бехбуд хан был высокорослым, белолицым, чернобровым, с большими горящими глазами обаятельным человеком, - вспоминает Самед Агаоглу. - Говорил на приятном азербайджанском наречии. Его стать, манеры, речь создавали удивительную атмосферу раскованности. За несколько дней пребывания с нами он стал для всех любимцем. Наш дом заполнился аурой Карабаха. И моя мать в этой атмосфере выглядела менее болезненной, менее изнуренной”.

Ссылаясь на воспоминания членов семьи Агаоглу Вилаят Гулиев пишет, что и Ахмед бек и Ситара ханым советовали Джеванширам не покидать их дом, ибо это было опасно. Но по настоянию жены Бехбуд-хана они переехали в знаменитый стамбульский отель Пере Палас.

“18 июля 1921 года, около 23 часов гочи перед западным крылом здания в результате террористического акта был убит Бехбуд хан Джаваншир - пишет Вилаят Гулиев - Убийство совершил член партии “Дашнакцутюн”, боевик так называемого армянского полка самообороны, бывший солдат национальной армии Мисак Торлокян. Бехбуд хана случайно увидел и узнал на улице бывший председатель Бакинского армянского национального совета Абрахам Гюльханданян. И этот нелепый случай решил судьбу невинного человека. По своему признанию Торлакяну с товарищами было поручено выследить и ликвидировать Ахмед бек Агаева. После полученной информации решили переключиться на Бехбуд хана Джеваншира”.

Вот ведь как судьбы людей зависят порой от чистых случайностей. Не говоря уже о переезде в отель Пере Палас, если бы Бехбуд-хан не встретился на улице с узнавшим его Гюльханданяном (а фамилия та какова!)он через несколько дней с молодой женой оказался бы в Париже и как человек весьма состоятельный прожил бы в этом городе возможно очень много лет.

Об этом нашумевшем убийстве написал в своей книге “Восточный экспресс” (гл. “Константинополь. Июль, 1921. Убийство”)известный американский писатель Джон Дос-Пассос, проживавший в те дни в отеле “Пере Палас”.

Задержанный на месте преступления террорист признается: “Он (Бехбуд-хан) был высоким человеком. Из-за этого я застрелил его не в голову, а в бок. Первая пуля его не свалила с ног. Он сумел крепко ухватиться за мои руки. Этим он мне помог, так как повернулся ко мне грудью. Я дважды выстрелил ему в грудь, он упал…Я попытался скрыться, но кто-то схватил меня. Это был брат Джаваншира. Я выстрелил ему в глаз, но он меня не отпускал, и я решил сдаться, так как приближались полицейские”.

И что вы думаете после такого циничного признания, ожидала убийцу, который дрожал и трясся на суде, ожидая заслуженную кару?

Вилаят Гулиев приводит цитату из книги турецкого журналиста Мурада Гюльчи, опубликовавшего стенограмму процесса: “За кулисами армянских интриг. Схватка вокруг Торлакяна”: “Армяне, с чувством удовлетворения воспринявшие убийство Бехбуд хана в оккупированном Стамбуле, немедленно мобилизовались для вызволения Торлакяна. На суд привели около сорока свидетелей”.

Первый обвинитель на суде англичанин оказался человеком, приверженным к закону, и его тут же заменили другим англичанином более покладистым, действующим согласно воле управляющих страной оккупантов. При помощи лжесвидетелей, в турецком городе Стамбул был оправдан и выпущен на свободу убийца невинного человека - азербайджанского дворянина. Армяне чевствовали убийцу как национального героя.

Точно так же в Берлине был оправдан убийца Талат-паши Согомон Тейлирян, который, якобы действовал в состоянии аффекта. Все эти оправдательные вердикты убийцам, создали прецедент для дальнейших террористических акций во всем мире. (В том числе и против турецких дипломатов в разных странах).

И в наши дни политические убийства часто объясняются якобы, высокими целями, желанием возмездия, восстановления справедливости. Или просто поступками ненормальных людей, действующих в состоянии аффекта.

Так “в состоянии аффекта” в те годы армянскими террористами были убиты шесть виднейших деятелей Азербайджанской демократической республики и шесть руководителей младотурков. Последним из этих шести был Джамал-паша, который во время Первой мировой войны собственноручно спас пятьдесят тысяч армян от неминуемой гибели. Ведь и Бехбуд-хан занимая пост Министра Внутренних дел, всячески пресекал любые проявления насилия, в том числе и по отношению к армянам. По свидетельству современников, его как огня боялись даже всесильные бакинские гочи.

Но, как это не раз бывало в истории, армянские террористы мстят не тем, кто в чем то провинился в отношении них, а тем, кто представляет из себя яркую, незаурядную личность. Цель - не месть, как это провозглашается, цель - обезглавить, обессилить, обескровить враждебную нацию, лишив ее самых нужных и важных представителей. Именно по этому принципу составлялись и составляются поныне “черный список” убийств. Вторая цель - элементарное запугивание.

Решение об уничтожении турецких и азербайджанских деятелей, - как пишет В.Гулиев, - было принято в октябре 1919 года, на состоявшемся в Ереване IX съезде партии “Дашнакцутюн”, по инициативе бывшего поданного Османской империи Шаана Натали (Акопа Тер Акопяна). Он же является автором книги с кощунственным названием “Библия мести”.

Еще одной значительной работой Вилаята Гулиева в последнее время является публикация “Спор трех корифеев”, посвященное полемике М.Шахтахтинского с А.Агаевым и А.Топчубашевым. Но здесь я не касаюсь ее, поскольку подробно говорю о ней во включенном в этот том эссе “Слово, рожденное небытием”.

Новым вкладом в науку явился монументальный труд, - составленный В.Гулиевым - сборник “Из наследия политической эмиграции Азербайджана в Польше (30-е годы XX века)”. Собранный автором солидный материал, состоящий из статей, выступлений

представителей нашей политэмиграции в Польше, дополнен им предисловием, сведениями об авторах и комментариями.

В сборник входит более десяти статей и выступлений Мамед Эмина Расулзаде, а также статьи Мир Якуба, Азери, Мирзы Балы, Джахангир бека Казембека (последняя о гянджинском восстании). Как известно в 1931 г М.Э.Расулзаде переехал в Польшу. Потеряв семью в Азербайджане, годы спустя он женился на полячке Ванде, из аристократической семьи. После неприкрытого давления советского правительства на турецкое, из этой страны были выдворены азербайджанские политэмигранты, которые вслед за М.Э.Расулзаде нашли убежище в Польше. Их приютил глава страны маршал Ю.Пилсудский относящийся с симпатией к оппонентам Советского Союза.

Лишенные своей исторической Родины - Азербайджана, изгнанные из братской Турции, наши политэмигранты в неимоверно трудных условиях продолжали и в Польше свою праведную борьбу за честь и достоинство своего народа. Они стали печатать здесь журналы, участвовали в других кавказских изданиях. Эти тексты и собрал Вилаят Гулиев. Работа Послом в Польше не прошла даром. И хотя он скромно отмечает, что в его книге собрана лишь небольшая часть пока еще неизученного и неопубликованного наследия азербайджанских политэмигрантов в Польше, представленные в книге тексты, сами по себе представляют огромный исторический интерес. Многие положения этих материалов, я широко использовал в трактате “Право на жизнь”, включенном в этот том.

М.Э.Расулзаде как политэмигрант жил в разных странах - в Турции, Финляндии, Германии, Румынии и др. Но только в Польше был отмечен его 125 летний юбилей. 6-9 декабря 2009 года в Варшавском университете состоялась международная конференция, посвященная Мамед Эмину. “Мне, как Послу Азербайджанской республики - пишет Вилаят Гулиев - было очень приятно слышать добрые слова польских, турецких, грузинских, американских, французских ученых о выдающемся сыне моего народа”.

В предисловии под заглавием “Борьба словом и мыслью” Вилаят справедливо подчеркивает: “Слово было единственным оружием для людей, горевших желанием служить своему народу, своей отчизне. Чтобы быть услышанным, они писали статьи, книги, проводили сессии и конференции, подписывали пакты и соглашения, составляли ноты и прокламации, призывы и требования, устраивали пикеты и демонстрации. И благодаря этому неумолкавшему голосу жил дух народа, его тяга и стремление к свободной от национального и политического гнета жизни.

Настал исторический момент. Их голоса были услышаны. Их наследие стало востребованным. Народы бывшего Советского Союза, десятилетиями оторванные от реальной истории, хоть и частично узнали тех, кому они должны быть благодарны за самое сокровенное - независимость”.

К этим словам следует добавить, что одним из настоящих ученых благодаря которым, мы имеем возможность сегодня знакомиться с реальной историей нашего народа в XX столетии, является и сам Вилаят Гулиев.

Он один из тех, кто возвращает нам незаслуженно забытые достойные имена. Возвращает неустанным трудом, последовательно, достойно.

Август 2012 г.

Хранитель исторической памяти

Не нуждаются в доказательствах исключительные заслуги видного ученого Джамиля Гасанлы в высокопрофессиональном освещении нераскрытых страниц нашей современной истории. Факты, добытые им в неустанных поисках в архивах Азербайджана, в России, США, Турции и других странах, объективно исследуются историком, обобщаются, теоретически обосновываются. Результатом этих изнурительных работ, ведущихся в течении многих лет, становятся солидные, монументальные книги и эти книги освещают жизнь Азербайджана в XX веке в новом ракурсе, сильно отличающимся от прежних исследований. Отличаются прежде всего правдивым, реальным отражением подлинной панорамы эпохи.

Джамиль Гасанлы

Во втором десятилетии XX века на Востоке произошло беспрецедентное историческое событие - в Азербайджане была создана первая в мусульманском мире Демократическая республика. В исследованиях Дж.Гасанлы мы наглядно видим все трудности как во внешней, так и во внутренней политике, с которыми столкнулась молодая республика. Большие и могущественные страны, с алчностью жаждущие прибрать к рукам природные богатства Азербайджана и в первую очередь именно поэтому, строящие всяческие козни для лишения нашей родины независимости, другие великие и сильные державы, которые оставались безразличными к

Вагиф Самедоглы и Джамиль Гасанлы в Милли Меджлисе

В Союзе писателей слева на право Назим Ибрагимов, Анар, Рустам Ибрагимбеков, Чингиз Абдуллаев, Вагиф Самедоглы и Джамиль Гасанлы

судьбе небольшого народа, подвергшегося неприкрытой агрессии, столкновении разных зарубежных и внутренних интересов, хаос, вызванный стремлением к власти различных сил, большевистская “пятая колонна” в самой стране - все это так живо воссоздается на страницах книг Джамиля муаллима, будто мы видим эти конкретные события и реальные лица воочию, своими собственными глазами. Ученый не рассматривает Азербайджанскую историю XX века изолированно, в отрыве от событий происходящих вблизи или вдали от наших границ. Он внимательно отслеживает и события в России, Иране, Турции, их воздействие на судьбу Азербайджана. Советские интриги в отношении Ирана и Турции не только в начале минувшего века, но и в его середине, в интерпретации историка воспринимаются как наглядный и поучительный урок. И не только для Азербайджана, но и для соседних стран.

Поэтому неслучайно книги Дж.Гасанлы вызывают такой живой интерес в Турции, в США, в России.

Особенностью творчества Джамиля муаллима является и то, что он обращается не только к таким фактам нашей истории, которые вызывают чувство законной гордости, но и к событиям с трагическими последствиями. Воодушевление мая 1918 года в связи с провозглашением независимой республики, сменилось горькими днями разгрома этой республики большевиками. 21 Азера (12 декабря) 1945 года - праздник свободы Южного Азербайджана ровно через год сменился трагедией в то же число - 12 декабря 1946 года, когда шахские войска потопили в крови свободу Южного Азербайджана. Джамиль муаллим рассказывает обо всех этих событиях с гражданской болью, с сопе-

реживанием интеллигента, но в то же время со скрупулезной точностью и объективностью ученого.

Одним из самых интересных и важных исследований Джамиля Гасанлы является книга об общественно-политических событиях происходящих в Азербайджане в 50-х годах прошлого века, о грубом административном давлении московских властей на азербайджанскую интеллигенцию и сопротивлении ее передовых представителей этому давлению. Причем автор говорит об этом не декларативно, а строго опираясь на реальные свидетельства времени. Это очень важно - особенно сегодня, потому что сейчас, во времена “дозволенной смелости”, многие из тех, кто в неведении о подлинной сущности событий тех лет, (или делающие вид, что ничего не знают о них), пытаются внедрить в общественное сознание мысль, что в советские годы никакого противостояния официальной политике, ни в какой форме не было, все беспрекословно подчинялись установкам господствующей идеологии.

В современной русской прессе не раз ссылаются на хамское отношение Хрущева к молодым в ту пору поэтам и прозаикам, представителям поколения “шестидесятых”. Пусть те, кто муссируют эту тему, ознакомятся и с книгой Джамиля Гасанлы, пусть узнают и том, что нашего уважаемого писателя Мирзу Ибрагимова, Хрущев публично назвал фашистом, обвиняя его в национализме, за его деятельность в защиту родного языка.

История не только зеркало нашей общественной и национальной памяти, она в то же время ориентир, компас для нашего сегодняшнего поведения. Всем известно с каким ярлыком попали в Историю те, кто в разные периоды советского режима, самыми грязными словами и методами шельмовали Ахматову, Зощенко, Пастернака, Солженицына.

Исследования, основывающиеся на объективных фактах и исторических реальностях - ценнейшие источники для всех последующих поколений. Такие работы являются предупреждением для Будущего со стороны Прошлого. По мере того, как мы храним память о нашей истории, наша история охраняет нас от опрометчивых поступков. Именно этим благородным целям служат книги Джамиля Гасанлы. Именно таким хранителем исторической памяти нашего народа является наш славный современник - большой ученый Джамиль Гасанлы

12 января 2012 г.

Поздравление с опережением на год

Анар и Низами Джафаров

21 сентября 2009 года исполняется 50 лет выдающемуся ученому, литературоведу, лингвисту, критику Низами Джафарову. В связи с этим юбилеем я намеревался написать о своем друге, “пятидесятилетнем молодом человеке”, к которому питаю симпатию и уважение. Но, узнав о том, что готовится к изданию книга о нем, я получил предложение написать заметки для юбилейной книги. Написал. Ждать год не хватает терпения, и я представил в печать написанное. Пусть мои слова, которые надлежало огласить годом позже, будут первым поздравлением Низами в связи с его пятидесятилетием.

Наши литературные отношения с Низами Джафаровым начались с полемики. В одной из статей он назвал Моллу Панаха Вагифа основоположником азербайджанского литературного языка. Я возразил против такого суждения. По моему мнению, именовать Вагифа, которого считаю крупнейшим поэтом и чьим творчеством восторгаюсь, родоначальником нашего литературного языка означало бы сбрасывать со счетов пути развития нашего языка от Праотца Горгуда до Моллы Вели Видади. Впоследствии мы тесно общались с Низами, у нас сложились добрые отношения, в совместных дальних странствиях мы поближе узнали друг друга, и шагали плечом к плечу в литературных баталиях. Низами написал обо мне толковые статьи, отдельную книгу. Издал ее в Азербайджане и Турции. Многие годы спустя в Стамбуле (или в Анкаре, точно не помню) между нами возник вновь разговор по спорному вопросу, и вновь Низами, как и я, остался при своем мнении. За исключением этого расхождения, во всех других моментах, связанных с историей и современным состоянием нашей литературы, наши позиции, понятия, вкусы, можно сказать, в большинстве случаев, совпадают.

Хочу подчеркнуть три качества в солидных исследованиях Низами Джафарова. Он начал научную деятельность языковеда, и в сугубо литературоведческих работах, в ли-

тературно-критическом творчестве, сохраняет и сберегает доминанту, идущую из языковедческого опыта - пристальное внимание к значимости Слова, Языка. Другое положительное свойство его исследований - глубокая осведомленность в современном уровне и требованиях азербайджанской, турецкой и мировой филологии и учет их опыта. Наконец, третье, быть может, важнейшее достоинство - рассмотрение азербайджанской литературы в общетюркском контексте.

В приснопамятные годы историю нашей литературы связывали с различными источниками и не замечали или не хотели замечать в ее формировании общетюркское литературное достояние. В последние годы (быть может, здесь ест и моя маломальская заслуга) - уже утверждаются, как закономерность, тенденции к сопряжению истории нашей литературы с общетюркскими памятниками, Орхонскими письменами, с "Диваном" Махмуда Кашгарлы, с "Гутатгу билик" ("Наукой счастья"), с полуторатысячелетним опытом огузской поэзии, к выявлению параллельных путей развития с литературой братской Турции, с чагатайским художественным словом, к увязыванию летописи нашей литературы с самым грандиозным памятником нашего языка - "Книгой Праотца Горгуда". Я очень рад, что эта тенденция в определенной степени нашла свое отражение и в нашей "Истории литературы", и в новом издании Азербайджанской энциклопедии - в обзоре нашей литературы.

Низами Джафаров - один из тех ученых, проявивших самые весомые заслуги в этом деле перед нашей литературой и историко-литературной наукой, точными аргументами обосновавший правомерность этих тенденций. Существенно и то обстоятельство, что Низами, рассматривая нашу литературу в общетюркском контексте, вместе с тем, никоим образом не растворяет в этой общности самобытность азербайджанства, публикует научные работы. в которых концепция азербайджанства возводится на прочном научном фундаменте. Именно в этом отношении очень значима его книга, посвященная азербайджанству. Тюркство и азербайджанство никак не взаимоотрицают, а, напротив, взаимодополняют друг друга. Созданием четырехтомной "Литературы тюркских народов", Низами Джафаров внес ценный вклад и в собственно азербайджанскую литературу, и всецело в литературы тюркских народов. Выступления ученого на различных научных форумах в Азербайджане, в Турции, вызывают большой интерес. Наконец, его деятельность как председателя Центра Ататюрка в Баку также ориентирована на эти цели.

Избрание Низами Джафарова председателем Комиссии по культуре в Милли Меджлисе я воспринял с искренним удовлетворением. Я надеялся, что он сможет подобающим образом отстаивать в парламенте интересы нашей литературы и культуры. К счастью этим мои надежды полностью оправдались.

Забота о нашей литературе, внимание к нашим писателям, деятелям искусства - политика, основанная нашим незабвенным Лидером Гейдаром Алиевым и успешно продолжаемая Президентом Ильхамом Алиевым. К сожалению, все еще есть люди, не осознающие достаточно значение литературы, необходимость государственной ее поддержки. В том числе и материального содействия ее жизнедеятельности и развития. Забота о культуре не милостыня, а долг государства.

Все еще находятся те, кто толкуют эту помощь превратно. Странно, что подобные кривотолки звучат и со страниц некоторых оппозиционных газет, и на заседаниях Мил-

ли Меджлиса - из уст иных представителей власти. В оппозиционных газетах считают, что включение Союза писателей в бюджетное обеспечение идет во вред его свободе, ставит его в зависимое положение. Получается так, что не состоящие на бюджетном финансировании, например, Союз театральных деятелей более свободен и менее зависим, нежели писательский Союз. Но когда и каким образом бюджетное подспорье препятствовало свободе, независимости Союза писателей, мешало ему самостоятельно строить свою деятельность, только и сугубо на литературных критериях, творческих принципах? Так же и с другими творческими организациями. А уж если соотнести с мировыми стандартами, то во всех странах защищаются авторские права писателей, тогда как мы не получаем в качестве гонорара ни гроша не только за несметные газетные публикации, интервью, статьи, но и за наши фильмы, демонстрируемые то и дело по телеканалам, за наши книги, изданные 25-тысячными тиражами по указу Президента.

Странно, что при стольких состоятельных, богатых персонажах одни только писатели, якобы “зашибающие большие деньги”, становятся объектом ревнивого злословия. Впрочем, дело это не новое. Помнится, еще в советские времена, один из идеологических секретарей ЦК на большом собрании с пеной у рта вещал о якобы баснословных гонорарах писателей. Об этом у Расула Рзы есть стихотворение, написанное после того самого заседания.

Я надеюсь, что Низами Джафаров, как председатель Парламентской комиссии и впредь будет давать отпор подобным наскокам, отстаивать интересы Союза писателей, тем более, что в свои 50 лет - он самый молодой член Совета старейшин - аксакалов нашей организации…

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Подруга дней моих…

Земфира Сафарова

Сафарова Земфира Юсиф кызы (р. 1937) - музыковед. Доктор искусствоведения(1996), проф. (1998). Заслуженный деятель искусств Азербайджана (1989). С 1980 заведующий отделом Музыкального искусства Института архитектуры и искусства НАН Азербайджана. Одна из исследователей музыкального творчества Узеира Гаджибекова в книге “Музыкально-эстетические взгляды Узеира Гаджибекова” (Москва. 1973). Исследовала проблемы народности, музыкального языка, традиции и новаторства, национального и интернационального в творчестве и эстетических взглядах Уз.Гаджибекова. Брошюра “Узеир Гаджибеков” в 1985 была издана на 7 языках. Автор монографии “Теоретические и эстетические проблемы в творчестве Узеира Гаджибекова” (1985). Подготовила к печати тома академического издания музыкальных произведений Гаджибекова, написала вступительные статьи и научные комментарии к ним. Составитель книги “К столетию Уз. Гаджибекова” (на рус. и азерб. языках, 1985) Выступала с докладами, посвященными Уз.Гаджибекову в ряде научных конгрессов и симпозиумов”

Эти фразы из биографической справки, помещенной в Энциклопедии “Узеир Гаджибеков”, изданной в 2003 году под редакцией Назыма Ибрагимова. К этим скупым сведениям остается добавить, что в последующие годы Земфира Сафарова стала автором еще нескольких книг на русском, азербайджанском, английском, турецком, арабском и сербском языках. Исследовала наследие ученых Сафиеддина Урмави, Абдулькадира Марагаи, Фатуллаха Ширвани, Мир Мохсуна Навваба, подготовила к печати музыкальные трактаты средневековья, став таким образом основателем музыкального источниковедения в Азербайджане. За эти годы она была удостоена также звания заслуженного деятеля науки Азербайджана и премии Умай и избрана членом-корреспондентом НАН Азербадйжана.

Еще один ВАЖНЕЙШИЙ факт, не попавший в энциклопедию - Земфира ханым моя супруга. В этом году мы отметили золотую свадьбу. Наша свадьба состоялась ровно пятьдесят лет назад - 27 января 1962 года. Благодаря энергичным усилиям, энтузиазму и изысканному вкусу нашей дочери Гюнель была издана задуманная и подготовленная ею книга “Сказка продолжается”, в которой собраны краткие высказывания наших мно-

Земфира и Анар

гочисленных друзей, членов семьи, родных и близких. Когда мы с Земфирой стали знакомиться с этой книгой, которая готовилась втайне от нас и стала для нас подлинным сюрпризом, мы не только окунулись взглядом в наш полувековой совместный жизненный путь, но как бы заново посмотрели на прошедшие годы глазами наших друзей и близких. И она - прожитая жизнь - раскрылись перед нами во всей своей многокрасочной и многосложной панораме - со всеми радостями и огорчениями, победами и потерями. К юбилейной дате подоспели из Кувейте наш сын Турал с супругой Севиндж, их дети - Расул и Анар. Вместе с дочерями Гюнель Дениз и Сезен, они также подготовили памятный вечер 27 января 2012 года, который, по признанию всех присутствующих превзошел все ожидания. Все гости - а присутствовали друзья и близкие, - цвет азербайджанской интеллигенции, в один голос отмечали, что оригинальностью, художественным замыслом и эстетическим совершенством этот вечер навсегда сохранится в их памяти. Как и в нашей памяти - моей и Земфиры.

Но в мою память - помимо двух дней - 27 января 1962 года и 27 января 2012 года, навечно вписаны еще три светлые даты - 15 сентября 1945 года, 5-ое и 8-ое июня 1955 года.

15 сентября - с опозданием (не помню, по какой причине) на две недели я вошел в первый класс музыкальной школы десятилетки. На первой парте сидели две девочки с косичками. Я обратил особое внимание на одну из них, а через несколько дней твердо решил, что когда вырасту непременно женюсь на ней. Эта была Земфира. Десять лет мы проучились в одном классе. Она была круглой отличницей все десять классов. Я учился так себе. По литературе, истории, особенно по географии, и как не странно по математике,

я учился на отлично. Химию, физику терпеть не мог, английский так и не выучил. Почерк у меня был отвратительный. Особенно мучился и мучил учителей по музыкальным предметам. Как говорят, видимо медведь наступил мне на ухо, хотя музыку вообще-то любил, а в пожилые годы она стала моим самым главным утешением. Но музыкальная школа сделала все что возможно, чтобы я возненавидел сольфеджио, музыкальные диктанты, гармонию на всю жизнь. . До сих пор мне в кошмарных снах видятся сцены; будто отвечая на уроке я путаю септаккорд с квартсекстаккордом.

Гюнель, Анар, Генеральный секретарь ТУРКСОЯ Дюсен Кусеинов, Земфира

А Земфира…Она по моему за десять лет не получила даже ни одной четверки, только пятерки по всем предметам. И ее симпатичная фотография висела в фойе на доске отличников, до тех пор, пока я благополучно не “спер” ее оттуда. Время от времени я разглядывал эту фотография и с грустью думал о своей безответной любви. А любовь моя была безответной потому, что Земфира видимо о ней вообще не догадывалась. Ведь я ничем не выдавал свое тайное чувство . Мы даже часто ссорились, видимо подтверждая мудрость поговорки- милые ссорятся только тешатся. Впрочем, милой была ОНА для меня, кем Я был для нее, в те годы я не знал. И даже сейчас после десятилетий совместной супружеской жизни, когда я читаю ее тексты, посвященные мне и написанные к каким-то моим юбилейным датам, удивляюсь - неужели она именно так относится ко мне? Но, видимо - эта уже черта характера Земфиры, крайне сдержанной в проявлении своих чувств и способной выражать их со всей искренностью только в письменной форме. Когда мы бывали в ссоре не называли друг друга по имени, о прибегали к иносказанию “о адам” (другой человек). “О адам (другой человек) сделал то-то, сказал то-то” и так далее. Потом мирились, играли вместе в баскетбол и волейбол на уроках физкульту-

Нигяр Ахундова, Анар, Земфира, Полад Бюлбюлоглы

ры, “доводили” учителей. Это делали в основном мы - мальчики, при молчаливом и сочувственном нейтралитете девочек. Наверное - семь или восемь лет школьной поры так и прошли - то ссорились, то мирились. Ссорились, конечно, по пустякам, ведь иначе и не мирились бы так же часто. Но в старших классах эти “мирись, мирись, мирись, больше не дерись” прекратились. Мы постепенно взрослели и когда по-

Таир Салахов, Земфира, Анар, Зарифа Салахова

явилась угроза нашей разлуки, я не находил себе места. А разлука могла бы случиться потому, что потеряв всякую надежду на мое блестящее музыкальное будущее , меня отлучили от музыкальных предметов. Таким образом под вопросом оказалась мое пребывания в этой школе. Ведь хоть и общеобразовательная, эта школа в качестве обязательных предметов имела музыкальные дисциплины. С переходом в другую школу я мог потерять свою будущую супругу. Но тут вмешалась судьба в лице моей милой тети (сестры отца) Суры ханум, которая имела какие то связи в Министерстве просвещения, и добилась, чтобы меня оставили-таки в музыкальной школе. Обучение в девятом и десятых классах были счастливым временем моей жизни- уже не было тягостных музыкальных предметов, но каждый день перед глазами была Земфира.

И вот наступили дни окончания школы. Моя мама устроила угощение и пригласила всех моих одноклассников. А их было всего пять - трое юношей и две девушки. Ведь учились мы в азербайджанском секторе, а он в этой школе по количеству учеников сильно отставал от русского.

Да, кстати, еще об одном сюжете судьбы. В начале Земфиру, как и ее старшую сестру Эльмиру, хотели отдать в русский сектор. По чистой случайности или по капризу опять же судьбы, русский сектор был уже укомплектован и она поступила в азербайджанский. Я часто думаю, а скрестились бы наша судьбы если она поступила бы в русской сектор. Во всяком случае у нее был бы несколько иной, как ныне говорят, менталитет.

После окончания школы - она поступает в Консерваторию, я - в Университет, на филологический факультет. Как мы будем общаться после этого? Случайно встречаясь на улице здороваться - Как дела-Спасибо, хорошо. - До свидания. - Пока.

И все? Не тут-то было.

Мы оба - и Земфира и я - были представлены на золотую медаль. Через тетю Суру я узнал, что в Министерстве просвещения придравшись к каким-то мелочам в наших письменных экзаменационных работах, снизили мою медаль с золотой на серебряную, а Земфире вообще не дали медали.

Пятого июня 1955-года мы встретились с ней на ступеньках лестницы перед Консерваторией, я сообщил ей эту плохую новость, а затем - наконец-то - признался, что люб-

Земфира, Азер Рзаев, Васиф Адыгезалов, Бекир Набиев, Анар

Семья. Слева Турал, Сезен, Дениз, Земфира, Анар, Гюнель, Севиндж, Расул, Анар

лю ее. Не дожидаясь ответа я убежал. Она, очевидно, была в шоке. История с медалью была первой большой несправедливостью, с которой она столкнулась в жизни, а мое признание в любви - первым эмоциональным потрясением. Одним словом, как оказалось, этот день навсегда соединил наши судьбы.

Прошло три дня. Ни звонка, ни какой-либо весточки.

8-го июня я позвонил ей и попросил спуститься вниз: я у вашего подъезда.

Минут через десять она спустилась. Убей меня Бог, если я помню, что я говорил ей в этот раз, и какие слова произнесла она - волнение было столь сильным, что я ничего не соображал. Понял и помню только, что ответ ее был положительным.

Значительно позже выяснилось, что и Земфира, оказывается была (скажем так) неравнодушна ко мне и как-то даже подумала, что в будущем мы, наверное, поженимся. А в тот день я опять убежал. Прибежал к тете Суре, у которой тогда жил (мои родители были на даче). Взял карандаш и на обоях комнаты тети - всюду куда дотягивалась рука - написал эту дату “8 июня 1955”.

Мы стали встречаться. Первый фильм, который мы посмотрели вместе, после того как стали встречаться, была аргентинская картина “Возраст любви” с популярной в те годы актрисой Лолитой Торрес.

Потом были другие фильмы, встречи, сватовство, обручение, потом свадьба, свадебное путешествие. Два года жизни в Москве -когда я учился на Сценарных курсах. 9 июня 1964-года появился на свет Турал, как подарок ко дню рождения матери - 10 июня день рождения Земфиры.

6 марта 1972-го года - день рождении Гюнель. Дни рождений внуков и внучек, которые я не всегда точно запоминаю, но ощущение радости от этих событий всегда со мной.

И во всех сюжетах жизни Земфира всегда неизменна “подруга дней моих счастливых”. Но были и другие дни - на то эта и жизнь - дни горестные, печальные, трагические - дни потер отца, матери Земфиры и моих родителей. Дни когда ушли Эльмира - ее старшая сестра, а через несколько лет Чингиз - ее младший брат. И были горькие дни в нашей общественной жизни, литературной и научной, когда приходилось встречаться с откровенной враждой, с черной завистью, с несправедливостью. В годы моей ранней молодости я попал даже в сатирический журнал “Кирпи”. Я отнесся к этому с иронией, но когда я увидел, как остро среагировала на это Земфира, я дал себе слово, никогда не сообщать ей о своих неприятностях, о нападках на меня, устно или в прессе. Когда она случайно все же узнавала об этом, я сразу превращал все в шутку. Когда во время выборов в Академию, по отношению к Земфире, набравшей при тайном голосовании необходимое количество голосов, посредством откровенной фальсификации, была совершенна вопиющая несправедливость, я старался смягчить этот удар, хотя прекрасно понимал, какие усилия требовались, чтобы преодолеть этот стресс. Так же мы переживали случаи, когда сталкивались с изменой людей, которых считали друзьями. Во всех подобных нелегких ситуациях мы старались поддержать друг друга.

Земфира у памятника Бетховену в Бонне

Когда-то покойная Эльмира обращалась к своей младшей сестре пушкинской строкой: “Подруга дней моих суровых”.

Этими же словами я могу обращаться к Земфире, добавив к пушкинской строке свою: “Подруга дней моих счастливых, подруга дней моих суровых”. Ибо, что не говори, счастливых дней в нашей жизни все ж было больше, чем суровых. Земфира любит мысль Назыма Хикмета: “Счастье - это когда с радостью утром идешь на работу, а вечером с такой же радостью возвращаешься домой”.

Если в таком ощущение счастья Земфиры (конечно в отношении возвращения домой) есть доля моей заслуги, я безмерно рад этому.

Я мог бы написать о Земфире, как о большом ученом-музыковеде, как уже принято называть ее “основоположнике музыкального источниковедения в Азербайджане”, как о крупнейшем исследователе творчества Узеира Гаджибейли, издателе его партитур и клавиров, как об авторе многочисленных книг, монографий. И, наконец, как о Главном редакторе и основном авторе впервые изданной Истории Азербайджанской музыки. Но об этом уже много раз говорилось и писалось, причем ее вклад в наше музыкознание и гаджибекововедение отмечали такие авторитеты как Кара Караев и Фикрет Амиров, академики, музыковеды не только в Азербайджане, но и в Москве, Турции. Я могу лишь засвидетельствовать о ее фантастической работоспособности, целеустремленности на научном поприще, о ее требовательности к своим сотрудникам которых она почти насильно заставляет защищать кандидатские и докторские диссертации. Особый разговор о ее преданности семейным ценностям. Она - хранительница домашнего очага, прекрасная жена, мать, бабушка.

Но боюсь, меня обвинять в семейственности. Вообще, представляю, какую обильную пищу даст этот трехтомник моим недругам. Особенно в одном отношении - в трех томах помещены эссе о моих родителях, дяде. Но разве можно браться за панораму современной азербайджанской литературы, исключив из нее творческие портреты Расула Рзы, Нигяр Рафибейли, Энвера Мамедханлы. Как я мог не включить в эту книгу предисловие к книге Гюнель или скорбный реквием, написанный по случаю смерти Эльмиры Сафаровой. Рассказ о современном азербайджанском кино был бы неполным без текстов об актере Тофике Мирзоеве и режиссере Тофике Исмаилове, которые также являются моими близкими родственниками. Но обо всех этих художниках я пишу не потому, разумеется, что они мои родственники, а потому, что они внесли значительный вклад в современную культуру Азербайджана. Точно так же нельзя обойти заслуги Земфиры Сафаровой в этом разделе, посвященном нашей науке. В разделе “Наука” текст о Земфире я помещаю в самом конце по трем причинам. Во-первых из за скромности. Во-вторых, этот текст написан после всех других. И в третьих - и это самое главное - я помещаю тексты, посвященные отдельным персоналиям в хронологической последовательности, согласно их возрасту. А Земфира среди них - самая молодая.

Во всяком случае - для меня.

19 ноября 2012 г.

ПЕЧАТЬ

ПЕЧАТЬ

МУХАММЕД ФИЗУЛИ

Смысл тайн ежесекундно перед всеми открывало слово,
Как малы уста! Казалось людям, что небытие рождало слово.

Тем, что слово сделаешь достойней, ты свое достоинство умножишь:
Ведь всегда разумных и достойных от невежд отличало слово.

Тайн своих сокровищницу людям открывает каждый миг хранитель,
Чтобы их на нить повествования, словно жемчуг, нанизало слово.

Перевод Анатолия Старостина

МИРЗА АЛЕКПЕР САБИР

- Не смей глядеть!
- Не смею, не гляжу.
- Молчи!
- Молчу, ни слова не скажу.
- Не слушай!
- Что ж, попробую и так.
- Не смейся!
- Смех могу зажать в кулак.
- Не думай!
- Стоп! Вот тут уж дудки! Нет!
На мысль, прости,
не выдуман запрет!
Коль я живу в бушующем огне,
Я вместе с ним пылаю наравне,
Спокойно тлеть немыслимо в пути,
И ты со мной так глупо не шути!

Перевод Сергея Васильева

АЛИБЕК ГУСЕЙНЗАДЕ ТУРАН

Истина самая истая -
В горле застрявший крик.
Не дали выкричать, выстонать,
Но не отсекли и язык.

Перевод Сиявуша Мамедзаде

№ 23 12-го ОКТЯБРЯ 1 13 г. سكزمجى ايل ١٣٣١ ذى القعده الحرام ٢٤

ملا نصر الدين

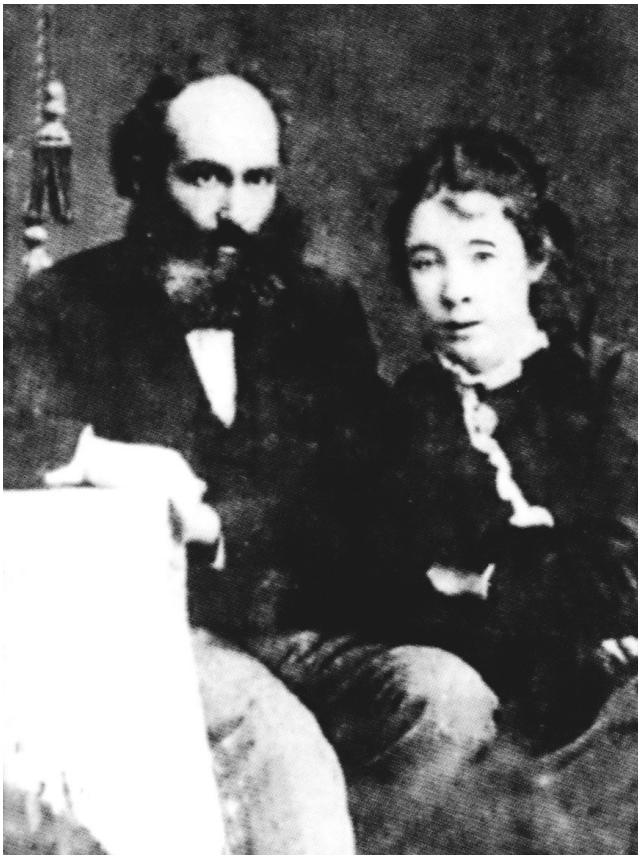
№23 Цѣна 12 к МОЛЛА НАСРЕДДИНЪ نمره ٢٣ قيمتى ١٢ قپك

Слово, рожденное из небытия

Когда знакомишься с историей нашей печати, невольно вспоминаешь слова Физули об “из небытия рожденном слове”.

В 1875 году великий азербайджанский просветитель и общественный деятель Гасан бек Зардаби(1837-1907) из небытия создал первую в Российской империи тюркскую газету. 22 июля 1975 года вышел первый номер газеты “Экинчи”(“Сеятель”).

Азербайджанской журналистике повезло, что ее родоначальником стал Гасан бек Зардаби - человек безупречной порядочности, редкого бескорыстия и самопожертвования. Его личные, гражданские и профессиональные качества наложили отпечаток на всю этическую направленность нашей прессы, по крайней мере на ее наиболее значимую часть в досоветский период. Мухаммед ага Шахтахтинский (1846-1931), Али бек Гусейн-заде(1864-1940), Алимардан бек Топчубашев (1865-1934), Ахмед бек Агаев(1869-1939), Джалил Мамедкулизаде (1869-1932), Мирза Алекпер Сабир (1862-1911), Омар Фаик Неманзаде (1872-1937), Гашум бек Везиров (1867-1916), Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955). Фирудин бек Кочарли (1863-1920), Узеир Гаджибейли (1885-1948) - и другие, т. е. самые выдающиеся публицисты, писатели и поэты начала XX века считали Гасан бека Зардаби эталоном нравственности, образцом истового служения родному народу, законодателем критериев в печатном слове, гарантом его моральных устоев. Вышеназванные публицисты нередко спорили между собой, вступали в полемику, прибегая порой к весьма нелестным обвинениям друг друга, даже к оскорбительным выпадам. Но в одном они были единодушны - в почтительном отношении к Зардаби при его жизни и в глубокой скорби по поводу его кончины. Еще большее значение имеет то, что помимо почитания личности Гасан бека, они старались продолжить провозглашенную им программу деятельности в печати - служения народу, хотя формы,



Гасан бек Зардаби и его супруга Ханифа ханум

اکینجی

داخلیه

Газета "Экинчи"

методы и направления этого служения они во многом понимали по разному.

В одном из первых номеров "Экинчи" Зардаби так определял программу и направление печатного органа вообще: "Газета каждого края должна быть зеркалом этого края, каждый кто будет просматривать газету должен увидеть как в зеркале, отражение деятельности жителей этой земли. Читатель должен получать необходимые ему сведения, короче говоря, все его проблемы, все его пожелания должны найти отражение в газете. Конечно, это может быть достигнуто в том случае, если каждый будет сообщать газете о своих проблемах и пожеланиях. Это даст возможность обсуждать данные проблемы на страницах газеты, в результате чего выявится полезное, нужное и будет отвергнуто ненужное, вредное".

В другой статье Зардаби подчеркивает, что задача газеты раскрывать глаза народу.

Этой цели, по разному ее понимая, служили и все наши последующие после "Экинчи" публицисты. И они сталкивалась с теми же трудностями, с которыми в свое время сталкивался Зардаби. Криком вопиющего в пустыне звучали слова Гасан бека:

"Кого зову, не приходит. Кому показываю - не видит, кому говорю не понимает. Но и нет другого пути, кроме как неустанно говорить и говорить, кричать. Ведь невозможно, чтобы хоть кто-нибудь наконец не услышал мои слова, не понял их".

Как созвучен этот крик души со стихотворными строчками М.А.Сабира, внесенными нами в эпиграф или с максимой, которую любил повторять М.Дж.Мамедкулизаде: "Говори свое Слово тем, кто тебе не внемлет".

Одному из тех, кто видел, слышал, читал, но не понимал Зардаби, осыпая его бранью, редактор "Экинчи" ответил своеобразно, отметив, что не будет печатать его оскорбительное письмо, но выбьет его текст на камне в назидание следующим поколениям. Пусть знают, каким нападкам невежд подвергался он, Зардаби, когда работал во благо своего народа.

Один из важнейших вопросов, которому Зардаби уделял особое внимание касается родного языка. На практике он решал этот вопрос предлагая за образец публикуемые в газете материалы на простом, доступном азербайджанско-тюркском языке, удивительно чистом, прозрачным для того времени. Этой проблеме посвящал он и отдельные статьи - "Язык и религия", "Единение в языке". "Необходимо , чтобы каждый говорил, писал так, чтобы его понимали самые отсталые слои населения. Пишущие в газеты не должны забывать, что большинство населения, особенно в наших краях, негромотно. Не следует забывать, что газета предназначается для народа, а не народ предназначен для газеты".

Духу этой великой заповеди Гасан бека Зардаби больше всех других наших изданий начала XX века соответствовал стил и язык журнала “Молла Насреддин”.

Просуществовав два года и два месяца, в сентябре 1877 года “Экинчи” прекратил свой выпуск по материальным причинам и под цензурно-политическим гнетом.

После закрытия “Экинчи”, в 1879 году в Тифлисе стала выходит на азербайджанско-тюркском языке газеты “Зия”, затем “Зийейи Кавказ”, а в 1883-1891 годах сборник “Кешкюль”. Эти издания выпускались братьями Унсизаде Гаджи Сеидом эфенди и Джалалом эфенди. (Зия - свет, луч. Кешкюль - сумка дервишей). В истории нашей прессы, эти издания оцениваются неоднозначно. Многие современники весьма критически отзываются о них, объясняя их низкий, обывательский уровень непрофессионализмом редакторов, хотя и признается, что братья Унсизаде были образованными людьми, владеющими восточными языками. Негативную оценку этим изданиям дает и такой объективный исследователь и историк азербайджанской литературы как Фирудин бек Кочарли.

В истории нашей печати немаловажную роль сыграла газета “Каспий”, которая стала выходить в Баку с 1 января 1881 года на русском языке. Первым редактором газеты был В. В. Кузмин, но в ней наряду с представителями других народов, активно сотрудничали и азербайджанские авторы. Кузмин намеревался даже выпускать в качестве приложения к газете “Чыраг” (“Светильник”) на азербайджанско-тюркском языке, но Комитет по цензуре не разрешил это. Вообще царские власти крайне отрицательно относились к идее издания газет на татарском языке - (как они называли азербайджанско-тюркский). В ответ на просьбу М.Шахтахтинского разрешить издание газеты на родном языке, руководитель Главного Управления Печати в Петербурге ответил: Я не могут разрешить издание газеты на татарском языке. Грамотные татары пусть читают на русском языке, а неграмотные пусть пасут овец”.

В этих условиях газета “Каспий”, хоть и выходившая на русском языке, особенно после того, как ее купил Гаджи Зейналабдин Тагиев и редактором стал Али Мардан бек Топчубашев, сделала немало полезного для просвещения народа. Зять Г.Зардаби А.Топчубашев редактировавший газету в течении 9 лет (с 1898 по 1907) объединил вокруг нее наиболее значительные силы азербайджанской публицистики того времени.

А.Топчубашев отмечал, что “Каспий” был очагом культуры не только для Азербайджана, но и для мусульман всей России”.

"Kaspi" qəzetinin yaranması və fəaliyyəti

ПЯТНИЦА 7-го НОЯБРЯ 1903 ГОДА

Каспій

ВНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГА

ПО УМЕНЬШЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

ТЕАТРЪ-ЦИРКЪ БР. НИКИТИНЫХЪ.

Сегодня, 7 ноября,

Товарищества рус.-малорус. артистовъ, подъ управл. и режис.

А. Л. СУХОДОЛЬСКАГО

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БУДЕТЪ:

БАРЬ-КОХВА

„Сынъ звѣзды". Послѣдніе дни Іерусалима.

II. Труппа ПІОНЕРА ОДРАПЪ остается только на два спектакля.

Большой фуроръ труппы Піонера Одрапъ.

I. Извѣстный оригинальный комикъ-юмористъ декламаторъ г. АЛИХАНОВЪ-ГРАДОВЪ.

II. Голландскіе буры семейство Одрапъ велосипедисты единственные знаменитые въ мірѣ.

ВЕЛОЗУДЪ гигантскій велосипедическій аттракціонъ изъ міра БИКИ.

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПРЫЖОКЪ механическаго велосипедиста въ міру высочайшаго Піонера Одрапъ, со ступенекъ въ которомъ будетъ сдѣланъ прыжокъ.

III. Комическія сцены ЛИЛИПУТА.

Начало въ 8½ часовъ вечера.

Касса открыта съ 10 час. утра до окончанія спектакля

СОБСТВЕННЫЙ СТРУННЫЙ ОРКЕСТРЪ.

Въ субботу, 8-го ноября состоится бенефисъ ПІОНЕРА ОДРАПЪ.

Во вторникъ, 11-го ноября, состоится бенефисъ артиста М. Д. Дикова; идетъ пьеса ТАВАНЪ, драма изъ нравовъ малорусскихъ авторовъ. БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ

Управляющій С. Р. Комашинскій. Отвѣтственный режис. и распор. А. Л. Суходольскій.

Попечительный Совѣтъ Бакинскаго Городского мужскаго учебнаго заведенія

1-го разряда съ курсомъ гимназіи имѣетъ честь довести до свѣдѣнія горожанъ, что бывшая гимназія г. Лаврова принята въ вѣдѣніе города и ученіе начнется съ понедѣльника. 9 ноября с. г.

Общедоступный спектакль по у

ТЕАТРЪ Г З А

Антреприза А. Н. КРУЧИНИ

Сегодня, 7 но

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

Со ступеньки на

Начало музыки въ 8½ час., спе

РУМЫНСКІЙ ОРКЕСТРЪ подъ управ

НАЧАЛЬ

Бакинскаго Тор

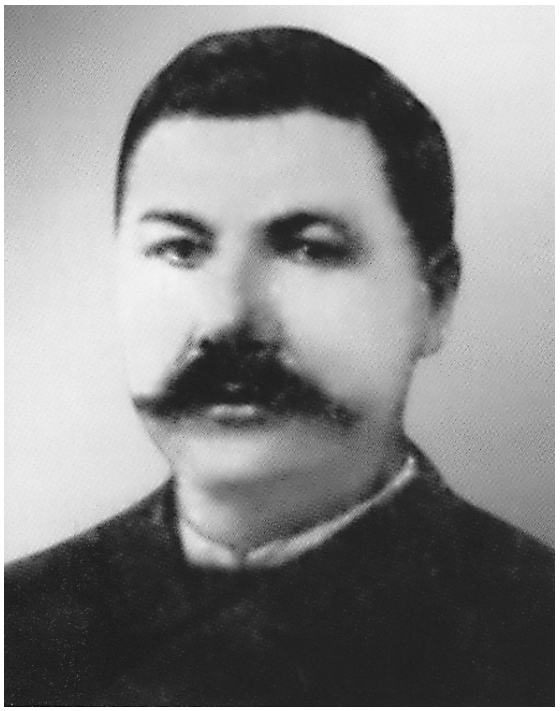
Доктор

Газета “Каспий”

Помимо ветерана национальной печати Гасан бека Зардаби, в газете выступали авторы разных идейных направлений - М.Шахтахтинский, Н.Нариманов, Ахмед бек Агаев, Али бек Гусейнзаде (который короткое время, после А.Топчубашева редактировал газету), Ф.Кочарли, Эйнали Султанов, Гусейн Минасазов, М.Махмудбеков, Узеир и Джейхун Гаджибейли. В своих воспоминаниях о Зардаби “Маяк Азербайджана” А.Топчубашев пишет, что Зардаби до конца жизни сотрудничал в газете “Каспий”: “Старейшему журналисту и публицисту Гасан беку были созданы благоприятные условия для критики условий жизни и особенностей общества не только Восточного, но и всего Кавказа”.

Насиман Якублу в книге “Рождение и деятельность газеты “Каспий” отмечает большие заслуги этого издания в популяризации творчества Низами, М.П.Вагифа, М.Ф.Ахундова, А.А.Бакиханова, С.А.Ширвани, в пропаганде культурно-литературного наследия. Н.Якублу приводит список наиболее важных статей опубликованных на страницах “Каспия”. В их числе статьи А.Агаева “Необходимость газеты на азербайджанско-татарском языке”, “Вопросы печати на Востоке”, “Пробуждение национального сознания”, “Борьба за бакинскую нефть”, “Раскрепощение женщин”, “Вопросы алфавита”, “Религия, секты””, “Положение мусульманских народов” и т. д. Сами названия статей говорят об их актуальности и важности. А.Топчубашев публикует в газете и свои статьи: “Мусульмане в освободительном движении”, “Кавказ и кавказские народы”, “Свобода и школа”, “К возрождению мусульман”, “Кавказские дела”, “Когда будет положен конец национальной резне” и др.

Али бек Гусейнзаде в статье “Младотурки, или Что такое младотуркство”, описав общественно-политическую ситуацию в Турции, и сравнивая ее с кораблем делает вывод: “Правда у этого корабля есть капитан, именуемый Султаном и Халифом, у него есть хорошо обученная в военном отношении армия, но за спиной этой армии и внутри ее самой, есть еще другая армия, которая поднимает вой - это недовольный существующим режимом народ. В таких обстоятельствах что может сделать доблестная армия, которая действует на границах страны против зарубежных врагов. Если устарела вся бюрократическая машина, если она неспособна противостоять натиску европейской цивилизации, что может сделать капитан? Как и для всех других стран, для Турции эпоха бюрократии уже не вернется. Свет спасения исходит от движения младотурков”.



Мухаммед ага Шахтахтлы

В 1903 году Мухаммед ага Шахтахтинский (Шахтахтлы) пользуясь своими связями в Петербурге и зарекомендовавший себя как лояльный подданный Империи, добился разрешения на издание в Тифлисе газеты “Шарги рус” (“Русский Восток”) на азербайджанско-тюркском языке.

شرق روس

Газета "Шарги рус"

Мухаммед ага Шахтахтлы одна из ярких и крупных фигур азербайджанской культуры начала XX века. Освоив в совершенстве русский язык в Петербурге, он затем получил высшее образование на историческом, юридическом и философском факультете Лейпцигского университета. Его дальнейшая общественная и научная деятельность проходит в Париже. Академик Иса Габиббейли составивший книгу статей М.Шахтахтинского и написавший к ней предисловие, отмечает: "Он был первым, кто подобно ледоколу Востока проторил путь в Европейский мир. То, что выдающийся востоковед Мирза Кязым бек сделал в России с точки зрения Азербайджана, в Европе сделал Мухаммед ага Шахтахтлы. Он - наш Мирза Кязым бек в Европе".

Важным этапом в жизни публициста было пребывание в Турции в качестве корреспондента московских газет "Новое время" и "Московские ведомости". В цикле сообщений из этой страны под общей рубрикой "Как спасти Турцию?" Шахтахтинский с поразительной проницательностью анализирует политическую жизнь Турции. Он высоко оценивает заслуги реформатора Мидхат-паши, умерщвленного султаном. "Был убит Мидхат паша, самый крупный и последовательный, после пророка Мухаммеда, борец за общественное сознание на Востоке". Имея в виду не одну только Турцию Шахтахтинский писал: "В мусульманских странах властители являются настоящими хозяевами. Народы являются лишь их рабами и частной собственностью. Турция должна освободиться от азиатского рабовладельческого строя и построить государство европейского типа".

В этих целях он дает такое предсказание о будущем Турции, которое поражает своей прозорливостью и верностью. Многие из того, что предчувствовал азербайджанский публицист и ученый, через двадцать лет стал воплощать в жизнь Мустафа Кемаль.

После возвращения на Кавказ М.Шахтахтинский избирается депутатом государственной Думы, составляет проект реформы арабского алфавита и одним из первых предлагает назвать закавказских мусульман азербайджанцами, а их язык азербайджанским языком.

После "Шарги-рус" первой газетой на тюркско-азербайджанском языке стала "Хаят" ("Жизнь), которая выходила в Баку с 1905-го года. Газета выходила под редакцией А.Топчубашева, А.Гусейнзаде и А.Агаева. Позже Ахмед бек Агаев стал основателем и редактором еще одной газеты на родном языке - газеты "Иршад" (слово "иршад" означает наставление на праведный путь). Когда Ахмед бек и Али бек оказались в эмиграции в Турции, их дружба продолжалась и там, как и их дружеские отношения с парижским эмигрантом А.Топчубашевым. В годы издания "Хаят" все они были молоды и кипучий, импульсивный Ахмед бек, спокойный, степенный Али бек и солидный, вальяжный Алимардан бек, легко находили общий язык, хотя не избегали и дружеских перепалок. Известен забавный случай, когда Али бек задержал какой-то материал для газеты и

نومرو ۱ برنجی سنه ۲۹ رمضان ۱۳۲٤

ادبی فنی سیاسی اجتماعی مصور هفته لک تر کجه مجموعه اسلامیه در

فیوضات

مندرجات

مدحت پاشانك تصویری

Журнал “Фьюзат”

Ахмед бек стал настойчиво требовать его. Вопреки ожидаемому в данной ситуации вспыльчивым оказался отнюдь не Ахмед бек, а умеренный Али бек. Не выдержав упреков Ахмед бека, он схватил табуретку, замахнувшись на друга. И опять же вопреки темпераменту обеих, Ахмед бек спокойно сказал: - Бей, но материал все же дай.

В статье “Несколько слов о языке нашей газеты” Али бек Гусейнзаде, объясняет свою позицию по поводу литературного языка. С одной стороны Али бек с явным осуждением и иронией говорит о тех, кто засоряет родной язык русскими словами и оборотами. С другой стороны, он как бы оправдывает обилие в языке газеты арабо-персидских слов и выражений. По мнению А.Гусейнзаде подобные слова давно завоевали право гражданства в нашем языке и поэтому невозможно отказаться от них только из за того, что кто-то недостаточно знает свой(?!) язык. К сожалению, на этой позиции остался он, и тогда, когда стал издавать элитарный журнал “Фьюзат” (“Удовольствие”) в 1906-м году. Более того, даже ужесточил свою позицию, выпуская журнал на малопонятным азербайджанскому читателю так называемом османском языке, изобилующем арабо-персидскими словами и оборотами. Но к чести Али бека, настоящего интеллигента, он весьма толерантно относился и к другой точке зрения на язык. Так, вопреки неверным утверждениям советского литературоведения в былые годы, никакого антагонистического, тем более враждебного отношения Али бека Гусейнзаде к журналу “Молла Насреддин” и лично к М.Дж.Мамедкулизаде не было. Наоборот, журналу Мирзы Джалила он посвятил весьма сочувственную статью “Молла Насреддин” и “Дебистан” (“Дебистан” был журналом для детей). Другая его заметка так и называется “Благодарность “Молла Насреддину”. Еще в одной статье он с удовольствием пишет о популярности журнала “Молла Насреддин”, оставаясь при этом верным и своим убеждениям относительно литературного языка.

Ахмед бек Агаев в статье “Обзор восточной журналистики” утверждает, что основателем и отцом периодической печати среди мусульман можно считать известного общественно-политического деятеля Сеида Джамалэддина. Как известно знакомство и дружба между Ахмед беком и Джамалэддином Афгани относится к парижскому периоду их жизни. Там обучаясь в Сорбонне Ахмед бек познакомился и со многими видными деятелями французской культуры и впоследствии вспоминал слова Эрнасте Ренана о том, что когда тот разговаривает с Джемалэддином, ему кажется, что перед ним стоит оживший Аверроэс (средневековый арабский философ Ибн Рушд).

Следует оговориться, что объявление Ахмед беком Джамалэддина Афгани отцом периодической печати среди мусульман, отнюдь не перечеркивает заслуг Зардаби. Ибо Гасан бек основал газету не на фарси или на русском, а на родном азербайджанско-тюркском языке.

В этой связи надо отметить, что в Южном Азербайджане история периодической печати начинается с 1858-го года, когда в Тебризе на персидском языке стал выходить журнал “Азербайджан”.

В разные годы в Иране выходило большое количество газет и журналов под названием “Азербайджан”. Турецкий исследователь Энвер Узун в книги “История печати Южного Азербайджана. (1816-2002)” приводит список десяти изданий, выходящих под названием “Азербайджан” с 1906 по 1941-й год.

В 1905-ом году в Иране выходит приложение к газете “Иршад” Ахмед бека Агаева на фарси. На фарси печатается и газета “Ираниноу” под редакцией Мамеда Эмина Расулзаде.

Парване Мамедли в книге “История печати Южного Азербайджана” отмечает, что после революции Мешруте (Конституционной революции) школы типа “усули джедид” (новый метод) на родном азербайджанско-тюркском языке, организованные просветителем М.Н.Рушдиййе, сыграли огромную роль в развитии литературного языка и к этому же времени относятся издания первых газет в Южном Азербайджане, таких как “Ана дили”(“Родной язык”), “Мезели” (“Комичное”), “Зенбур” (“Пчела”)на азербайджанско-тюркском языке. Следующим этапом в утверждении родного языка в печати стал период освободительного движения во главе с Шейхом Мухаммедом Хиябани. Тагихан Рифат стал печатать речи Хиябани в переводе на фарси в основанной и редактируемой им газете “ Теджеддут” (“Обновление”). Огромным событием этого периода было пребывание в Тебризе Мирзы Джалиля Мамедкулизаде, который выпустил здесь несколько номе-

Обложка журнала “Молла Насреддин”

Оложка книги “История печати Южного Азербайджана”

Мирза Джалил Мамедкулизаде

ров журнала “Молла Насреддин”. Причем в противовес требованиям издавать журнал на фарси, Мирза Джалил настоял на его выходе на родном языке.

Важнейшим этапом в духовной жизни Азербайджана стало издание в 1906 году в Тифлисе журнала “Молла Насреддин”. В его издании вместе с Мирзой Джалилом Мамедкулизаде большие заслуги имеет и Омар Фаик Неманзаде. Нет необходимости более подробно рассказывать как о журнале, так и о самом М.Дж.Мамедкулизаде, поскольку ему посвящено эссе , опубликованное в Первом томе ЛИК-а. Что касается Омара Фаика, он, аджарец по этническому происхождению, был одним из самых страстных патриотов Азербайджана, его языка, национального достоинства. Верой и правдой служил он азербайджанской культуре, как педагог, публицист, общественный деятель. С искренней бо-

Омар Фаик Неманзаде

лью воспринял он закрытие (пусть на время) своего совместно с Мирзой Джалилом детища, журнала “Молла Насреддин”. Эта акция раскрыла глаза Омара Фаика на многое. Он пишет: “Я понял, что оставаясь равнодушным ко всем бедам и горестям нации, лже-националисты оказывают услугу правительству своими доносами. Понял, что древо познания грызут изнутри наши собственные черви. Понял, что уничтожавшие права нашей нации, ранящие его сердце - это топоры, имеющие наши топорища”. Последняя фраза - ссылка на известную азербайджанскую поговорку: дерево, которое рубит топор, говорит: топорище-то сделано из меня - эту пословицу уже в наше время напомнил известный писатель Исмаил Шихлы, касаясь современных манкуртов.

Вместе с тем, Омар Фаик обладал такой широтой взглядов, что в отличие от многих не

считал образование на чужом языке пороком. “Ничего вредного в обучении в иноязычных школах для нации нет, - писал он, - есть только польза. Что же касается тех, кто отрекается от своей веры, изменяет своей нации, то такие люди есть и среди мулл. Из Османлы (Турции), из Японии каждый год едут в Европу много учеников, получив совершенное образование, они возвращаются на родину и приносят ей огромную пользу”.

В статье “Почему наши учителя бегут в Баку”, опубликованном в газете “Иршад” в 1906 году (эту статью в наше время обнародовал неутомимый исследователь азербайджанской публицистики начала прошлого века, видный журналист Ширмаммед Гусейнов). Омар Фаик вновь касается вопросов образования и снова, вспомнив японцев, говорит о том, что причиной победы японцев над невежественными русскими генералами была лучшая образовательная подготовка японцев.

В связи с этим я вспомнил одну беседу с членами японской делегации, которую в качестве Председателя Комиссии по культуры принимал в Милли Меджлисе. Когда речь зашла о бурном развитии побежденной во Второй Мировой войне Японии в послевоенные годы, я вспомнил, что писала об этом пресса: японцы приобрели многие лицензии в области науки, технологии и стали выносить на мировые рынки конкурентоспособные товары. - Да, - согласились японские гости, - но это было второй причиной нашего развития. Первая же была в том, что все свои силы, в то время весьма скромные, мы бросили на образование и вырастили кадры высокой квалификации во всех областях.

В упомянутой статье Омара Фаика говорится как раз о том, какое ничтожное внимание уделяем мы вопросам образования, как низко оплачивается труд учителей. В таких городах как Шемаха, Шеки, Гянджа, Иреван, Шуша, Нахчыван и даже Тифлис, они еле сводят концы с концами, не говоря уже о селах. И поэтому все немногочисленные учителя в этих местах переселяются в Баку за лучшей долей. И Омар Фаик, и Фирудин бек Кочарли, и М.Э.Расулзаде в своей публицистике не раз обращались к этой теме, вводя даже определение “нация-паразит”. Хотя это и звучит оскорбительно, но это определение подразумевало, что все технические достижения изобретены Западом, а пользуются ими народы Востока. Этой теме в свойственной ему иронической манере касается и М.Дж.Мамедкулизаде в одном из своих фельетонов. “Что за глупцы эти европейцы, - пишет он, - трудятся в поте лица, изобретают паровоз, поезда. А кто спокойно и удобно едет на этих поездах - мы мусульмане, не потратившие на это никакого труда”.

В книге избранных произведений Омара Фаика Неманзаде, составленном покойным исследователем Шамилем Гурбановым, собраны статьи по всем животрепещущим проблемам нашей национальной жизни. Прав поэт Б.Вагабзаде, когда пишет, что “пламенное сердце Омара Фаика билось в унисон с сердцами Мирзы Джалила, Сабира, Хади”. Дружеское сочувствие к судьбе Омар Фаика выразил в стихах М.А.Сабир.

В предисловии к книге, Шамиль Гурбанов приводит отрывок из воспоминаний Расула Рзы об Омаре Фаике: “Увлекшись рассказами двоюродного брата, я в середине учебного года поехал в Гянджу, чтобы поступить в аграрный техникум. Директором техникума был Омар Фаик. Я написал заявление и передал его секретарю. Через некоторое время меня вызвали к директору. Омар Фаик был человеком небольшого роста с рябым лицом и колючими глазами. Говорили, что никто не видел его улыбающимся. Он сразу спросил:

- Это ты сам писал?

- Да, - сказал я, - прошу вас Фаик эфенди…

На его строгом лице появилось нечто вроде улыбки.

- Кто вздумал поступать в техникум в середине года. Уроки давно начались.

Я потерял всякую надежду, но вдруг директор сказал:

- Я приму тебя в техникум, - и показал на заявление, - здесь много пафосных слов, устарелых выражений, слез и стонов, но если все это отбросить в сторону, ты, видимо, не лишен литературного дарования".

Остается добавить, что мой отец проучился в этом учебном заведение, как и в других подобных заведениях в последующем, весьма недолгое время.

Своеобразным этапом в биографии Омара Фаика, уроженца Грузии, является период советизации этой страны. Под Воззванием ревкома Грузии, вместе с фамилиями Филиппа Махарадзе, Мамиа Орахелашвили, Буду Мдивани, Шалвы Элиавы, Амаяка Назаретяна, Весо Квиркилиа, Александра Гегечкори, Михаила Окуджавы, Ладо Думбадзе стоит и подпись Омара Фаика. Все они, включая Омара Фаика, стали жертвами сталинских репрессий. В Воззвании говорилось: "Рабочие, крестьяне, солдаты, все трудящиеся Грузии! Пробил час вашего освобождения из-под ярма грузинских меньшевиков, - верных лакеев международного реакционного империализма…Ныне трудящиеся Борчалинского уезда вновь подняли знамя восстания против насильников…Грузия отныне - социалистическая советская республика. Братские народы Аджарии, Абхазии и Осетии сами определяют свою судьбу. Восставшее трудовое население Борчалы свободным волеизъявлением решает вопрос о присоединении к Советским республикам Армении, Азербайджана или Грузии"

20 февраля 1921 г."

К сожалению, как и повсюду, где устанавливался большевистский режим, слова расходились с делами, благие пожелания сразу же заменялись неблаговидными поступками. Не избежали этой участи и жители Борчалы - азербайджанские тюрки.

Уже в первые же месяцы советской власти в Грузии, член ревкома Омар Фаик обращается с письмом к Председателю ревкома Ф.Махарадзе с предложением обсудить крайне ненормальное положение социально-политической и культурно-просветительской жизни мусульманского населения, насчитывающего в Грузии 300 000 человек. Омар Фаик пишет о необходимости выделить их в совершенно самостоятельную единицу.

Задача, которая не была воплощена в жизнь ни тогда, ни сейчас, когда азербайджанское население превышает полмиллиона, в то же время как автономию имели Аджария, Абхазия, Осетия с гораздо меньшим количеством населения. В этом письме Омар Фаик предлагал также создание "Комиссариата по делам мусульман", убедительно аргументируя эту идею.

В нескольких письмах к Махарадзе, затрагиваются жизненно важные проблемы мусульманского населения Грузии. В письме от 11 июня 1921 года Омар Фаик пишет Ф.Махарадзе:

“В одном из докладов моих к Вам я отмечал царящее среди мусульманского крестьянства спокойно-благожелательное отношение к политике правительства и к его мероприятиям. К глубокому сожалению, я лишен возможности сказать тоже об отношении крестьянства к местным учреждениям и отдельным лицам, которым в это тяжелое время вручена судьба населения. Начать хотя бы с того, что в ахалцихском уезде, где

70-80% жителей составляют мусульмане, все главные органы управления состоят почти целиком из служащих не-мусульман”. Далее он предлагает ввести в состав уездревкома по крайней мере двух-трех представителей мусульманского населения.

Возвращаясь к азербайджанской публицистике начала прошлого века, необходимо отметить, что характерными для нее были и острые дебаты, столкновения мнений по самым разным проблемам общественно-политической жизни. Наряду с живым и плодотворным обсуждением путей развития национального самосознания, в некоторых органах печати находили место и крайне субъективные материалы, вызванные личной враждой, с мелкими придирками, нередко в оскорбительном тоне. После отъезда А.Агаева (Агаоглу), уроженца Карабаха в Турцию, в журнале “Зенбур” вышли пасквили, оскорбительные в отношении Ахмед бека. На эти пасквили в русскоязычной прессе ответил Рагим бек Меликов, а в газете “Терегги” (“Прогесс”) выходящей на родном языке, Узеир Гаджибейли. Так как Узеир бек был также уроженцем Карабаха “занбурчисты” делали акцент на противостояния “местных” бакинцев и “пришлых” карабахцев. В журнале была напечатана и карикатура на Узеир бека в карабахском одеянии.

В ответ Узеир бек писал: “Предупреждаю “занбурчистов”; какую бы мерзость не писали про меня, пусть пишут. Но пусть не стремятся, используя мое имя, внести раскол в нашу нацию, которая должна быть единой. Моя статья в защиту Ахмед бека никому не дает права провокационно противопоставлять бакинцев и карабахцев”.

Узнав об этой перепалке, Ахмед бек присылает письмо Гаджибейли, также опубликованное в газете “Терегги”: “Узеир! Я прочел твою статью в мою защиту от нападок в журнале “Занбур”. Я не знаю, что написали и нарисовали в “Занбуре”, но благодарю тебя за защиту, прошу и советую впредь не отвечать на подобные наскоки. Ты занимайся своим делом, по возможности служа народу. Пусть пишут что хотят, рисуют что хотят. Настанет день, устанут, устыдятся. Ты будь спокоен, не отвечай на подобные вещи. Будь уверен, каким бы неграмотным не было наше население, оно все прекрасно знает и каждого оценивает по достоинству”.

Как же повторяется история, вплоть до подробностей. И в наши дни, когда приходится отвечать на такие невежественные, клеветнические наскоки, слышишь “мудрые” советы: не обращай внимания, не реагируй, авось угомонятся, устанут и перестанут. Но ведь не устают, не перестают. Ведь за ложь и оскорбления им хорошо платят.

К сожалению, полемика на страницах прессы в первых двух десятилетиях XX века не ограничивалась подобными низкопробными поклепами, в нее, в полемику, вступали порой и весьма солидные и уважаемые деятели национальной прессы. Одним из достойных сожаления фактов, стала пикировка на страницах печати М.Шахтахтинского, А.Агаева и А.Топчубашева, которую литературовед Вилаят Гулиев называет “битвой трех мудрецов”. Он посвятил этой “битве” целую статью. Кстати и А.Топчубашев и М.Шахтахтинский были в свое время депутатами Государственной Думы России…

Когда в 1903-ом году Мухаммед ага Шахтахтинский получив разрешение в Петербурге, стал издавать в Тифлисе газету “Шарги-рус” - этот факт положительно расценили Алимардан бек Топчубашев и Ахмед бек Агаев, пообещав к тому же, сотрудничать в газете. Но Ахмед бек - человек прямой, бескомпромиссный, максималист, склонный говорить то, что думает напрямик, остался недоволен направлением и стилем “Шарги-рус” и откровенно написал об этом в газете “Каспий”. Хотя критика была довольно резкой, но в пределах определенных этических норм. Ответ Мухаммед-аги последовал незамедлительно, и он определил другой уровень спора в тоне прямых оскорблений и поношений. Так как редактором “Каспия” был Алимардан бек, то в ответе Шахтахтинского обыгрывалось его имя: “Мардан бейин мерданелийи” (“Честность Мардан бека”). Напомнив, что А.Топчубашев в свое время приветствовал издание “Шарги-рус” и обещал сотрудничать в ней, он, по словам Мухаммед-аги, отступился от своих слов предоставив возможность А.Агаеву поносить “Шарги-рус”. Если по отношению к Топчубашеву, стиль обвинений, несколько сдержанный, то в отношении Ахмед бека Шахтахтинский не гнушается ругани.

И пошло-поехало. Ахмед бек “вспомнив”, что Шахтахтинский в свое время сотрудничал в газете шовиниста Каткова, объявил его шпионом царской власти, доносчиком, поскольку тот припомнил Ахмед беку его пантюркисткие идеи.

Кстати, весьма нелицеприятно отзывался о Шахтахтинском и другой видный публицист тех лет, редактор газеты “Тазе хаят” (“Новая жизнь”) Гашум бек Везиров. Впрочем он не ладил и со многими другими журналистами той поры, не давал спуску и “Молла Насреддин”у, за критику в свой адрес. Святым для Гашум бека, как и для всей плеяды журналистов, было только имя Гасан бека Зардаби. Вернемся, однако, к “битве мудрецов”.

Более сдержанный А.Топчубашев подключился к этой полемике значительно позже. Как пишет В.Гулиев, в это время уже была достигнута договоренность о продолжении издания “Шарги-рус” в Баку на основе договоренностей между тремя боровшимися друг с другом “мудрецами”. Финансовое обеспечение бакинского издания газеты брал на себя миллионер-меценат Г.З.Тагиев.

Вилаят Гулиев пишет: Накануне перевода “Шарги-рус” в Баку М.Шахтахтинский признал в печати свои ошибки, и А.Топчубашев оценил это как его величие. По мнению А.Топчубашева другим важным фактором примирения было обещание А.Агаева активно сотрудничать в бакинском издании “Шарги-рус”. Но по определенным причинам это бакинское издание газеты так и не осуществилось. В это время в Баку уже стала выходить газета “Хаят” на родном языке под редакцией А.Агаева, Али бека Гусейнзаде и А.Топчубашева.

Хотя “битва трех мудрецов” и окончилось мудрым перемирием, но в дальнейшем, насколько мне известно, их судьбы не пересекались. А.Топчубашев - председатель Парламента Азербайджанской Демократический Республики, глава ее делегации на Версальской Мирной конференции, прожил оставшуюся жизни в качестве политэмигранта в Париже и похоронен на французской земле, на кладбище городка Сен-Клу.

Ахмед бек, пройдя через ссылки в период оккупации Турции войсками Антанты, избирался депутатом Парламента этой страны, умер и похоронен в Стамбуле. Шахтахтин-

скому удалось выжить в советский период и умереть естественной смертью на родине - в Азербайджане в 1931-м году.

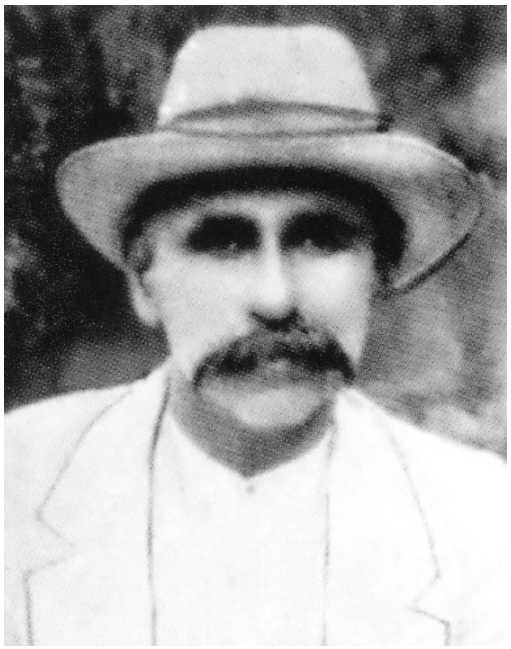
В список фактов положительной деятельности Шахтахтинского следует занести и его плодотворное участие в писательской и журналистской судьбе М.Дж.Мамедкулизаде, которого он печатал в “Шарги-рус” , а в основанной им типографии “Гейрат” (“Честь”) стал впоследствии выходить журнал “Молла Насреддин”.

Мирза Джалил косвенно объясняет и причину полемики “трех мудрецов” не касаясь ее впрямую.

“Единственной тюркской газетой для мусульман Кавказа была газета “Шарги-рус”. Известно, что она была основана в Тифлисе и выходила там. Баку - город с миллионами и культурой, с такими героическими писателями как Ахмед бек Агаев, Али бек Гусейнзде, Гашум бек Везиров, Мухаммед Эмин Расулзаде, доктор Гарабек Гарабеков, поэт Музниб, Гаджи Ибрагим Гасымов, Джафар Бунятзаде и другие издали с завистью смотрели на ежедневную газету “Шарги-рус” в Тифлисе. В то время получить разрешение на издание тюркской газеты было очень сложно. Можно предположить, что разрешение на издание такой газеты первые журналисты Баку Ахмед бек Агаев и Али бек Гусейнзаде должны были получить в Петербурге, или же они должны были просить разрешение на такое издание учитывая политику Петербурга. Поэтому они пришли к мысли, что так как нет надежды на издание новой тюркской газеты, то следует воспользоваться возможностями “Шарги-рус” в качестве соучредителей или же перенести ее в Баку. Мухаммед-ага принял предложение Ахмед бека Агаева. Но кавказское правительство не разрешило Ахмед беку участвовать в газете”.

Этим в какой-то мере объясняется ревностное отношение Ахмед бека к “Шарги-рус”. Это отмечает и Вилаят Гулиев: “Может быть то, что несмотря на определенные попытки Ахмед беку не удалось получить разрешение на издание газеты, а оно было дано лицу, по его мнению менее способному на это дело, и вызывало у него чувство ревности и зависти”. Но, считает В.Гулиев, в первоначальной стадии полемики, до того как она перешла в плоскость личных оскорблений, Ахмед бек руководствовался лишь благими намерениями, выдвигая свои соображения насчет улучшения деятельности “Шарги-рус”. Он лишь выражал свои пожелания в отношении единственной газеты на родном языке. В процессе полемики - обе стороны перешли пределы, допустимые этикой.

Я невольно сравниваю уровень и тон полемики А.Агаева и М.Шахтахтинского, с тем, как подобная полемика с разными оппонентами, да с тем же самим Ахмед беком, велась на страницах журнала “Молла Насреддин”. Ни в какой степени не опускаясь на личные оскорбительные выпады, не сводя каких то личных счетов, Мирза Джалил с неподражаемым сарказмом касался самых острых проблем. Причем стрелы “Моллы Насреддина” сразу поражали несколько целей. Так, например в фельетоне “Иршад” (“Иршад” редактировал Ахмед бек Агаев) касаясь опубликованного в этой газете материала, Мирза Джалил якобы “обвиняет” Ахмед бека: “Ты будто бы учился науке в балаганах Европы, скажи-ка мне, а что такое “асмурш?”. Не знаешь? Так иди и не разглагольствуй больше о науке. “Асмурш” это имя одного беса. Ну допустим, ты не знаешь имя этого беса, а как насчет других? А ну-ка, скажи, посмотрим… Ах не знаешь? Так узнай Джемлиха”, “Махзмул”, “Зебендере”, “Гаруш”, “Саруш”.

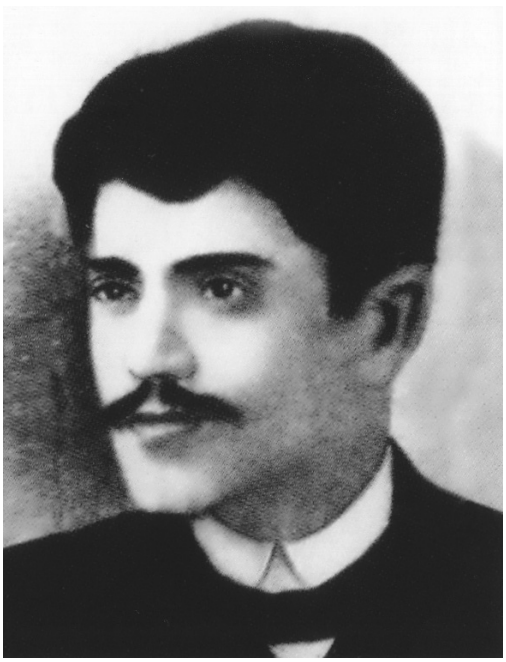


Гашум бек Везиров

Так слегка задевая европейскую образованность Ахмед бека, автор фельетона направляет свой сарказм против мракобесия, невежества. Или в другом фельетоне, где опять таки фигурирует имя А.Агаева, Мирза Джалил направленное Ахмед беку вполне серьезное письмо некоего Наджафа Яхья оглу восхваляющее шемахинского мракобеса Гаджи Меджид-агу, превращает в шутку. Якобы, все эти хвалебные слова корреспондент пишет понарошку. С другой стороны, Мирза Джалил не милует и самого Ахмед бека за то, что тот в ответ на это письмо также всерьез объявляет Гаджи Меджида-агу, "нашим совершенным наставником". "Это, конечно, Ахмед бек также пишет в шутку", - резюмирует Мирза Джалил. В ответ на слова Наджафа Яхьи оглы, что он является выразителем мнения всех мусульман, М.Дж.Мамедкулизаде вспоминает моллу селения Данабаш, который утверждал, что именно это селение является центром вселенной.

Трезвое отношение к публикациям прессы тех лет выражается во всех фельетонах М.Дж.Мамедкулизаде. Приводя цитату из газеты "Терджуман" о том, что молла Абдуррашид Ибрагимов выступал перед учеными в Японии и имел огромный успех, Мирза Джалил задается законным вопросом: если молла Абдуррашид не знает ни английского, ни французского, ни японского языка, на каком же языке он "покорял" японскую аудиторию. И сам же отвечает на свой вопрос: "Молла Абдуррашид Ибрагимов хорошо знает что, его письма из Японии читают только мусульмане, а не какая-либо другая нация. А мусульманам можно писать все, что хочешь, скушают, не беспокойся".

Опять же не могу удержаться от аналогии с нашим временам, когда некоторые наши деятели литературы и искусства, не ссылаясь на какой-нибудь конкретный факт, утверждают, что их опусы пользуются огромным успехом везде, а себя объявляют популярными во всем мире, обладателями несуществующих премий и призов. Но ведь и это предназначается для местной аудитории, поэтому не стоит беспокоиться, наши скушают все…



Гусейн Минасазов

Как и все современники Мирза Джалил относился с огромным уважением к Исмаил беку Гаспринскому и выпускаемой им газете "Тарджуман". Отдавая должное многолетней подвижнической деятельности этой газеты статью "Тарджуман"

он кончает лозунгом: “Да здравствует “Тарджуман”! И вместе с тем, он выражал свое принципиальное несогласие с некоторыми идеями этой газеты. “Тарджуман” пишет, что программа рабочих противоречит шариату. Потому что, в ней требуется отдать частные владения трудящимся, а в этом случае, у хозяев не останется места для совершения намаза. “Получается так, - пишет М.Дж.Мамедкулизаде, что во всем Макинском ханстве только Муртаза Гулухан имеет право на намаз, и ни пяди этого ханства нельзя отдать простолюдинам, дабы они тоже могли бы совершать намаз”.

В 2010 году к 135-тилетнему юбилею национальной прессы был издан ценный двухтомник “Антология истории азербайджанской печати”. Первый том завершается заметками видного писателя Абдуллы Шаика (1881-1959) “О журнале Фьюзат”. Под текстом нет указания времени его написания, поэтому он производит несколько странное впечатление. Создается ощущение, что эти заметки писались в разные времена, ибо на одних и тех же страницах дается и крайне отрицательные оценки этого журнала, характерные для советских лет, и весьма положительные, которые как бы написаны сегодня или же в начале XX века. Охарактеризовав “Дифаи”, как террористическую группу(?!) А.Шаиг отмечает, что газета “Хаят” и журнал “Фьюзат” были основаны реакционными журналистами. О редакторе этих изданий Али беке Гусейнзаде А.Шаиг сообщает, что он проявлял симпатии к турецкой литературе и, вернувшись в Баку из Турции, принес оттуда вредные мысли, идеи панисламизма, пантюркизма, не имеющие никакой пользы для азербайджанского народа. Плюс к этому он внедрял в прессу непонятный народу язык, изобилующий арабскими, персидскими словами и оборотами. Когда спрашивали у Али бека “Для кого вы пишете, ведь наш народ не понимает то, что вы пишите”, он отвечал: “Я пишу для интеллигенции, они понимают, и этого достаточно”. Правда, Гусейнзаде всегда говорил о родине, о народе, но ни в его произведениях, ни в его поведении мы не видели любви к Азербайджанскому народу, к азербайджанскому языку”.

Все эти слова написанные А.Шаигом можно понять как выражение духа времени, когда советская идеология требовала сурового осуждение тех идей и течений, которые олицетворял А.Гусейнзаде. Но как понять последующие на той же странице абзацы, если они написаны в то же самое время: “Али бек знал восточные и западные языки. Он был ученым, художником, музыкантом, литератором. Он был очень подготовленным человеком и старался принести обновление в Азербайджанскую литературу того времени, вырвать ее из узких рамок. Он старался знакомить нас, молодых писателей с западными классиками. Его литературная, общественно-политическая деятельность оказывала определенное влияние на молодежь. Али бек фрагментами написанными им самим, или текстами, которые он публиковал в своем журнале в качестве образцов, пытался реформировать наш язык, возвысить нашу литературу в стилистическом и художественном отношении. Он объяснял молодым значение поэзии и искусства, знакомил их с новыми формами стихов, втиснутых до этого в узкие рамки газелей и месневи. После этого литература в значительной степени обогатилась и в смысле формы, и в смысле содержания. Переводя отрывки из “Фауста” Гете, поэта, близкого ему по духу, он увлек молодых темой дьявола. Он заставил заговорить и Хади, который до этого не написал ни строчки”.

Итак в одном и том же тексте дается и отрицательная характеристика в духе советской пропаганды, и в то же время отмечаются несомненные заслуги одного и того же ли-

Габиб Джабиев

ца, что (положительная оценка А.Гусейнзаде в какой бы то ни было форме) было немыслимо в советское время.

Если А.Шаик писал это в стол, зная, что текст с такой положительной оценкой не опубликуют, то тогда к чему были эти шаблонные клише советского литературоведения насчет реакционности, панисламизма, пантюркизма? Загадка…

За годы советской власти функции печати претерпели кардинальные изменения. Если в досоветское время не давалось разрешение на издания определенных газет, если цензура кромсала и вымарывала целые страницы журналов, то в советское время все печатные органы должны были служить только одной цели - пропаганде коммунистической идеологии. Ни о каком разномыслии, отличных друг от друга общественно-политических направлениях, выражение любого альтернативного официальному мнения, не могло быть и речи. Но и в этих труднейших условиях были все же в Азербайджане публицисты, литературные критики, которые в прокрустовом ложе партийных нормативов старались служить делу просвещения, культурного возрождения, совершенствованию родного языка и таким образом работали во имя развитии национального самосознания, может быть даже не осознавая это ясно. Для искренних приверженцев коммунистической доктрины служение идеалам партии и интересам своего народа не составляли антагонизма. Прозрение приходило с годами. Наиболее честные из непримиримых радикалов, борцов с национал-уклонизмом в молодые годы, такие, как, скажем, Рухулла Ахундов, с возрастом стали более трезво оценивать национальную политики государства, которому они столь истово служили. Но было поздно. Карающий меч репрессий уже навис над ними.

Мустафа Гулиев

Рухулла Ахундов и такие ответработники как Мустафа Гулиев, Габиб Джабиев, Теймур Гусейнов были одновременно партийными функционерами, и руководителями определенных гуманитарных участков “социалистического строительства”, и периодически редактировали газеты и журналы, выступая в них с просветительскими статьями. Гюлара Кейлугызы была первым редактором журнала “Шарк кадыны” (“Женщина Востока”). С публицистическими и литературными статьями выступали

Гюлара Кейлу гызы (Кадырбекова) Видный общественный деятель, публицист. В разные годы возглавляла женские отделы в Шеки, Шамхоре, Бакинского комитета партии, редактор журнала "Шарг гадыны" ("Женщина Востока"), возглавляла женский клуб им.Али Байрамова.

критики и философы Кязым Алекперли, Али Назым, Ханафи Зейналлы. Конечно, в их текстах явственно чувствуется печать времени - вульгарно-социалистический подход к проблемам эстетики, общественной полезности искусства, но их нельзя упрекнуть в безразличии к судьбе родного народа, к будущему ее литературы и языка. Именно за эти грехи каждый из вышеназванных людей поплатился жизнью. Все они подверглись безжалостным сталинским репрессиям.

Естественно, и после погрома азербайджанской интеллигенции в 37-м году духовная жизнь в республике, в том числе ее определенные проявления и на страницах прессы, не заглохли. Было немало честных журналистов, которые служили своему народу в печатных органах, издательской деятельностью. О некоторых из них в этом томе помещены отдельные статьи.

Необходимо хоть и бегло коснутся еще двух областей азербайджанской прессы - это периодическая печать Южного Азербайджана и эмигрантские издания в Турции и странах Европы.

После разгрома освободительного движения Ш.М.Хиябани, в течении двух десятилетий в Иране не выходило ни одно издание на азербайджанско-тюркском языке. В годы Второй Мировой войны с вводом в Южный Азербайджан советских войск и с активной помощью "культурно-литературного десанта" из Советского Азербайджана, впервые за много лет стали издаваться здесь книги, газеты и журналы на родном языке. Следует отметить газету "Ветен йолунда" под редакцией Джафара Хандана и иллюстрированный журнал "Азербайджан" под редакцией Расула Рзы. После вывода советских войск свободолюбивые чаяния народа Южного Азербайджана вновь были самым жестоким образом подавлены шахской армией. И вновь на долгие годы исчезли какие-либо издания на азербайджанско-тюркском языке. После свержения и бегства Мухаммед Резы-шаха некоторое время возник буквально бум изданий на родной языке, но в последующие годы опять таки произошел спад. Единственным изданием на азербайджанско-тюркском языке,

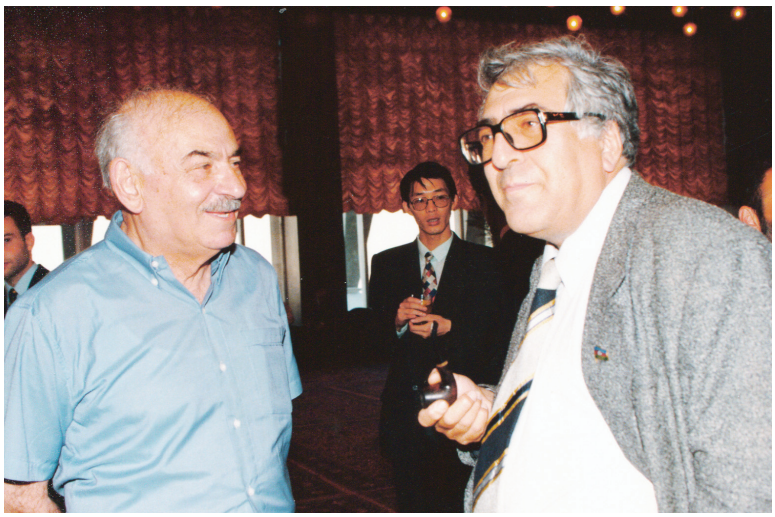
Теймур Гусейнов

Эмигрантские издания

выдержавшим все натиски в течении многих лет был журнал “Варлыг” под редакцией видного ученого гуманитария, хирурга с мировым именем Джавада Хейята. В этом и поныне выходящем журнале активно участвовали многие публицисты, писатели Южного Азербайджана, среди которых необходимо особо отметить друга и соратника Джавада Хейята покойного доктора Гамида Нитги - видного поэта, ученого.

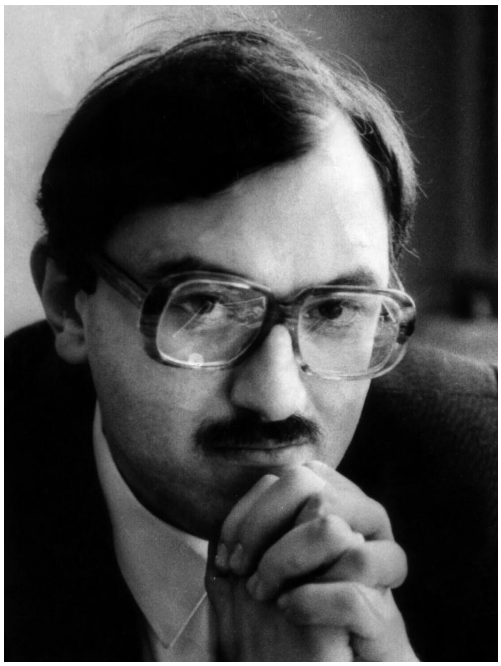
В течении ряда лет азербайджанские политэмигранты издавали в Турции разные журналы. После их выдворения из этой страны под натиском советского правительства, эмигрантские азербайджанские издания(порой совместные с эмигрантскими кругами других кавказских и туркестанских народов) выходили в разных странах Европы. В этих изданиях активно печатались видные политические и общественные деятели Азербайджана М. Э.Расулзаде, А.Топчубаши, Джейхун Гаджибейли, Мирзабала Мамедзаде, Ахмед Джафароглу, Гусейн Байкара, В.Юрдсевер и др. Позже к ним присоединились так называемые легионеры, советские военнопленные второй мировой войны. В книге Мамеда Джафарлы “Азербайджанская литература легионеров” я с удивлением обнаружил имя одного из авторов - Анар. До этого я предполагал, что являюсь первым носителем этого имени, придуманного моим отцом. Впрочем, по предположению автора этой книги, под псевдонимом Анар мог скрываться Абай Даглы, который несомненно, мог знать про имя Анар, так как еще в довоенные годы стихотворение Расула Рзы “Ингалейсо”, посвященное испанскому юноше, в котором упоминается мое имя, входило в школьные учебники. Кроме того, в числе легионеров был и искусствовед Энвер Казиев, близко знакомый с моим отцом и с нашей семьей. В советский период своей жизни он даже писал в газете о Расуле Рзе. Сохранилась их совместная фотография. Вполне вероятно, что имя Анар, запомнившееся кому-то из легионеров, использовался им как конспиративный псевдоним, дабы не создавать проблем для своих оставшихся в Союзе родственников. Ведь и Абай Даглы не настоящее имя Джамиля Агаева, а псевдоним.

Мне хочется сказать несколько слов и о некоторых журналистах-современниках. С некоторыми из них я дружил, с некоторыми был просто знаком, общался. Первым журналистом, запомнившимся мне своей неординарной личностью, был Гаджи Гаджиев. С ним я познакомился в годы моей ранней молодости, устроившись на работу в Комитет по радиовещанию и телевидению, которым в те годы руководила еще одна достойная личность - Теймур Алиев (Теймур Эльчин). Среди работников Комитета Гаджи Гаджиев выделялся, во-первых, своей приверженностью к современному искусству. Он был ярым поклонником музыки Кара Караева, в те годы, когда творчество великого композитора в Азер-



С Гаджи Гаджиевым

Фаик Мустафаев



Ровшан Мустафаев

байджане принимали далеко не все. Вторая особенность Гаджи Гаджиева, которая привлекала меня, заключалась в том, что он всегда прямо, смело и без обиняков выражал свое мнение на Художественных Советах, часто не совпадающее с мнением большинства. И третье. В умонастроениях Гаджи Гаджиева явно проявлялись диссидентские нотки, он не принимал многое в советской действительности и не боялся выражать это открыто.

Я тепло вспоминаю и Фаика Мустафаева, который в разные годы работал корреспондентом московских газет “Комсомольская правды” и “Советская культура”. Фаик был настоящим патриотом своего народа, старался преподнести его достижения в области литературы и искусства до всесоюзной аудитории. Я с благодарностью вспоминаю его беседу со мной на страницах “Советской культуры”, а также его отклик на постановку моей пьесы “Лето в городе” в той же газете. К сожалению, Фаик рано ушел, но помимо творческого наследия, он оставил и замечательных детей - близнецов Ровшана и Натаван, которые продолжили его дело на том же поприще публицистики и в таком же патриотическом духе.

Ровшан Мустафаев - первый ученый-политолог в Азербайджане, основатель целого научного института и важного журнала. Его книга “Страсти по виртуали” дышит праведным гневом по отношению к изуверам, подвергающим неслыханным насилиям представителей нашего народа, только из-за того, что они были азербайджанцами. В этой книге он приводит подлинные слова одного из таких головорезов: “Я уничтожил турецкое население на Басар-Кечаре, не разбираясь ни в чем. Но иногда жалеешь пули. Самое верное средство против этих собак - это то, чтобы после боя собрать всех уцелевших, переполнять колодцы ими и сверху добить тяжелыми камнями. Я так и поступал: собрал всех мужчин, женщин и детей и покончил с ними, заполнив камнями колодцы, куда они до этого были мною брошены”.

Вот характерное признание представителя “многострадального” народа, гордящегося своей древней культурой. После этого чему удивляться, если сердце Ровшана, переполненное страданиями всех, о ком он писал кровью души, не выдержало такой нагрузки,

он ушел из жизни в очень молодом возрасте.

Утешая Натаван после смерти Ровшана, я говорил ей, что теперь она должна прожить очень долго и взамен рано ушедших отца, брата и сделать то, что они не успели. Ибо Натаван, музыкант по образованию, обладает несомненным литературным даром. О чем бы она ни писала, чувствуется талантливое перо тонко чувствующей, широко эрудированной, глубоко интеллектуальной и в то же время ярко эмоциональной натуры, которой есть что сказать и которая прекрасно знает как это сказать, чтобы никого не повторять.

С Натаван Фаик гызы

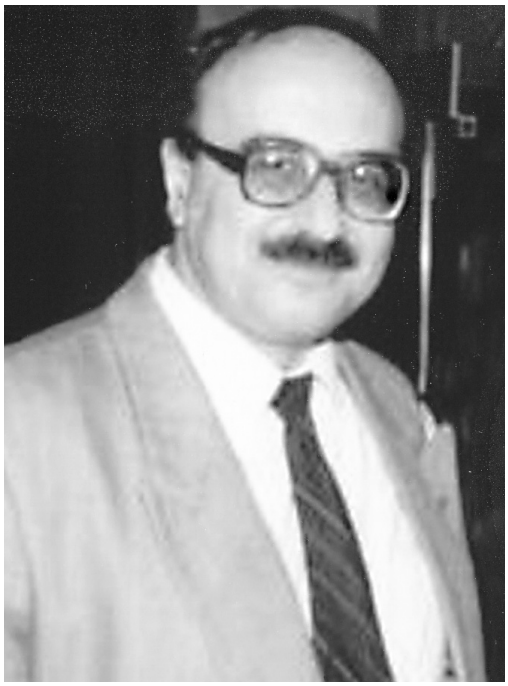
В наши дни важное значение имеет информационный выход за пределы страны. Наши публицисты начала XX века с горечью писали, что если армяне имеют огромное количество газет, то издание на родном языке для азербайджанских тюрков представляет задачу огромной трудности и редкие образцы нашей периодической печати выходят под бдительным контролем цензоров-армян, вроде Кишмишева, враждебно настроенных по отношению к мусульманам.

За прошедшее столетие мало что изменилось в этом отношении. Только в Москве выходят десятки армянских изданий на русском языке. Мы же не смогли сохранить единственную в пору начала карабахского конфликта газету “Панорама Азербайджана”. Она выходила под редакцией Фархада Агамалиева.

Фархад - еще один из наших патриотически настроенных журналистов, профессионал высокой пробы. Еще в советские годы за высказанное им предложение вернуть городу Кировабад древнее названия Гянджа, он был подвергнут обструкции в газете “Советская культура”, в которой до этого успешно работал и был на хорошем счету. Я написал письмо в его защиту, которое вместе со мной подписали Максуд Ибрагимбеков, Акрам Айлисли, Фархад Бадалбейли, но оно не возымело никакого действия. По настоянию бывшего бакинца, журналиста Г.Оганова, работавшего в той же газете, Фархад был выдворен из “Советской культуры”.

Позже ему удался редкий подвиг - опубликовать в московской “Независимой газете” большую статью, с объективным анализом событий в Нагорном Карабахе. За эту статью мы присудили Фархаду Агамалиеву учрежденную нашим Союзом писателей премию имени Наджафа Наджафова.

Наджаф Наджафов… Еще одно светлое имя в нашей современной журналистике. Редактор газеты “Молодежь Азербайджана”, в период начала так называемой гласности,



Наджаф Наджафов

он превратил это издание в рупор патриотических идей. “Мы в ответе за честь народа” - писал Наджаф, и сам свято следовал этому призыву. Вместе с газетой “Азербайджан”, выходящей на родном языке под редакцией поэта и публициста Сабира Рустамханлы, “Молодежь Азербайджана” были самыми основными печатными органами, которые несли правду о событиях в стране.

Наджаф Наджафов - один из основателей и признанных деятелей Народного фронта после прихода его к власти занял относительно скромный пост советника по печати Президента. И в этой должности он проявлял присущую ему принципиальность. В отличие от некоторых новоиспеченных вельмож, он не потерял головы от внезапно обрушившихся на него возможностей власти, а сохранил свою подлинно интеллигентную сущность как в личном общении, так и в административной деятельности. Наджаф был единственным человеком из числа руководителей Народного фронта, который мог в любой момент дня и ночи позвонить мне домой, предложить что-то, или посоветоваться о чем то. И я всегда прислушивался к его мнению и относился к нему с уважением. Надеюсь, что так же относился ко мне и он. Мне импонировало, что занимая пост советника по печати, Наджаф с принципиальных позиций выступал даже против своих товарищей по совместной борьбе, когда они переступали закон или допускали произвол по отношению к представителям прессы. Поэтому мы и учредили в Союзе писателей премию имени Наджафа Наджфова после его ранней смерти. Она несколько раз присуждалась за лучшие публикации об Азербайджане за пределами нашей страны.

Салатын Аскерова

С началом перехода Карабахского противостояния с печатных баталий, сражений словом в стадию вооруженных столкновений, наиболее смелые журналисты оказались на переднем крае борьбы. И некоторые из их числа стали жертвами этой войны.

От вражеских пуль погибла отважная журналистка Салатын Аскерова. 1961-го года рождения Салатын с 1988 года работала репортером газеты “Молодежь Азербайджана”. В 1990-1991 годах вела репортажи из Нагорного Карабаха, часто выезжала в зону боевых действий. 9 января 1991 го-

Еще одна жертва - карабахской войны тележурналист-герой Чингиз Мустафаев. Плейбой и ди-джей Чингиз, казалось, был рожден для беспечной жизни ради своего удовольствия. Рисковый городской парень, не прочь был и вступить в драку, мог и влюбиться без памяти. Был готов покончить жизнь самоубийством, из-за несчастной любви. Угомонился, женился, стал отцом. Одним словом мог прожить как тысячи своих сверстников, обычных молодых людей. Но тут началась война. И на нее люди, в том числе и молодые, реагировали по-разному. Для этого, как уже говорилось беспечного парня, участие в войне стало делом чести. Матери, пытавшейся отговорить его от поездки на фронт, он сказал: “Мама, как я могу сидеть дома на диване, пить чай и смотреть телевизор, когда на моей родине идет война?”

да не достигнув и тридцати лет, она погибла от выстрелов армянских боевиков по пути из Лачына в Шушу. Вместе с ней погибли командир батальона подполковник О.Ларионов, майор И.Иванов, сержант И.Гойек. Ларионов более пяти лет командовал батальоном, который весной 1990 года выдерживал атаки армян на село Баганис Айрум в Казахском районе. За его голову армянами была обещана награда в 10 тысяч рублей. У Салатын остался малолетний сын. Указом Президента Азербайджанской Республики от 6 ноября 1992 года, Аскеровой Салатын Азиз гызы было присвоено звание Национального Героя Азербайджана (посмертно). Ее именем названа улица в Баку. В ее честь названо также село Салатынкенд, близ которого она была убита. Народный поэт Наби Хазри посвятил ее памяти поэму.

Надгробный памятник Чингиза Мустафаева

И Чингиз с камерой на плече отправился на передовую, в самые горячие точки. Многие, с пафосом говорили о долге перед Родиной, о том, что готовы пожертвовать жизнью за Карабах и… следили за ходом боевых действий по телевизору, по репортажам Чингиза Мустафаева. Его камера зафиксировала героические усилия сопротивления врагу, и факты предательства тех, для кого борьба за власть в стране была важней борьбы с агрессорами. Ему удалось снять и трагедию Ходжалы, и эти кадры стали неопровержимыми свидетельствами перед всем миром геноцида в отношении этого города. Ему удалось зафиксировать на пленке даже момент собственной гибели. В Карабахе смерть сама взглянула ему в глаза оком кинокамеры.

По воспоминаниям младшего брата Сейфуллы, Чингиз, человек редкой храбрости, и в мирное время не раз рисковал жизнью и в уличных потасовках в юные годы, и на рыбной ловле в открытом море. Порой он даже имитировал свою смерть. Мне кажется, что это не было репетицией смерти, скорее это было выработкой некоего иммунитета против страха. Страха смерти. И отправляясь на самые опасные участки войны, он уже не боялся ничего.

В год гибели ему было 32 года. Указом Президента от 6 ноября 1992 года, Чингизу Мустафаеву было присвоено звание Национального героя Азербайджана. Другой брат Чингиза - Вахид снял яркий фильм о трагедии Ходжалы.

Еще один журналист - жертва Карабахской войны - Алы Мустафа, погибший в вертолете вместе с Государственными деятелями страны. О нем я писал в реквиеме “Сделавшие землю родиной”, включенным в этот том. Здесь же хочу привести отрывок из стихотворения Алы. Он был также поэтом. Этими строчками я и хочу закончить очерк, посвященный азербайджанской печати.

Отомстится за кровь, что пролита рекой,
Пал герой, но еще не окончился бой.
Прохожу по Аллее Шехидов святой,
И безудержным плачем исходит душа.

Тишину мирозданья сокрыла плита,
В платье свадебном спит молодая чета,
Не проснуться вовек им, никогда, никогда
И безудержным плачем исходит душа.

Скорбь и счастье вместились в одну колею
Свет и мрак у последней черты на краю
На пороге небесного царства стою
И безудержным плачем исходит душа

(Стихи в переводе С. Мамедзаде)
август-сентябрь 2012 г.

Добрые воспоминания

Насир Имангулиев

Задолго до личного знакомства с выдающимся журналистом Насиром Имангулиевым я наслышался о нем. Знал, что в годы войны он сотрудничал вместе с моим отцом в азербайджанской редакции армейской газеты. Руководил этой редакцией критик и театровед Джафар Джафаров. Многие годы спустя, когда Джафара Джафарова оклеветали в связи с военным периодом его деятельности, служившие вместе с ним на Крымском фронте писатели и журналисты Расул Рза, Али Велиев, Аббас Заманов, Ибрагим Новрузов выступили с письмом в защиту Джафара Джафарова, свидетельствовали о его мужественном поведении в самых тяжелых обстоятельствах. Одним из подписавших письмо был и Насир Имангулиев. И поэтому я уже питал к нему заочное уважение. Впоследствии, когда он работал редактором газеты “Баку”-”Бакы”, а я только-только начинал пописывать, мы познакомились лично.

Во время редакторства Насир муаллима эти газеты были из самых популярных наших газет, и отличалась от иных официозных газет публикациями более раскованных, более интересных материалов. Я охотно выступал в этих газетах, ибо всегда ощущал заботливое и доброжелательное отношение Насир муаллима. Помимо рассказов, эссе, статей, в “Баку” и “Бакы” были напечатаны из номера в номер и мои объемные произведения. В нескольких номерах кряду были опубликованы (на азербайджанском и на русском языках) моя документальная повесть “Происшествие в полночь”, эссе “Гвоздики для Шовкет ханым” (на обоих языках), путевые заметки “Память Польши” (на русском языке), и это, несомненно, было знаком доверия и уважения редактора к молодому автору. Насир Имангулиев был по человеческому складу прирожденным педагогом, а как редактор, при всей требовательности, не допускал неуместных вторжений в авторский текст (безотносительно от возраста автора).

Так как в те годы я порой сталкивался и с редакторами, будь то в Москве или в Баку - неуважительно обращавшихся с авторским текстом, такое бережное, высокопрофессиональное отношение Насир муаллима я вспоминаю с признательностью.

Вспоминаю и свою последнюю встречу с Насир муаллимом. Увы, это печальное воспоминание.

Насир муаллим потерял самых близких членов семьи, да тут еще от возгорания телевизора в квартире произошел пожар. При встрече с ним на улице он с горечью поведал мне об этом пожаре, погубившим множество его книг, рукописей. Я хорошо помню его печальное лицо, его слова, сказанные в тот день.

Я спросил у него: “Как вы, Насир муаллим?” - он отозвался: “Старость - плохая штука, Анар”.

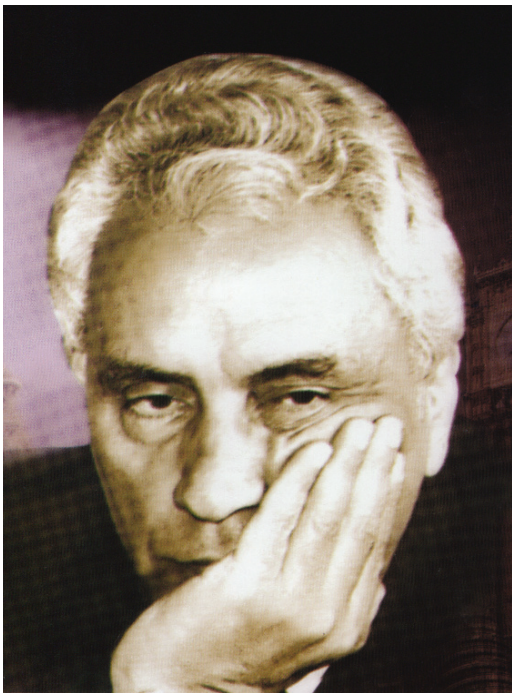
Вопреки этой грустной встрече Насир муаллим живет в моей душе всегда светлыми воспоминаниями, и мне никогда не забыть его доброго отношения ко мне в те далекие годы моей молодости.

6 декабря 2006 г.

Перевод Эльмара ШЕЙХЗАДЕ

Добропамятность

Знаю, что в русском языке нет слова, которое я вынес в заголовок этих заметок. Есть слово “память”, есть слово “злопамятность”, но нет “добропамятности”. Может быть по чисто психологической причине: большинство людей долго и упорно помнят подлинное или мнимое зло, которое им было причинено другими, но редко вспоминают добро, сделанное по отношению к ним. Мне кажется это связано с подсознательным желанием не отягощать свою память чувством долга или необходимости ответить добром за добро. Разумеется, без этого нравственного обязательство жить значительно проще.



Азад Шарифов

Отнюдь не льщу себя надеждой. что обогащаю великий и могучий русский язык неологизмом, но это слово показалось мне единственно нужным для выражения своего отношения к человеку, которому, собственно и посвящены эти заметки. Я имею в виду нашего видного журналиста Азада Шарифова.

Прожив трудное детство, Азад вступил на поприще журналистики простым корреспондентом, но за короткое время стал главным редактором весьма популярной в те годы газеты “Молодежь Азербайджана”. Затем были ответственные должности в московских изданиях - в журнале “Вокруг света”, газете “Известия” и корреспондентская работа от последней в Турции.

В 1969-ом году руководитель республики Г.А.Алиев выдвигает А.Шарифова на ответственную должность заведующего отделом культуры ЦК КП Азербайджана. Принципиальные преобразования и кардинально новая политика, естественно в рамках возможностей существующей идеологической, политической и экономической системы, которые стал смело проводит в Азербайджане Гейдар Алиев получили резонанс во всей стране. Существенным и очень значительным фактором во всех этих новшествах стал фактор культуры, стимулирование, активная поддержка, часто и необходимость защитить от всяческих нападок наиболее талантливые явления в литературе, искусстве. И в этом следуя наставлениям Г.А.Алиева, Азад Шарифов особенно важную поддержку оказывал тогда еще совсем молодым “шестидесятникам”. Выполняя работу партийного функционера, и сам был по духу “шестидесятником”, разделяя устремления, вкусы, понятия и иллюзии этого поколения. Именно в те годы в Азербайджане - в области лите-

ратуры, кино, театра, балета, музыки, изобразительных искусств, архитектуры были созданы произведения, не только выдающиеся по своим художественным качествам, но и поражающие своей смелой гражданской позицией, принципиально не совпадающей с критериями официальной идеологии и эстетики. Конечно, это вызывало яростное сопротивление консервативной части общества и в разных звеньях официальных структур, но к счастью, во главе этих структур в те годы стоял Г.Алиев и если, нередко с помощью того же Азада Шарифова, удавалось, минуя все промежуточные инстанции донести возникшую проблему до Первого секретаря, все решалось в пользу художников, а не их гонителей. И это не следует забывать, как бы все это не фальсифицировалось сейчас, как бы не подавалось в превратном свете, как бы не пытались некоторые мазать все прошлое одной черной краской. И когда я в самом название своих заметок пытался выразить мысль о доброй памяти, я имел ввиду именно это. Злопамятностью было бы называть имена тех, кто особенно усердствовал в те годы, с целью всячески воспрепятствовать появлению в литературе, искусстве, журналистике новых веяний, идей, новых форм, новых имен. Слава Богу, Время все расставило по своим местам. Неизбежное и своеобразное возмездие Времени заключается в том, что предаются забвению имена гонителей и хулителей, доносчиков и клеветников всех мастей, а имена доброжелателей живут, по крайней мере, в памяти тех, кому они когда-то сделали добро.

Я, как и многие другие люди моего поколения, помню те добрые дела, которые в разных ситуациях тогдашней непростой жизни сделал для нас Азад Шарифов. Из множества таких фактов, хочу вспомнить только три, касающихся лично меня. И пусть кто-то воспримет это, как возвращение долга благодарности человеку, который когда-то помог мне. Даже если это так, то что в этом плохого?

1974-ом году, Союз писателей СССР решил отправить меня вместе с известным грузинским писателем Григолом Абашидзе в творческую командировку в Турцию. В Азербайджане мою кандидатуру зарубили , как выяснилось гораздо позже, это было сделано по рекомендации КГБ республики. а туда, как выяснилось гораздо еще более позже - уже в наше времена, поступало изрядное количество доносов от моих же коллег. Доносили, что я протурецки настроен, что в этой стране живут мои родственники (Это было правдой), что я издаю пантюркистский журнал “Гобустан”. (В скобках замечу, в нашу демократическую эпоху кое-кто из коллег продолжают писать свои доносы, естественно исходя из прямо противоположных политических установок, эти их опусы из анонимных превратились сегодня в авторские, находят место на страницах газет и книг. Что ж, свобода слова, за которую мы так рьяно ратовали и боролись, подразумевала, оказывается, и свободу клеветы, измышлений, лжи.)

Анар с Азадом Шарифовым

Через год - в 1975-ом, Союз писателей СССР вторично включил меня в состав делегации, которую возглавлял Константин Симонов. И тогда я пошел

к Азаду Шарифову: “Если мне не доверяют, то как я могу оставаться редактором “Гобустана”, а если доверяют, то почему не пускают в Турцию?” Азад Керимович успокоил меня, сказал, что переговорит с Гейдаром Алиевым. И вскоре вопрос был положительно решен Первым секретарем, вопреки, опять-таки отрицательному мнению КГБ.

Через несколько лет, уже другая идеологическая инстанция, Главлит чинил всяческие препятствия постановке моей пьесы “Лето в городе” и опять же я с благодарностью вспоминаю роль А.Шарифова в благополучном для меня разрешении этой проблемы. Постановка была осуществлена, спектакль посетил Гейдар Алиев и высоко его оценил.

Сейчас мы с огромной радостью и гордостью празднуем юбилей “Китаби Деде Горгуд”. А сколько препятствий пришлось одолеть в годы, когда снимался фильм по мотивам эпоса. И какие же специалисты по “Деде Горгуду” оказалось вдруг в Азербайджане, которые свою основную задачу видели в том, чтобы не допустить его воплощения в любых других жанрах и формах. Помню, литературный сценарий был послан во многие научные учреждениям в том числе в институт истории. Один из тогдашних руководителей этого института, не хотел даже вернуть мне текст моего собственного сценария, видимо полагая, что раздобыл уникальный подрывной материал. Не называю его имени, но не только потому, что злопамятность не в моем духе, а просто по той причине, что действительно не помню ни имени, ни фамилии этого человека. Зато отчетливо помню, выражение его лица, когда из его кабинета я позвонил в ЦК Азаду Шарифову и попросил, чтобы мне вернули мой же собственный сценарий. Потом я передал телефонную трубку обладателю моего сценария, тот что то выслушал, лицо его стало пунцовым и повесив трубку он без лишних слов вернул мне свой “боевой трофей” - сценарий “Деде Горгуд”.

Я думаю, немало подобных эпизодов могут рассказать и мои коллеги (конечно, не из числа доносчиков), делавшие в те трудные годы свои первые творческие шаги.

Конечно, если бы мои заметки назывались иначе и если бы я не писал лишь о том, что связано лично со мной, я должен был бы начертить более подробный и объемный портрет Азада Шарифова, нашего первого журналиста-международника, автора многих интересных и нужных книг. таких, например, как “Чайки над Босфором”, “Трагедия длиною в два года”, “Необъявленная война” “Армянский терроризм”, “Люди моей жизни” и др. Кстати, члена Союза писателей. Но, наверное, это уже тема другой статьи.

Мне же хочется закончить эти заметки упоминанием одного факта. В свое время Интерпол сообщил, что “за массовое издание на английском и русском языках книги “Армянский терроризм” авторы этой книги Исмет Гаибов и Азад Шарифов приговорены к смертной казни международной террористической организацией “Асала”.

Исмет Гаибов - бывший прокурор республики погиб вместе со многими другими достойными людьми, среди которых были мои близкие друзья, в вертолете в Карабахском небе, при до сих пор невыясненных обстоятельствах. Азаду Шарифову 7 апреля исполняется 70 лет, и даст Бог, он, назло всяким “Асала” проживет еще не один десяток лет в добром здравии и с острым пером. Этого желают все, кто помнят его заслуги в области нашей журналистики и культуры, те, кто не забыл его доброго отношения к себе и его дружескую поддержку в разные времена нашей такой непростой жизни, такой изменчивой судьбы.

2 апреля 2000 г.

Издатель-энциклопедист

Назим Ибрагимов

Назиму Ибрагимову исполнилось 75 лет. Назим хорошо известен азербайджанскому обществу как узнаваемый и достойный представитель поколения шестидесятников.

Когда-то вызывавшее определенные споры, а позже иронию и насмешку это понятие - “шестидесятник” уже нашло подтверждение в истории, однако, до сих пор находятся те, кто не воспринимают, не любят, а порой и ненавидят людей, представляющих это поколение. Деятельность шестидесятников было литературно-художественным, общественно-политическим событием, наложившим свою печать на всю общественно-политическую жизнь не только Азербайджана, но и всего СССР. Но удивительная, а может закономерная сторона этого вопроса в том, что и по сей день те, кто относится к этому поколению с ненавистью, а порой и с откровенной враждебностью, правят бал не только в Азербайджане, но и во всех странах постсоветского пространства, в том числе, в России.

Один из самых ярких представителей поколения шестидесятников, известный русский поэт Евгений Евтушенко в связи с этим пришел к очень четкому и точному определению:

“Я презираю тех, кто пытается перечеркнуть поколение шестидесятников. Как правило, это от зависти к сделанному нашим поколением”.

И в Азербайджане мы наблюдаем аналогичную картину. По собственному признанию некоторых, можно, оказывается, притязать на звание поэта, не написав ни строчки, стать прозаиком, не создав ни одного произведения и таким путем одолеть истинных поэтов и прозаиков, одержать над ними верх. Ни написав ничего, объявить себя писателем! Но как же, пишут… Не способные ничего создать в других жанрах, они преуспевают в клевете, в оскорблениях. Причем, о чем и о ком они не писали бы, их главная цель - обязательно уколоть известных представителей поколения шестидесятников.

По этому поводу в одном из своих интервью точно выразился Назим Ибрагимов: “Одни рождаются, чтобы строить, созидать, другие, чтобы крушить и разрушать”.

Мой дорогой Назим! Дело в том, что те, кто не способен к созиданию, не имеют и сил, чтобы по-настоящему ломать.

Вопреки укусам мошкары видные представители шестидесятых сумели и продолжают делать наиболее важное в жизни: создавать нравственные, материальные и культур-

ные ценности. Оттого понятие “шестидесятник” не столько хронологическое, сколько адресное обозначение поколения, совершившего переворот в литературе, искусстве, культуре целой эпохи, определившей новый этап в развитии общественного и национального сознания.

Гейдар Алиев награждает Назима Ибрагимова

Деятельность людей, появившихся в эту эпоху определило время, история. Мудрые слова Мирзы Джалила Мамедкулизаде, сказанные по поводу издания журнала “Молла Насреддин”: “Молла Насреддинна” родило само время” можно отнести и к “шестидесятникам”

Писатели, поэты, композиторы, деятели театра и кино, вдохновленные некоторым “глотком свободы” (снова выражение Джалила Мамедкулизаде), с новым энтузиазмом, вдохновением, мировоззрением и восприятием жизни взялись за созидание и сказали свое слово. И это открыло дорогу новым, в том числе, отрицающим “шестидесятников” поколениям, оказало на них в той степени влияние, в которой они не желают признаться, определило направленность развития литературы и искусства. Я сознательно называю в первую очередь деятелей литературы и искусства, так как они, как правило, всегда на виду, на переднем плане. Но среди “шестидесятников” особое место занимают скромные, самоотверженные, передовые люди, которые занимались административной, практической работой в таких важных областях, как культура, печать, книгоиздание. Один из таких самоотверженных личностей мой друг - Назим Ибрагимов.

Джаваншир Ибрагимов, Анар и Назим Ибрагимов

Знаю Назима более пятидесяти лет - еще с университетских времен. Поверхностное знакомство тех лет впоследствии переросло в дружбу и этому есть причина - оба мы “шестидесятники”, наше взросление пришлось именно на тот период, и мы формировались в одной и той же духовной атмосфере. Желание прочувствовать жизнь во всей ее объемности, необузданные юношеские мечты, наши надежды и иллюзии - были духовным прост-

Назим Ибрагимов, Анар, Ирен Меликова, Рауф Исмайлов

ранством, объединяющим это поколение. А сейчас, когда мы оба перевалили за семьдесят наши хрупкие воспоминания - ностальгия по ушедшим годам, тоска по былому.

Общее, объединяющее все поколение “шестидесятников”, исключая нескольких отступников и изменников, их верность и надежность в дружбе и в отношении друг к другу.

Журналист Эсмира Фуад написавшая искренний очерк о Назиме Ибрагимове особо отмечает его аристократизм.

Слева Рамиз Гасаноглы, Назим Ибрагимов, Чингиз Абдуллаев

“Он напоминает мне европейских, русских дворян XIX века. Можете спросить, почему же иностранных аристократов? Дело в том, в европейской и русской классической литературе, а также в кино так подробно воссозданы среда, отдельные персонажи той эпохи, что мы как бы видим воочию подобных людей и в нашей реальной действительности. Аристократизм, однако не означает лишь импозантность внешнего облика, изысканность и аккуратность в одежде, умение красиво говорить. Подлинный аристократизм - прежде всего чувство высокой духовности, патриотизма. Всеми этими качествами и обладает Назим Ибрагимов в первую очередь. Он, конечно, один из представителей родовитой азербайджанской аристократии в наши дни”.

Как я уже говорил, поверхностное знакомство с Назимом впоследствии переросло в дружбу. Ныне, к тому же, после того как я пригласил его на работу в Союз писателей, мы стали коллегами. Он с удовольствием принял это предложение и действительно оказал, благодаря своему богатому опыту организатора и администратора большую помощь нашему Объединению. Особенно эти его качества проявились во всех делах нашего творческого объединения, вплоть до проектирования и реконструкции здания Союза писателей.

Иные ревностно относятся к этим искренним, дружеским отношениям “шестидесятников”. Отношения, построенные на местничестве, кумовстве, групповщине, на родст-

Бахтияр Вагабзаде, Назим Ибрагимов и Гусейн (внук Назима)

венных отношениях - фальшивы, корыстны, преходящи. Так отчего же кажутся удивительными близость, понимание друг друга и родственные чувства, рожденные этим пониманием, наших современников, чья юность и молодость пришлись на одну и ту же эпоху, что прошли сквозь горнила столь схожих жизненных испытаний, общественно-политических катаклизмов, одних и тех же исторических событий, были свидетелями трагических дней, жили одними и теми же надеждами, мечтами и огорчениями из-за несбывшихся надежд.

Назим Ибрагимов с очень ранних лет работал на высоких должностях - первый секретарь одного из крупных районов Баку, председатель Государственного Комитета по Печати, Главный редактор Энциклопедии, генеральный директор издательства “Азербайджан”, с 1975 по 1991 годы депутат Верховного Совета Республики и даже много лет

Слева: Назим Ибрагимов, Эльдар Кулиев, Юсиф Самедоглу, Гасанага Турабов. Амстердам 1987 г.

являлся президентом теннисной федерации, но на каждой должности, в самих сложных ситуациях не менялось его заботливое отношение к людям. В том числе, отношение к людям, с которыми дружил долгие годы - длинною в жизнь. Всегда оставался цельным человеком, хозяином своего слова, четко выполняющим свои обещания, работником изначально внимательным и заботливым к людям искусства, литературы.

Наставляя его на ответственную должность секретаря райкома и услышав его сетования по поводу клеветнических анонимок в адрес кого то ни было и в свой адрес, Первый секретарь ЦК КП Азербайджана, незабвенный Гейдар Алиев сказал: Анонимки пишут на всех, в том числе и на меня. Надо работать так, чтобы ни одна из них не подтвердилась.

По образованию Назим - геолог, как фанат тенниса - мастер спорта, испытывает свое перо и в литературе - он автор либретто оперы “Натаван” музыку которого написал Васиф Адыгезалов. Написать либретто именно о Натаван побудили Назима Ибрагимова события в Карабахе. Создавая музыкально-литературный образ поэтессы - дочери последнего Карабахского хана, авторы оперы композитор Васиф Адыгезалов и либреттист Назим Ибрагимов пытались воспеть величие этого исконно азербайджанского края, его культурное богатство. Арии Натаван звучат как прямое обращение к современным поколениям, как призыв освободить эту священную землю от оккупантов. Но в какой бы сфере он не трудился, Назим прежде всего издатель.

Профессиональный издатель с опытом полиграфиста, организаторскими способностями, художественным вкусом. В одном из своих интервью Назим говорил: “Издательский профессионализм совершенно особое дело. Мне очень жаль, что мы не озабочены подготовкой, воспитанием будущих издателей. Теряя издателей, мы лишаем писателей,

На приеме у Министра культуры Турции Намика Кемаля Зейбека.
Слева Назим Ибрагимов, Н.К.Зейбек, Анар, Наби Хазри

поэтов рук, крыльев. Издательское дело - особая школа. Кто же будет создавать эту школу? Часть издательств испытывают материальные трудности, а часть мы уже потеряли".

Шеки. Во время съемок фильма "Посол рассвета" Анар с Назимом

Но вопреки всем этим трудностям, если мы употребим ныне модное слово "проект", в голове Назима всегда кружатся интересные проекты, и, к счастью, большинство из них он умеет претворить в жизнь. Именно по его инициативе и под его руководством вышла в свет первая в Азербайджане персональная Энциклопедия - Энциклопедия Узеира Гаджибекова (на азербайджанском и русском языках), Энциклопедия Джалила Мамедкулизаде, в ближайших планах Энциклопедия, посвященная Мирзе Фитали Ахундзаде.

В дни празднования 75-летия нашего писательского объединения Назим активно участвовал во всех мероприятиях, составил и издал интересную книгу, отражающую историю нашей организации и ее структуру.

Именно благодаря продуктивным стараниям Назима, увидела свет прекрасно изданная двухтомная Антология - "1500 лет огузской поэзии", над которой я работал долгие годы.

Одним из самых значительных наших совместных работ является трехтомник "Литература, Искусство, Культура Азербайджана", третий том которого вы сейчас держите в руках. В этот том включено и эссе, которое я в свое время написал к юбилею моего друга. Сейчас добавляю к этому старому тексту абзац о том, как мне были приятно и легко работать с Назымом в подготовке этой книги. Мы понимали друг друга с полуслова. Мои эссе и статьи, которые я писал в течении чуть ли не всей творческой жизни, собранные в этих томах усилиями Назыма Ибрагимова как высокопрофессионального издателя, дизайнера и просто как человека с отменным вкусом, нашли достойное издательское и полиграфическое воплощение.

Мы с Назимом планируем еще несколько общих дел. Десять лет назад в дни его 65-летия я написал статью. Я хочу повторить и в сегодняшнем поздравлении абзац из этой статьи: "Вспомнив знаменитых русских энциклопедистов Брокгауза и Эфрона Назим говорит: "Ты и я должны работать как Брокгауз и Эфрон". Я соглашаюсь и единственно спорным останется вопрос - кто из нас Брокгауз, а кто Эфрон".

Для тех, у кого туго с юмором, вынужден объяснить, это всего-навсего шутка. Никто из нас не претендует быть Брокгаузом или Эфроном. Потому что он - Назим Ибрагимов, а я

Анар

11 февраля 2010 г.

Подвижник

Рамиз Абуталыбов

Мне посчастливилось быть лично знакомым с несколькими подобными самоотверженными и бескорыстными людьми, внесшими значительный и все еще недооцененный вклад в развитие нашей культуры, науки. Одним из них, бесспорно, является ныне покойный Гулам Мамедли, подвижник без всяких научных званий и регалий, но который, тем не менее, проделал исследовательскую работу, равную деятельности целого института. Скрупулезно собирая сведения, систематизируя их и таким образом освещая жизненный путь Мирзы Джалила Мамедкулизаде, Наримана Нариманова, Узеира Гаджибекова, Гусейна Джавида, Джангира Зейналова, Гусейна Араблинского, он создал летопись истории азербайджанского театра.

Таким подвижником был и ученый-литературовед Аббас Заманов, многие годы своей жизни отдавший налаживанию и поддержанию связей с представителями азербайджанской диаспоры, с тюркологами в разных странах. Именно ему обязаны мы тем, что сегодня во многих университетах Турции, Ирана и других государств имеются солидные разделы из азербайджанских книг, многие из которых он приобретал и посылал за счет своего скромного бюджета.

Одним из таких подвижников, но уже в несколько иной сфере, является и, к счастью, ныне здравствующий Рамиз Абуталыбов, дипломат и журналист, автор ценных книг, член Союза писателей Азербайджана. К нему в полной мере относится определение: человек, создавший себя сам. Сталинские репрессии не обошли и семью Рамиза, и, казалось бы, человеку с таким “пятном” в биографии заказан путь в советскую дипломатию, а дипломатом Рамиз мечтал стать с самого раннего возраста. Но он не из тех, кто покорно сдается на милость судьбы. Путь к своей мечте он начал из самых дальних от дипломатии областей: окончил геологический факультет Азербайджанского госуниверситета, работал в Бактоннельстрое, Госкомитете по науке и технике, занимался журналистской деятельностью. Но при этом никогда не забывал и о своей главной цели в жиз-

ни - стать профессиональным дипломатом. И стал им, окончив в 1971 году факультет экономистов-международников Всесоюзной академии внешней торговли и получив назначение в МИД СССР. Но Рамиз не из тех, кто останавливается на достигнутом. Он сразу же подает документы для участия в конкурсе на вакантную должность в секретариате ЮНЕСКО в Париже, и без всякой протекции становится победителем среди многих участников.

Отработав восемь лет, в 1985 году он, опять же без всякой протекции, добивается поста директора отдела в ЮНЕСКО и еще 8 лет работает на этой должности. Рамиз Абуталыбов - первый азербайджанец, не только занявший столь высокий пост в ЮНЕСКО, но и вообще первый наш сородич - сотрудник этой влиятельной международной организации.

Полад Бюлбюлоглы, Ф.Майор, Ройа Тагиева, Рамиз Абуталыбов

Анар и Рамиз Абуталыбов

Казалось, цель достигнута, он - уважаемый сотрудник престижной организации системы ООН, профессиональный дипломат, работающий в одном из самых прекрасных городов мира. Но подвижники тем и отличаются от многих других людей, что не ограничиваются выполнением своих прямых профессиональных обязанностей, - они постоянно чувствуют ответствен-

ность перед временем, долг перед своим народом и не успокаиваются, пока не сделают для возвращения этого долга все, что в их силах. Первым делом Рамиз устанавливает в Париже связь с азербайджанской эмиграцией первой, второй и третьей волны, хотя в те времена это было чревато большими неприятностями для советского дипломата.

Но он справедливо полагал, что эти люди, эмигранты поневоле, а с ними и целый трагический пласт азербайджанской истории не должны быть преданы забвению. И пользуясь своими контактами, Рамиз приобретает бесценные документы с тем, чтобы затем передать их подлинному хозяину - азербайджанскому народу. Вот только небольшой список ценнейших приобретений Р.Абуталыбова, доставленных им в Баку: "Семь красавиц" Низами на французском языке, эпос "Кероглу" в переводе Жорж Санд (1855), эпос "Кероглу" в изложении тебризского ашыга XIX века Садыха, обзор азербайджанской литературы Юсифа Везира Чеменземенли на французском языке, копия портрета Низами работы Гасана Ахвердова 1943 года, когда художник был в составе азербайджанского легиона, две комедии М.Ф.Ахундова, изданные в 1904 году на французском языке.

В этот впервые публикуемый список не включено огромное количество материалов, переданных Р.Абуталыбовым до этого в Госархив республики, о чем уже были сообщения в прессе. Некоторые из этих материалов Рамиз издал в виде книг со вступительными словами. (Кстати, он автор и очень интересной книги о парижском периоде своей жизни, о встречах в этом городе).

Высокие гражданские качества Рамиза Абуталыбова проявились и в роковые годы карабахского конфликта. Он неустанно пытался донести до французской и, следовательно, в какой-то мере и мировой общественности правду о сути этого противостояния, справедливую и оболганную проармянской прессой в России и на Западе позицию азербайджанской стороны. Он организовал выступление нашего известного писателя Рустама Ибрагимбекова по французскому телевидению, которое имело большой резонанс, нанесло сильный удар по проармянской пропаганде во Франции.

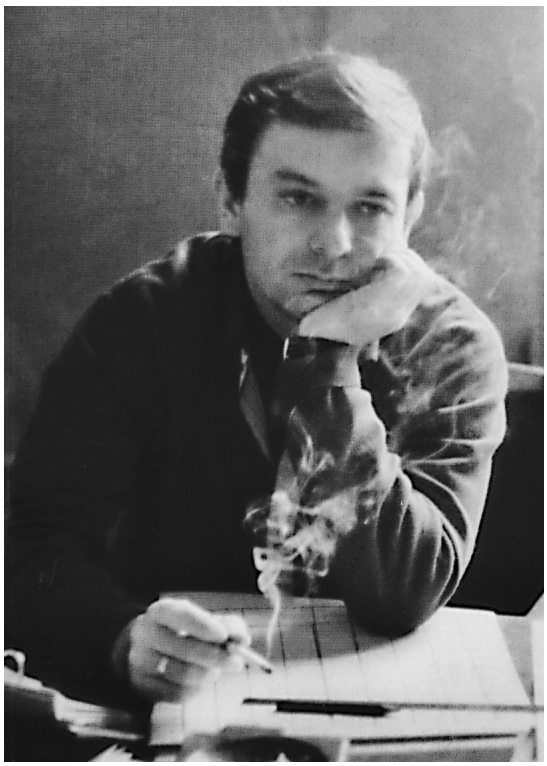
Рамиз Абуталыбов - неизменный и активный участник юбилейных мероприятий, посвященных Мирзе Фатали Ахундову, Физули и "Китаби Деде Горгуд", организатор приезда в Баку гостей из Франции.

Ныне Рамиз уже в другой столице - Москве - занимается такой же самоотверженной и плодотворной работой во благо Азербайджана. И, думается, самое высокое звание за эти усилия - это слово "подвижник", которое так точно определяет многолетнюю деятельность Рамиза Абуталыбова.

“Порядочность в наше время - немалая доблесть”

Вспоминая о Зауре Кадымбекове - талантливом журналисте и достойном человеке, я хочу рассказать два эпизода, имевшие важное значение не только для его личной, но и всех нас жизни. Начало конфликта. Его стремительное, ошеломлявшее размахом и иррациональностью, как в театре абсурда, развитие. События, одно горше другого, которые не успевали ни

Гейдар Алиев и Заур Кадымбеков



Заур Кадымбеков

осмыслить, ни осознать. И острое чувство обиды. Никто не слышал и слушать не хотел о чудовищной несправедливости обрушившихся на нас обвинений. Даже с трибуны Верховного Совета СССР. Вот в этой ситуации, казалось, полной безысходности 21 марта 1988 года и появилась в “Правде” статья “Эмоции и разум”. Под статьей стояли три фамилии: московского корреспондента “Правды” Г.Овчаренко и двух собкоров, бакинского и ереван-

Заур Кадымбеков с супругой Тунзалой Касумовой

ского - З.Кадымбекова и Ю.Аракеляна. Те, кто помнит, как все это - весь обрушившийся на нас ужас - начиналось, вспомнят, наверное, и тот эффект, который она произвела: радость, ликование, ощущение, что наконец-то этому кошмару наступает конец - в Азербайджане, и отчаяние, гнев, разочарование - в Армении. Для подобной реакции были все основания. Статья впервые с начала событий давала политическую оценку происходящему, назвав решение сессии областного Совета депутатов НКАО антиконституционным, а его мотивы - национал-сепаратизмом. То, что подобная оценка прозвучала со страниц главного органа ЦК КПСС, придавало ей официальную силу. Отсюда и резонанс: в то время, как Заур здесь принимал поздравления, армянскому корреспонденту, спасаясь от обвинений в предательстве и угроз, пришлось бежать в Москву, а через месяц, насколько я помню, "Правде" под давлением Еревана пришлось и вовсе снять его с работы. Так вот, я хочу сказать, что на самом деле Аракелян перед своими соотечественниками не был виноват. Знаю, что вместе с Овчаренко, приехавшим в Ереван, он подготовил статью совсем иного содержания - в ней Армения и Карабах получали полную поддержку, а вся вина за случившееся возлагалась на Азербайджан. Овчаренко, поначалу мало ориентировавшийся в ситуации, с подачи Аракеляна и всех тех, с кем встречался в Ереване, приехал в Баку с соответствующим настроем. И то, что в окончательном варианте статья получилась именно такой, - исключительно заслуга Заура. Как мне позже рассказывали, это он смог убедить сначала Овчаренко, а потом и руководство редакции в абсурдности выдвигаемых обвинений и раскрыть глаза на сущность происходящего. Правда, наше торжество длилось недолго. Слишком мощные силы были пущены в ход для достижения десятилетиями лелеемой армянами цели, чтобы можно было ей помешать одной публикацией, пусть и в главной газете страны.

Статья, которую в Армении до сих пор называют не иначе, как "мерзкая", не осталась незамеченной в ЦК КПСС. "Правду" за допущенную "самодеятельность" быстренько приструнили, обязав впредь "не нарушать баланса", что неукоснительно и соблюдал сменивший разумного академика Ивана Афанасьева на посту главного редактора горбачевский ставленник Владимир Фролов. Но поступка - а это был именно поступок - Заура Кадымбекова это обстоятельство умалить не в состоянии. Он сделал - по максимуму - то, что смог, а может, и чуть больше того.

Позже стало еще сложней - всем, в том числе и московским собкорам. Центральные газеты все чаще публиковали материалы, не считая нужным, вопреки существовавшей ранее практике, согласовывать их со своими представителями на местах.

Таковой была и клеветническая статья “Алиевщина, или Плач по сладкому времени”, опубликованная в “Правде” 4 февраля 1990 года - через две недели после 20 января и исторического выступления Гейдара Алиева в азербайджанском постпредстве в Москве. Цель статьи была очевидна - опорочить азербайджанского лидера, осмелившегося обвинить в совершении кровавой расправы в Баку Горбачева и ЦК КПСС. Публикация, подписанная неким В.Эфендиевым, вызвала гнев и возмущение не только родных Гейдара Алиева, но и всех, кто осознал мотивы ее появления. Тогда-то ко мне и обратился ныне покойный академик Гасан Алиев с просьбой организовать ему встречу с правдинским собкором Зауром Кадымбековым - для прояснения ситуации и опровержения вылитой на Гейдара Алиевича и всю его семью бессовестной клеветы. Я тут же поговорил об этом с Зауром.

У этой истории есть продолжение. Заур, проведя собственное расследование, смог найти автора статьи. Оказалось, ничего подобного тот не писал. Письмо профессора АМИ о плачевном состоянии здравоохранения и подготовки медицинских кадров в Азербайджане было отправлено им в “Правду” много месяцев назад. Письмо вошло в статью парой абзацев - все остальное, включая название, было сделано редакцией без его ведома. Об этом и говорилось в написанном В.Эфендиевым опровержении, отправленном Зауром в редакцию после долгих и, надо думать, совсем непростых переговоров с руководством газеты. Получил письмо от Эфендиева и Г.Алиев: “Дорогой Гейдар Алиевич! Статья “Алиевщина, или Плач по сладкому времени”, опубликованная в “Правде” за моей подписью, является провокацией и грубым вымыслом, под которым я никогда не подписывался...”. Этот текст - слово в слово - был напечатан в “Вашингтон пост”. Но и “Правда”, пусть и с купюрами, только по существу, и пусть мельчайшим шрифтом, вынуждена была разместить поправку о том, что в такую- то статью были внесены редакционные добавления без согласования с автором. И это тоже было заслугой Заура Кадымбекова.

Я вспоминаю Заура Кадымбекова как высокопрофессионального журналиста, патриота своей Родины - Азербайджана и, наконец, как очень порядочного человека, что в наше время является особенно немалой доблестью.

Мои "Гобустан"ские годы

В то время "Гобустан" выходил на самом высоком уровне. В те годы "Гобустан" сыграл очень важную роль в нашей жизни. В процессах нашего национального возрождения, национального пробуждения, национального самосознания роль "Гобустана" очень велика. Многие тогда, возможно, не осознавали этого. Может и сейчас многие не очень осознают это. Но я тогда следил за всем этим и создавал все условия для этого.

Гейдар АЛИЕВ

"Гобустан" - это не только моя юность, это юность всего нашего поколения. Тридцать лет назад, в 1968 году, когда я был назначен главным редактором этого альманаха, мне тоже было тридцать, и все семеро сотрудников (ответственный секретарь, двое заведующих отделами, художник, технический редактор и машинистка) были моложе меня. Были молоды и большинство наших авторов.

В литературе, искусстве, "Гобустан" был голосом поколения, которое назвали "шестидесятниками", поколения, оставившего неизгладимый след в истории нашей культуры, передающего его дух, мировоззрение, мироощущение, его мысли, эстетические вкусы и устремления. В "Гобустане" воплотились надежды и радости поколения той поры, его "утраченные иллюзии" и крушение мечтаний

С первого же выпуска альманах вызвал интерес и любовь читателей, клевету и гнев завистников. (Естественно, что последние тоже были нашими читателями, но они читали "Гобустан" злыми глазами, пытались отыскать в нем что-то крамольное.) Во всяком случае, людей, равнодушных к сборнику не было. Мы получали сведения, кое-где в киосках альманах продавали из-под прилавка, за большие деньги.

В чем же была причина этой читательской любви? В том, что материалы подавались в читабельной форме, на языке и в стиле, свойственном в те годы только "Гобустану", в оригинальных рубриках, разделах, в цветных иллюстрациях, высоком качестве бумаги. Но все это лишь внешние факторы. Более важным вопросом было содержание материалов, публикуемых в "Гобустане", а если говорить шире - в общем духе альманаха, его направлении, его позиции.

Различного рода публикациями по проблемам искусства "Гобустан" хотел продемонстрировать, что самые передовые, авангардные направления не должны отрывать нас от нашего наследия, от его корней, не отрицать их. Своими материалами "Гобустан" доказывал, что он с почтением относится к многотысячелетней истории нашего искусства, с вниманием и уважением относится к народному творчеству, и что это отнюдь не означа-

С сотрудниками редакции “Гобустан”

ет, что закрыта дорога к прогрессу, новым поискам, экспериментам, к следованию в ногу с современным миром. “Гобустан” призывал быть равно верным и к нашему Прошлому и к Настоящему, и к Будущему.

Сборник освещал все области азербайджанского искусства, но в то же время двери его были открыты для всего мира: для искусства любой страны на Востоке и Западе, на Севере или Юге.

На первой обложке нашего первого выпуска мы опубликовали фотографии наскальных изображений в Гобустане, обложки последующих номеров украшали образцы азербайджанских миниатюр, ковров, карикатур из “Моллы Насреддина”, репродукции картин Саттара Бахлулзаде, Микаила Абдуллаева, Таира Салахова, Тогрула Нариманбекова, Расима Бабаева, и рядом с ними обложки наших выпусков украшали работы мастеров итальянского Возрождения, французских импрессионистов, Бехзада и Матисса, японские гравюры и графическое изображение “Голубя” Пикассо.

- “Гобустан” был азербайджанским окном в мир. На его страницах Абу Бекр Аджеми Нахчывани, Султан Мухаммед, Узеир Гаджибейли и Бюльбюль, Аббас Мирза Шарифзаде и Фатьма Мухтарова, Рашид Бейбутов и Ниязи соседствовали с Чарли Чаплином и Рабиндранатом Тагором, Шостаковичем и Корбюзье, Феллини и Мейерхольдом, Брехтом и Куросавой, Мей Лан Фаном и Сальвадором Дали, Гарсией Лоркой и Диего Ривьерой, Чюрленисом и Пиросмани. Сдвоенные номера “Гобустана”, когда под одной обложкой печатались сразу два номера, были посвящены мировому искусству XX века, культурному наследию Азии и Африки, художественному творчеству народов бывшего СССР.

Обложка первого номера альманаха "Гобустан"

В тесных рамках идеологии того периода "Гобустан" явился единственным в Азербайджане, а быть может, и во всем Советском Союзе изданием, опубликовавшим огромное количество материалов о прошлом и настоящем искусстве Турции. Публиковались статьи и иллюстрации связанны с произведениями искусства Турции, и вообще всего тюркского мира. Естественно, в те годы нельзя было использовать выражения "Тюркский мир", тем не менее, мы помещали статьи о казахском художнике, о памятниках искусства Узбекистана, о киргизском кино, туркменских коврах, татарской музыке, тувинских статуях, что позволяло нам говорить о прошлом и современном искусстве тюркского мира. Поэтому в адрес "Гобустана" не раз раздавались обвинения в пантюркизме.

Никогда не забывал "Гобустан" и тему Южного Азербайджана. Материалы о скульптурных памятниках, народном творчестве, образцы ковров, статьи о певцах, исполнителях, художниках Юга помещались практически в каждом номере. Один номер мы посвятили параллельному освещению искусства Северного и Южного Азербайджана. Мы дали на верхней половине материалы, иллюстрации, посвященные Северному, а на нижней половине - Южному Азербайджану, была тонкая линия, разделяющая эти половины страниц, и она не была столь непроходимой как река Аракс - тексты, стихи, картины дополняли друг друга и вместе демонстрировали единство и неделимость нашей культуры.

Была еще одна особенность, привлекавшая внимание читателей "Гобустана". Мы публиковали статьи о рядовых деятелях искусства, о людях, чьи имена почти не помнят, о тех, кто имеет заслуги перед искусством, но по тем или иным причинам забыт.

Среди таких деятелей были люди, чья деятельность пришлась на пору Азербайджанской Демократической Республики. И хотя они были политиками, и, следовательно, считались врагами Советской власти, мы, печатали материалы о них, основываясь на деятельности таких людей в области искусства. И я не могу не упомянуть в этой связи имени покойного архитектора и исследователя Мовсума Алиева, постоянного автора этой рубрики. Авторами нашего альманаха были люди, чьи имена навечно вошли в историю нашего искусства, среди них нельзя не назвать: Кара Караева, Фикрета Амирова, художника по ковру Лятифа Керимова, театроведа Джафара Джафарова, архитектора Абдулвахаба Саламзаде, искусствоведа Керима Керимова, ученого-геолога Худу Мамедова, философа Джахангира Эфендиева…

Постоянными нашими авторами были художник Эльчин, искусствовед Расим Эфенди, историки архитектуры Джафар Гияси, Шамиль Фатуллаев, писатели-публицисты Рафаэль Гусейнов, Вагиф Алиханлы, философ Рахман Бадалов.

Среди наших постоянных сотрудников, и работавших с нами с первых дней, и подключившихся чуть позже, я с благодарностью вспоминаю покойного Видади Иашаева, пропавшего без вести Юсифа Алиева, живущего ныне в Турции, но возрождающего и там дух “Гобустана” Тофика Абдина Магеррамоглы, нынешнего редактора газеты “Огузский мир” Азера Абдуллу, нашего ответственного секретаря Сервера Мамедзаде, художников “Гобустана” Рамиза Янбулатова и Гейюра, фотографа Тофика Ханмамедова, Эсмиру ханым, машинистку Маю. Я с добрыми чувствами вспоминаю проведенные вместе дни, да упокоит Аллах души ушедших и дарует долгой жизни живым.

Сегодня, когда по просьбе нынешнего редактора “Гобустана”, нашего замечательного поэта Фикрета Годжи, пишу эту статью для юбилейного номера сборника, я чувствую тоску по тем временам. Несмотря на все трудности, притеснения, моральное давление, я испытываю ностальгию по годам своей молодости, по “Гобустан”ским дням. И это совершенно естественно, потому что в какие бы дни и в каких бы условиях не проходила юность, она все равно остается самой светлой порой, полной надежд. Ведь в юности еще все впереди. И властвуют в душе только чистые чувства, чистые поступки, надежда на Будущее. А сейчас, в самом конце XX века, для нашего поколения все уже осталось позади. Оттого-то мы часто оглядываемся в прошлое, и ищем в нем значение и смысл нашей жизни, ищем свое место в истории.

Разные номера “Гобустан”а

Вечер посвященный альманаху "Гобустан". Выступает Бахтияр Вагабзаде

Окончив в 1964 году Высшие сценарные курсы в Москве, я три года проработал на бакинском радио: сначала заведующим детским отделом, а затем отделом искусств. В 1967 году в связи с началом съемок снимаемого по моему сценарию фильма "Земля, Море, Огонь, Небо" я ушел из радио. После окончания съемок я год не работал. В 1968 году, сидя на бузовнинской даче, я думал о том, куда пойти работать осенью. И в один из таких дней приехавший из города на дачу Энвер Мамедханлы сказал мне, что Джафар хочет сделать меня министром. Близкий друг отца и Энвера, мой бывший преподаватель в университете и руководитель моей дипломной работы Джафар Джафаров был недавно назначен секретарем по идеологии Центрального Комитета. Эти слова он сказал лично Энверу и приглашал зайти к нему.

Наутро я уехал в Баку, позвонил Джафар муаллиму, мы встретились, и выяснилось, что он предлагает мне должность не министра, а заместителя председателя Комитета по кинематографии. Я совершенно искренне говорю, что это предложение не очень обрадовало меня. Для меня свободная работа на любом месте была ценней поста заместителя самого высокопоставленного чиновника. Как хорошо, что идея Джафар муаллима по причинам, не зависящим ни от него, ни от меня не осуществилась. Однако на той встрече Джафар муаллим поделился со мной другой идеей. "В свое время под редакцией Мехти Мамедова выходил альманах "Искусство Азербайджана", - сказал он мне. - Вышли всего три номера, а потом он закрылся. Теперь я хочу восстановить этот альманах, и, учитывая занятость Мехти в театре, предлагаю тебе стать его главным редактором".

Это предложение я принял с удовольствием и охотой. И девятнадцать лет, то есть с сентября 1968 по июнь 1987 года проработал редактором этого издания. Не сборника по искусству, а журнала об искусстве. Этот журнал, хоть и считался решением Бюро ЦК возрождением “Искусства Азербайджана”, однако я предложил назвать его “Гобустан”. Свою мысль я объяснил Джафар муаллиму следующим образом:

“Искусство Азербайджана” - название очень заезженное, от него несет официальщиной, он не привлечет внимания в качестве названия. Исторически Гобустан воплощал в себе несколько видов искусства: живопись (наскальные изображения), музыку (камень-бубен, танец (изображения напоминающие яллы). Поэтому, назвав издание, в котором речь пойдет о разных видах искусств, “Гобустан”, мы с одной стороны будем шире пропагандировать и сам Гобустан, и дадим изданию оригинальное название.

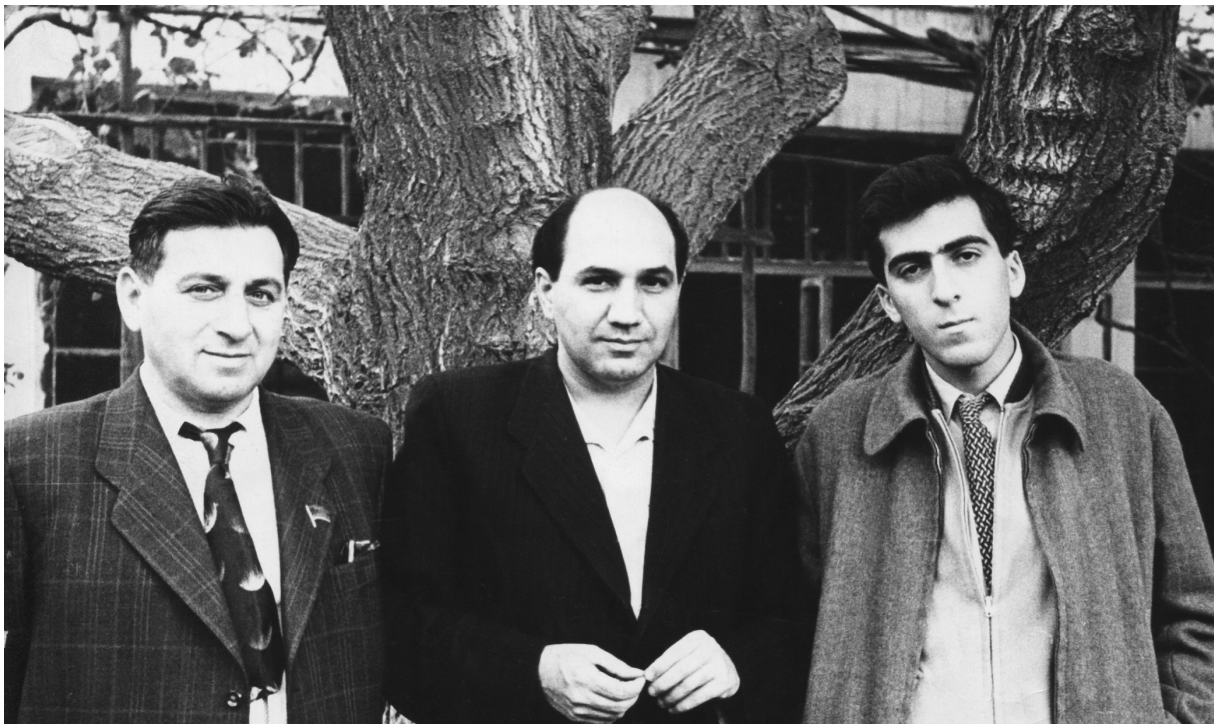
Джафар муаллим и работавший в то время заведующим отделом ЦК Теймур Алиев согласились с моим мнением, и произошел беспрецедентный акт в работе партийных органов: прежнее решение Бюро было отменено и было принято решение не о выпуске альманаха “Искусство Азербайджана”, а об издании “Гобустана”. Мы же самостоятельно, безо всяких решений стали именовать “Гобустан” не альманахом, а “Топлу”.

Тут же появились противники этого наименования. Один из ответственных работников ЦК удивлялся; “Почему “Гобустан”? При слове Гобустан на память приходят верблюды”. - “Причем тут верблюды?” - удивился в свою очередь я. Выяснилось, что этот ответственный товарищ не имеет понятия о наскальных изображениях в Гобустане. Зато он знал, что на территории Гобустана есть совхоз, разводящий верблюдов.

Так что споры вокруг “Гобустана” начались еще до выхода первого выпуска и были связаны с его названием. Возражал против этого названия и наш выдающийся специалист по коврам, впоследствии активный автор журнала, член редколлегии, ныне покойный Лятиф Керимов. “Это место называется не Гобустан, а Гябристан, то есть кладбище”, - говорил он. - “Во всяком случае, все его знают как Гобустан, - возражал я. - Давайте назовем наше издание “Гобустан”, а в первом номере дадим ваши, Лятиф муаллим, размышления “Гобустан или Гябристан”. Он согласился. Правда, к первому номеру он не успел, однако в одном из следующих выпусков мы опубликовали эту статью Лятиф муаллима. Тем самым мы почти с первого выпуска продемонстрировали один из основных принципов “Гобустана”- сборник всегда готов предоставить свои страницы для свободного высказывания мнения, даже если оно не совпадает с мнением редакции.

Как я уже говорил, страдания несчастного “Гобустана” начались еще до выхода первого номера. Кроме названия “Гобустан”, начались споры вокруг формулировки “Топлу”- “сборник”. Никого не волновали иностранные названия “альманах” или “Меджмуе”, а вот родное слово “топлу” - “сборник” воспринималось как заимствование из турецкого языка, что вызывало очень большие беспокойства. Турецкое слово! Это выражение в те годы по понятиям правящей системы считалось чуть ли не самым тяжким обвинением. Мы вынуждены были давать пояснения, что в азербайджанском словаре есть слово “топлу”.

Дело в том, что, встречая на страницах “Гобустана” входящие в словари, но редко используемые азербайджанские слова, наши оппоненты тут же поднимали шум, мол, все



Во дворе дома Джафара Джаббарлы. Расул Рза, Джафар Джафаров, Анар

это турецкие влияния. Например, если мы вместо привычного “муваффагиет” (“удача” использовали слово “угур”, вместо “нумуне” (“пример”) - “орнек”, вместо “мугяддиме” (“предисловие”) “он сёз”, вместо “эср” (“век”) - “юз ил” (“сто лет”), вместо “элагадер” (“в связи”) - “баглы”, это тут же расценивалось как признаки пантюркизма. На основе доносов наших противников, второй секретарь ЦК Козлов как-то спросил у Джафара Джафарова, не выходит ли “Гобустан” на турецком языке? (Молодым читателям хочу еще раз пояснить, что в то время слово “турецкий” относилось только к языку, на котором говорят в Турции, и выпуск в Азербайджане издания на турецком языке рассматривалось как серьезная политическая провокация, как минимумом пособничество Турции и мировому империализму).

И снова приходилось писать объяснения, что, например, вместо слов “тефсир этмек” (“трактовать”) использование формы “йозмаг” не имеет отношения к Турции, пантюркизму и мировому империализму. Нам приходилось объяснять, что “Гобустан” - это издание, посвященное искусству, что некоторые виды искусства недавно пришли к нам (например, кино, балет, станковая живопись), поэтому у нас, при наличии древних видов искусств, таких как ковроткачество, мугам, поэзия, имеющих богатую терминологию, нет терминов относящихся к симфонической музыке, живописи маслом, скульптуре. Мы должны создать их. Например, в живописи при переводе слова “мазок” можно использовать существительное “яхы” от глагола “яхмаг”. В скульптуре деревянные статуи лучше ТЕСАТЬ (“ёнмаг”) а гипсовые ЛЕПИТЬ (“япмаг”). И не стоит набрасываться на нас за то, что это же слово используется и в турецком языке. У нас чуреки именно ЛЕПЯТ в тендирах. Я не скрываю, что временами мы заимствовали у турков удачные вы-

ражения - например, используемые теперь всеми выражения “чагдаш”, “онемли”, “онджже” впервые появились именно на страницах “Гобустана”. Однако мы заимствовали из турецкого языка лишь слова, соответствующие азербайджанскому языку.

А большинство же слов были взяты нами из азербайджанского языка, из его внутренних ресурсов, и создавались на основе его законов и логики. Если мы используем привычные слова с привычными корнями, то почему не можем создать из этих корней аналогичные слова? Сколько таких слов сейчас вошло в активный оборот азербайджанского языка и звучат совершенно естественно. Например, никто не догадывается, что широко используемое ныне слово “данылмаз” - (“то, чего нельзя отрицать”) впервые в этом значении было использовано именно на страницах “Гобустана”.

Я так подробно останавливаюсь на проблеме языка потому, что большая часть нападок на “Гобустан” была связана с нашей языковой самостоятельностью. Еще в 1969 году при подготовке первого выпуска “Гобустана”, наш первый ответственный секретарь, Видади Пашаев, чьи заслуги в выпуске первого и второго номеров неоценимы (чуть позже он перешел работать главным редактором в издательство “Гянджлик”), опубликовал в газете “Эдебиййет ве инджесенет” статью. Сообщая о готовящемся выпуске первого номера, Видади использовал некоторые выражения, непривычные в то время для глаз. И эта статья вызвала большой шум.

Конечно, нападки на “Гобустан” были связаны не только с его языком - просто язык прежде всего привлекает внимание, - а больше с содержанием наших материалов. В то время снимался фильм о Наримане Нариманове, и автор сценария, наш уважаемый писатель Иса Гусейнов в интервью “Гобустану” призывал нашу молодежь “нариманизироваться”. Господи, какой шум возник вокруг этого слова! Как это “нариманизироваться”? А Ленин, партия? Вопрос разбух до того, что попал даже в доклад секретаря ЦК КПСС Капитонова. Дело в том, что в те годы каждое без исключения периодическое издание, выходящее в СССР, должно было иметь разрешение, а “Гобустана” в реестре не было, он не был зарегистрирован официально и выходил как сборник, то есть имел статус книги.

Поэтому политические доносы в Москву дали москвичам право поднять вопрос вообще в отношении этого нелегального издания. К тайным доносам примешивались и публикуемые на страницах прессы материалы, полные клеветы и злопыхательства. К тому же публикация этих материалов на страницах партийной прессы - в газете “Коммунист”, журналах “Коммунист Азербайджана”, “Кирпи” - расценивалась как отношение партии к “Гобустану”. Поэтому Главлит с подозрением относился к каждому выпуску “Гобустана”, “недостатки”, замеченные рядовыми цензорами, тут же докладывались наверх, а оттуда переправлялись в Центральный Комитет, и, в конце концов попадали к секретарю по идеологии. А им уже был не Джафар Джафаров. Человек, занявший этот пост после него, стал с подозрением относиться к “Гобустану” и до самого конца, то есть пока он не был снят с работы, его отношение к нам не изменилось. Я уже не говорю о том, что каждый материал Главлита отправлялся в КГБ. (Об этом стало известно относительно недавно из публикаций бывших сотрудников КГБ.) Сотрудники “Гобустан” по очереди приглашались в КГБ, где им предлагалось сотрудничать с органами, расспрашивали об атмосфере в “Гобустане”, о том, какие там ведутся разговоры,

кто приходит в редакцию, с кем водится Анар. Это стало известно из недавних признаний моих сотрудников, проявивших верность ко мне в те годы. Конечно, я и в то время знал о закулисных причинах нападок на “Гобустан”, однако фактические доказательства этому получил лишь, когда рухнула советская власть и ее контролирующие и карающие органы. Полную ясность в это внес в своем блистательном выступлении на X съезде Союза писателей Азербайджана наш уважаемый президент Гейдар Алиев. Он отметил заслуги “Гобустана” в возрождении нашего национального самосознания, искренне рассказал о попытках в те годы создать отрицательное мнение о “Гобустане”. Я и в те годы подозревал, а сейчас точно знаю, как наше партийное руководство боролось против попыток из республики и из Москвы закрыть “Гобустан”. В одном из наших выпусков мы планировали опубликовать воспоминания Губада Гасымова об Узеире Гаджибекове. Там в одном абзаце говорилось об участии Узеир бека на приеме, и в числе приглашенных был упомянут Али бек Гусейнзаде. Из-за этого материал не был допущен к публикации. “Ваш “Гобустан” вновь занимается пропагандой пантюркизма”, - сказали мне. За этим приговором вполне могло последовать и закрытие издания, и наказание редактора.

Однако и “Гобустан”, и его редактора от своих же сотрудников защищал первый секретарь ЦК Гейдар Алиев.

Если обвинения в национализме, пантюркизме были серьезными обвинениями, то отсутствие наказания со стороны лидера партии людей, обвиняемых в этих “преступлениях”, было весьма опасно и могло плохо закончиться для него самого. В одном из своих выступлений тех лет Гейдар Алиев подверг критике “Гобустан”, однако для меня и в то время было понятно, а теперь в свете вновь открывшихся фактов еще понятней, что эта критика была оградительной. И действительно, почти сразу же за этим выступлением “Гобустан” был утвержден как орган министерства культуры, редакция поручила место в Доме актера, нам выделили дополнительные штаты, был обеспечен своевременный выход издания. К счастью, Гейдар Алиев в то время обращал больше внимания не на доносы, а на содержание самого журнала. И об этом он говорил на последнем съезде писателей.

Если в советское время “Гобустан” от моральных репрессий оберегал лидер партии Гейдар Алиев, то и в период рыночных отношений, когда наступили материальные трудности, именно президент Азербайджана включил “Гобустан” в бюджет республики.

Перенесший политическое давление одного режима, победивший экономические трудности нового времени, “Гобустан”, которому исполняется тридцать лет, по-прежнему служит культуре нашего народа. И я уверен, что он и в XXI веке будет столь же интересен, пестр, красочен. Я желаю “Гобустану” вечной молодости.

Перевод М.Гусейнзаде